

**Р. А.**

**Такие люди, как мы**



В 1933 году корреспондент из Шотландии по имени Гарри Уайт (на фото) отправился в СССР в поисках личного счастья. Но вскоре на новом месте его жизнь превратилась в настоящий кошмар.

Эта повесть основана на реальных исторических событиях.

## Глава 1

Когда Гарри Уайт, 24-летний корреспондент газеты «Эдинбургские новости», проснулся серым утром во вторник 23 февраля 1932 года в своей квартирке в Эдинбурге, он и понятия не имел, что этот день изменит всю его дальнейшую жизнь. И действительно, откуда ему было знать, что его жизнь совсем скоро превратится в настоящий кошмар.

В то утро все было как обычно. Потянувшись, Гарри откинул одеяло и встал на холодный скрипящий пол. Медленно зевнув, он оглядел свою крошечную спальню, где на полу были разбросаны бумаги, скомканные газетные страницы и вырезки, а в углах стояли стопки книг.

*«Приведи уже здесь все в порядок, — подумал Гарри, но тут же возразил сам себе. — Для того, чтобы здесь убраться, нужно свободное время, а у меня его нет, потому что я работаю на двух работах».*

Переступив через книги, бумаги и газеты на полу, Гарри добрался до крошечной ванной. Он открыл кран на полную мощность. Приятное тепло разлилось по его телу. Ванная наполнилась паром. Хороший горячий душ — это все, что было нужно Гарри для отличного начала очередного рабочего дня.

За завтраком Гарри пришлось уже поторопиться — он не хотел опаздывать на работу. Опоздания были роскошью, которую он себе просто не мог позволить.

Закончив завтрак, Гарри быстро оделся и перед выходом остановился напротив зеркала. Работая корреспондентом в одной из самых читаемых газет города «Эдинбургские новости», Гарри всегда следил за тем, чтобы его внешний вид был опрятен, а лицо свежевыбрито. Да и вообще Гарри уделял особое внимание своей внешности.

*У тебя такое лицо, как будто ты не спал всю ночь. Воротник и рукава помяты. А времени их гладить совсем нет.*

Почти пять минут Гарри расправлял рукава рубашки и поправлял воротник.

*Ладно, не так уж и плохо. Сойдет.*

Гарри брызнул на себя одеколон, хлопнул по карману брюк и, убедившись в наличии в нем бумажника, выбежал из квартиры, крепко сжимая в руке коричневый портфель.

Гарри знал, что, даже если он и опоздает (чего никогда не случалось), Эдвард Доусон, главный редактор «Эдинбургских новостей», не будет его ругать, а уж тем более увольнять. А все потому, что Гарри был одним из самых трудолюбивых работников в офисе. Он всегда сдавал свои статьи вовремя, и Доусон знал, что всегда может положиться на Гарри в трудную минуту.

Кроме того, Гарри обладал многими другими качествами, которые в нем ценил начальник. Гарри был начитан, хорошо знал историю других стран, а его статьи всегда были написаны на отличном английском. Гарри также свободно говорил на французском, немецком и даже русском! В довершение всего Гарри был просто порядочным молодым человеком с пытливым умом и нескончаемым желанием работать и учиться.

С точки зрения Доусона, у Гарри был только один недостаток — его политические взгляды. Дело в том, что Гарри был очарован социалистическими идеями и яро их защищал. Доусон понятия не имел, откуда у Гарри были такие интересы, и часто задавался этим вопросом. Но ответа найти от так и не мог.

Конечно, политические взгляды Гарри никоим образом не отражались на его корреспондентской работе в «Эдинбургских новостях». Доусон прекрасно это понимал. И тот факт, что Доусон

не разделял странные политические взгляды Гарри, был совершенно нормальным явлением. Мало ли у кого какие политические воззрения — все это дело вкуса. Конечно, Гарри иногда раздражал Доусона, особенно когда разглагольствовал о «классовой борьбе» (очевидно, начитавшись Карла Маркса и другой подобной чуши), но это, в конце концов, было не так уж важно. Пусть говорит, что хочет.

«Гарри, порядочный и умный молодой человек... и занимается такой ахинеей», — часто бормотал себе под Доусон после разговоров с Гарри. Но он тут же себя успокаивал: «Что ж, может, это просто юношеский максимализм... он наконец придет в себя и вырастет!»

Но Доусон очень сильно ошибался. Однажды Гарри появился в его кабинете с совершенно неожиданными и не особо приятными новостями.

«Мистер Доусон, я хотел бы сообщить вам, что я нашел еще одну работу... Я буду трудиться корреспондентом в другой газете, на общественных началах», — сказал Гарри уверенным голосом, ожидая слов поддержки от начальника.

Но поддержки никакой не последовало.

«Чтоооооо?» — у Доусона чуть не отвисла челюсть. Ему захотелось выругаться, но он сдержался.

«Газета называется "Общество друзей СССР"», — невозмутимо продолжал Гарри.

«Какое убогое название! Что это вообще такое?» — сокрушался Доусон.

«Это местная социалистическая газета.... Пожалуйста, не волнуйтесь, мистер Доусон, я продолжу свою работу в вашей газете тоже!»

«Гарри, ты шутишь, да?! Зачем тебе это надо? Работать бесплатно! Какие лицемеры! Говорят о классовой борьбе, а сами хотят тебя использовать! Они тебя эксплуатируют!» — кипел Доусон.

«Мистер Доусон, можете быть уверены, это никак не повлияет на мою работу в "Эдинбургских новостях"», — успокаивал своего начальника Гарри.

«Гарри, послушай!..»

Затем Доусон пытался убедить Гарри в том, что работа в социалистической газете совершенно не поможет его карьере в Шотландии и что работать бесплатно было не только неразумно, но и вредно. Но предупреждения остались без внимания. Через некоторое время Доусон просто принял эту ситуацию. Гарри по-прежнему был ценным сотрудником, и если его новое хобби не влияло на работу в «Эдинбургских новостях», то пусть делает, что хочет, в свободное время.

Через несколько недель Гарри преподнёс Доусону очередной сюрприз — он заявил о том, что официально вступил в Коммунистическую партию Великобритании и, как и многие ее члены, начал принимать участие в коммунистических митингах и маршах в Эдинбурге. Доусон тогда вызвал Гарри в свой кабинет для еще более серьезного разговора.

«Гарри, не связывайся с этими коммунистами, это не доведет до добра. Держись подальше от их митингов, умоляю тебя!» — говорил он, еле сдерживая ярость и недоумение.

Гарри просто молчал, пытаясь не улыбаться, пока его нахмурившийся босс читал ему лекции о важности выбора правильного направления в жизни и необходимости держаться подальше от всякого рода «политических глупостей».

Когда Доусон наконец закончил свою речь, Гарри вежливо спросил, может ли он быть чем-нибудь полезен, и, получив резкое «нет», откланявшись, удалился из кабинета. А уже после смены направился напрямиком к своим товарищам-коммунистам из местного отделения

партии, чтобы приготовить транспаранты для очередного митинга перед зданием местного парламента.

Опасения Доусона по поводу политических занятий Гарри и участия в митингах не были беспочвенными. Некоторые из этих митингов иногда перерастали в стычки с полицией, которая также часто задерживала протестующих.

Полиция даже однажды задержала Гарри — во время одной из таких стычек он бросил камень в полицейского и слегка ранил его. Тогда Гарри отделался лишь штрафом. К счастью, подобный случай был единственным, все остальные митинги и демонстрации, в которых участвовал Гарри, были более-менее беспроблемными для него.

Редакция «Эдинбургских новостей», в которой Гарри должен был быть к девяти часам 23 февраля 1932 года, находилась в нескольких кварталах от его дома. Гарри обычно добирался до работы на трамвае, и вся дорога занимала не более пятнадцати минут.

Тем утром, выйдя из подъезда, Гарри бросил взгляд в сторону почтовых ящиков, которые стояли во дворике неподалеку. И он тут же заметил белый уголок конверта, который торчал из ящика под номером 025.

Гарри остановился.

*От кого это, интересно. Открыть ящик сейчас или после работы?*

Гарри посмотрел на часы. Почти девять.

*Я уже опаздываю, посмотрю, что там после.*

Он уже было направился в сторону трамвайной остановки, как вдруг ему в голову пришла внезапная мысль.

*А что, если это какая-то важная переписка из отделения партии? Что, если произошло что-то срочное... Я не могу откладывать партийные дела.*

Через минуту ящик был открыт и Гарри держал конверт в руках. Это был действительно необычный конверт: на нем были иностранные марки и печати.

*Союз Советских Социалистических Республик (СССР)*

*Москва, ул. Петровский переулок,*

*От Михаила Марковича Бородина, главного редактора газеты*

*«Москоу Дэйли Ньюз»*

Гарри тут же расплылся в улыбке. Сдерживая желание разорвать конверт и тут же прочитать письмо, Гарри снова напомнил себе, что у него нет на это времени.

Вдалеке раздался знакомый стук трамвайных колес по железнодорожным путям. Гарри поспешно засунул конверт в портфель и бросился к трамвайной остановке. Каким-то чудом ему удалось добежать до трамвая, запрыгнуть на его ножку и протолкнуться в толпу внутри.

Внутри трамвая лоб Гарри покрылся испариной. Он даже на секунду подумал, что вот-вот задохнется. Но, вспомнив о том, что за конверт лежал в его портфеле, Гарри мгновенно забыл о своем дискомфорте. Смотря в окно, он погрузился в воспоминания, как впервые познакомился с Михаилом Марковичем Бородиным.

Товарищ Михаил Бородин был известным партийным чиновником СССР, которого Гарри впервые встретил на одном из митингов в Эдинбурге. Это был полный мужчина с усами и обаятельной улыбкой.

Бородин свободно говорил по-английски, так как еще до Октябрьской революции долгое время жил в США, где курировал школу политэмигрантов. Бородин был лично знаком с Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным, а также водил дружбу с другими важными советскими чиновниками.

Их встреча впервые состоялась перед парламентом Эдинбурга в мае 1931 года. В тот день Гарри, окруженный своими товарищами по партии, держал транспарант «Свободу трудящимся» и выкрикивал коммунистические лозунги. Бородин стоял неподалеку, наблюдая за демонстрантами — он приехал в Шотландию специально, чтобы посмотреть, как идут дела у местных коммунистов.

«Свободу трудящимся!» — вдруг выкрикнул Гарри на русском языке. Никто из его товарищей коммунистов даже не удивился, услышав фразу на иностранном языке. Все знали, что Гарри иногда нравилось выкрикивать фразы на русском, несмотря на то, что он был в Шотландии и его все равно никто не понимал. Гарри был тот еще чудак.

«Свободу и достойную оплату трудящимся!» — выкрикнул Гарри снова на русском практически без акцента.

Гарри тут же привлек внимание Бородина. Во время перекура Бородин подошел к Гарри, который стоял у забора парламента, разворачивая новый транспарант. Его товарищи куда-то отошли.

«Добрый день, вы англичанин?» — спросил Бородин на английском.

«Шотландец», — ответил Гарри, удивлённый прямолинейным вопросом незнакомца.

«Вы прекрасно говорите на русском!» — сказал Бородин, по-товарищески похлопав Гарри по плечу. «Меня зовут Бородин Михаил Маркович. Я занимаюсь партийной работой в Москве и был командирован в Шотландию на несколько дней, чтобы поддержать

местных коммунистов и рабочих», — с добродушной улыбкой сказал Бородин, протягивая ему руку.

«Спасибо!» — скромно сказал Гарри уже на русском, немного смутившись.

«Где вы так научились говорить по-русски?» — Бородин продолжил по-английски.

«Я выучил его сам, мне никто не помогал», — продолжил Гарри по-русски.

Гарри не хотел переходить на английский — ему нравилось говорить на русском.

Между ними тут же завязался разговор. Хотя Бородин продолжал свои попытки вести разговор на английском, Гарри упорно продолжал отвечать по-русски. Вскоре Бородин сдался. Они говорили о революции, социализме, пролетариате и многих других вещах.

Глаза Гарри сверкали и блестели, когда он рассказывал Бородину о своем увлечении историей советской революции, трудами Карла Маркса, своем членстве в местной компартии и участии в коммунистической агитации в Эдинбурге. Все это глубоко впечатлило Бородина.

«Понимаете, я коммунист, но работаю в местной буржуазной газете, — сказал Гарри, как бы оправдываясь. — В капиталистическом обществе не так-то просто выживать, поэтому мне приходится работать на буржуазную газету... Но я также работаю в социалистической газете — "Общество друзей СССР", на общественных началах...»

«Гарри, Советскому Союзу нужны такие идеологически подкованные коммунисты, как ты!» — с восхищением воскликнул Бородин.

Его совершенно не беспокоила работа Гарри в буржуазной газете.

«У нас в стране идет первая пятилетка, советские люди самозабвенно трудятся день и ночь, но нам все равно не хватает талантливых специалистов», — продолжал Бородин.

Гарри застенчиво улыбнулся, поправив очки на носу.

«Спасибо, товарищ Бородин, мне очень приятно это слышать».

«Нет, Гарри, это я благодарю тебя за самоотверженную преданность нашему делу», — высокопарно сказал Бородин, по-отцовски похлопав Гарри по плечу.

Бородин отвел Гарри в сторону, подальше от толпы демонстрантов, которые после небольшой передышки снова начали выкрикивать политические лозунги.

Гарри действительно многим жертвовал ради своих политических взглядов. Его мать, Мэри, не разделяла его энтузиазма по поводу коммунизма, так же, как и его начальник Доусон. «Ты носишься со своими листовками и бумагами, как сумасшедший, а жизнь твоя проходит мимо», — часто ворчала она.

«Послушай, Гарри, как бы ты отнесся к переезду в СССР? Если бы, например, я предложил тебе работать с нами?» — неожиданно спросил Бородин.

К тому моменту демонстрация уже закончилась, и товарищи Гарри по партии уже начали расходиться. Бородин и Гарри так и стояли неподалеку от здания парламента. Небо затянули тучи, хотя дождя еще не было.

«Что вы имеете в виду, товарищ Бородин?» — нахмурился Гарри.

«Я думаю, что тебе следует переехать в СССР, в Москву... Я прекрасно знаю, как британцы и шотландцы относятся к коммунистам, они думают, что вы тут все сумасшедшие и одержимые... Большинство местных — капиталисты, и, несмотря на то что у тебя здесь есть

товарищи, я считаю, что твоя работа была бы оценена по достоинству в СССР».

«Но чем я буду там заниматься?»

«Той же работой. Будешь работать корреспондентом. И тебе больше не придется работать в буржуазной газете».

«Спасибо за доверие, товарищ Бородин, но мне кажется, что я пока не очень хорошо пишу по-русски...»

«Не скромничай, Гарри... Я уверен, что ты очень хорошо пишешь по-русски, — махнул рукой Бородин. — Но дело даже не в этом. Тебе не нужно будет писать по-русски. Твоя работа будет полностью на английском языке. Видишь ли, какое дело. Месяц назад товарищ Сталин обратился ко мне с гениальной идеей создать газету на английском языке для иностранцев, которые приезжают на заработки в СССР. Эта газета будет рассказывать им о повседневной жизни в СССР, чтобы они, так сказать, имели более правильное представление о советских реалиях».

Бородин улыбнулся широкой добродушной улыбкой.

«Звучит заманчиво, но...» — нерешительно пробормотал Гарри.

«Гарри, не волнуйся, тебе не нужно принимать решение прямо сейчас», — прервал его Бородин. — Официально я тебе пока ничего не предлагал, мы только начинаем работать над этим проектом и создание газеты только начинается. Моя командировка в Шотландии заканчивается завтра, через несколько дней я буду в Москве. Как только все будет ясно, я свяжусь с тобой и расскажу подробности. А пока расскажи мне о том, как у вас тут идет партийная работа...»

Остаток вечера Гарри и Бородин провели в разговорах об идеологической работе в Шотландии, а наутро Бородин уехал в Лондон, откуда затем отправился в Москву.

Хотя Гарри не придавал значения предложению Бородина в момент их разговора, в последующие дни он не мог выкинуть его из головы.

*А что, если у меня действительно получится построить блестящую журналистскую карьеру в СССР? Почему бы и не попробовать? Возможно, в СССР все было бы иначе...*

Эта мысль преследовала Гарри. Конечно, как убежденный коммунист, Гарри планировал в будущем посетить СССР в качестве туриста, но он никогда не думал о том, чтобы жить там. Эта мысль, мысль о жизни в другой стране, привлекала и в то же время пугала его.

Но чем больше Гарри думал о предложении Бородина, тем больше ловил себя на мысли о том, что часть его сильно желает там оказаться. Да, Гражданская война в СССР только закончилась. Совсем недавно. Да, возможно, жизнь в СССР была сложнее, чем в Шотландии. Но и ведь и Шотландия переживала не лучшие времена — в стране была высокая безработица. А что, если однажды Гарри потеряет работу и не сможет найти новую? На что он будет жить?

Но самое главное для Гарри было не это. Самое главное было то, что Советский Союз был молодой, перспективной страной, в которой помимо многочисленных проблем было много возможностей. Возможностей для карьерного роста, поиска единомышленников, и даже возможностей построить какую-то личную жизнь. СССР был свободной страной. Свободной от классовой эксплуатации и капиталистических пережитков.

Гарри обдумывал предложение Бородина около недели, но затем стал постепенно забывать. Так как от самого Бородина дальнейших вестей не было, Гарри решил, что с газетой в Москве что-то не получилось.

Однако 23 февраля 1932 года, почти год спустя, Гарри вдруг получил письмо, которое сейчас лежало у него в портфеле.

Гудок трамвая развеял воспоминания Гарри.

*Моя остановка. Пора выходить.*

Протискиваясь сквозь толпу пассажиров, Гарри выскочил из трамвая напротив кирпичного трехэтажного здания редакции.

*Свежий воздух. Какая же там была духота. Никак не могу к ней привыкнуть, хоть и езжу на этом трамвае каждый день.*

Гарри незаметно проскользнул мимо приоткрытого кабинета мистера Доусона и уселся за своим деревянным столом. Рядом сидели другие сотрудники газеты, которые пыхтели над своими пишущими машинками и не особо обращали внимания на то, что происходит вокруг. В воздухе висел сильный запах крепкого кофе и свежееотпечатанной бумаги.

Клак-клак-клак. Клак-клак-клак.

Поставив портфель на пол, Гарри перевел дыхание. В предвкушении он вытащил конверт из портфеля. Затем он посмотрел по сторонам. Его коллеги были заняты редакционными делами. Никто не видел, что он занимается посторонними делами в рабочее время. Гарри осторожно разорвал конверт дрожащими от волнения руками.

*Дорогой Гарри!*

*Прошу прощения за столь долгое молчание.*

*Я очень рад, что мы познакомились. Ты, наверное, помнишь о моем предложении переехать в СССР и работать здесь. Я по-прежнему считаю, что твои знания и умения очень пригодятся нам здесь, в Москве. Именно здесь ты наконец полностью сможешь посвятить себя партийной и коммунистической работе!*

*Я поговорил со своими товарищами, рассказал им о нашей встрече, и мы решили предложить тебе должность корреспондента*

*в нашей новой англоязычной газете «Moscow Daily News» здесь, в советской столице. Мы предлагаем тебе отдельное жилье в центре Москвы, хорошую зарплату, бесплатный проезд и другие условия, которые я буду рад обсудить с тобой, если ты примешь наше предложение. Мы также берем на себя все вопросы, связанные с визой и документами.*

*Я очень надеюсь, что ты примешь наше предложение. Пожалуйста, телеграфируй свой ответ.*

*С уважением  
Товарищ Бородин*

Сердце Гарри бешено забилося. Он перечитал письмо несколько раз.

*Что мне делать? Нужно телеграфировать ответ.*

*Что мне на это отвечать?*

*Так уж мне и хочется туда ехать?*

*А если мне там не понравится?*

*А что, если они передумают, когда я уволюсь здесь?*

*Что я скажу Доусону?*

*Он же будет в ярости и возненавидит меня. Это же совершенно ясно.*

Гарри снова огляделся по сторонам. Все его коллеги щелкали клавишами печатных машинок, не поднимая с них глаз.

Клак-клак-клак. Клак-клак-клак.

Гарри сложил письмо, положил его обратно в конверт, оттолкнул портфель ногой под стол и потянулся к папке с бумагами возле лампы.

*За работу, Гарри.*

В тот день и последующие Гарри было очень сложно думать о работе. Ехать или не ехать. Соглашаться или нет. Сидя за своим рабочим столом, Гарри зажмурил глаза. Перед ним пронеслась вся его жизнь в Эдинбурге. Была ли эта жизнь такой счастливой, чтобы оставаться здесь?

Гарри также долго думал о Доусоне. Он переживал, что начальник, который так его ценил, возненавидит его и расценит согласие ехать в СССР как предательство.

Кроме того, никто ему не гарантировал, что новая работа в СССР будет ему на самом деле по душе. Что, если ему не понравится? Если так, то пути назад уже не будет.

С другой стороны, новая жизнь в СССР могла иметь свои плюсы.

*Может быть, мне наконец не нужно будет врать. А если мне будут задавать вопросы? Не волнуйся, Гарри, личная жизнь — это последнее, что волнует настоящих коммунистов. Ты же знаешь, что интересы общества — превыше всего. Никто ни о чем в СССР тебя спрашивать не будет.*

Наконец, спустя неделю он решился. Он поедет в СССР. Он откажется от своей жизни в Шотландии и рискнет. Гарри даже сам был в шоке от скорости принятия своего решения. Но жребий был брошен.

Гарри телеграфировал свое согласие Бородину и уже на следующий день получил ответную телеграмму с инструкциями о том, что делать дальше. Бородин просил связаться с товарищем Федоровым, сотрудником советского посольства в Лондоне, который велел Гарри отправить паспорт и другие необходимые документы для оформления советской визы почтой.

Уже через несколько недель Гарри держал в руках конверт с паспортом, советской визой, билетами на поезд до Лондона, а затем на пароход до Ленинграда и даже две небольшие связки британских

и советских банкнот. Федоров также сообщил Гарри, что ему оплатили номер в гостинице Лондона, в котором Гарри переночует. По прибытии в Ленинград Гарри должен был встретить товарищ Бородин по фамилии Игнатов.

Все происходило так быстро, что Гарри просто забыл сообщить Доусону о своем решении. В день, когда он решился сделать это, Доусон работал в своем кабинете. Подойдя к кабинету, дверь которого почти всегда была полуоткрыта, Гарри охватило внезапное чувство вины за то, что он так поступал со своим начальником. Начальником, который всегда относился к нему доброжелательно и всегда ценил его.

«Мистер Доусон, я хотел бы поговорить с вами кое о чем», — робко начал Гарри, входя в кабинет Доусона и осторожно закрывая за собой дверь.

Доусон сидел за массивным столом, на котором стояли телефон, пишущая машинка и стопки газет. Позади него находился шкаф с ящиками. Слабый солнечный свет проникал в кабинет сквозь деревянные жалюзи. Здесь также пахло кофе и сигаретами. Гарри знал, что Доусон курил в офисе за закрытыми дверями, несмотря на все его попытки скрыть этот факт.

«Что? Очередной митинг?» — недовольно пробормотал Доусон, отрываясь от газеты на столе.

«Нет, мистер Доусон. Я хотел бы написать заявление об увольнении...»

Ручка, которую Бородин держал, выпала у него из рук.

«Что это за новости такие?!» — но через долю секунду добавил: «Ах... я так и знал! Я так и знал! Так и знал! Это все твоя газета... твои коммунисты. Это все из-за них!»

Разъяренный и расстроенный, Доусон достал пачку сигарет из верхнего ящика стола и тут же закурил. Он никогда не делал этого

в присутствии своих сотрудников, но ему нужно было как-то успокоить нервы. Ведь Гарри, его любимый Гарри, самый трудолюбивый и старательный корреспондент во всей газете объявлял о своем уходе.

«"Общество друзей СССР"... — робко поправил Доусона Гарри. — Нет, они вообще не имеют к этому никакого отношения. Понимаете, я уезжаю в СССР, потому что мне предложили там работу...»

«Чтоооо?» — Доусон чуть не выронил сигарету.

Гарри тяжело сглотнул — он чувствовал себя виноватым.

«Гарри... — выдавил из себя Доусон, не в силах скрыть разочарование. — Я знал, я... я всегда предупреждал тебя, что вся эта коммунистическая чепуха ни к чему хорошему не приведет».

«Но почему же чепуха, мистер Доусон? Я наоборот считаю, что это открывает передо мной новые возможности...»

Доусон глубоко затянулся, выпустив облако дыма. Откашлялся, прочистил горло и тяжело вздохнул. Затем, наклонившись вперед, он сказал:

«Гарри, ты знаешь, что я ни в коем случае не считаю тебя дураком... Но я до сих пор еще удивляюсь, как... как этим коммунистам удалось тебе промыть мозги? Как этим негодьям удастся промыть мозги стольким умным и талантливым молодым людям? Скажи честно, они предлагали тебе деньги? Они купили тебя?»

«Никто меня не покупал, — с обидой ответил Гарри. — По крайней мере, мне никто не предлагал денег, и я вступил в партию по собственному желанию».

«Ну, скажи мне, Гарри, почему бы тебе не остаться здесь? Чего тебе не хватает здесь, в Эдинбурге? Это одно из лучших мест Шотландии. Ну ты же не какой-то рабочий с угольной шахты, у тебя здесь достойная работа, я тебя очень ценю, ты сам это знаешь».

Гарри нахмурился.

«В этом-то и дело. Угольщики тоже люди, сэр, с семьями, которым надо как-то жить. В этом и заключается основная проблема нашей страны — никто не ценит труд рабочих и никто не защищает их права. Вы же видите все эти протесты... Наша страна могла бы стать намного лучше при более равном распределении капитала...»

«Боже, хватит этой чепухи. Вешай эту лапшу на уши своим товарищам, а не мне. В свою партию ты меня не заманишь», — раздраженно рявкнул Доусон, делая еще одну затяжку.

«Мистер Доусон, я не скрою, что в какой-то степени я исходил из личных мотивов, когда я принимал решение...»

«Я так и знал... Деньги. Очень в духе социализма, — цинично усмехнулся Доусон, откинувшись на спинку стула и довольный своим разоблачением. — Несложно было догадаться!»

«Нет, не деньги. Не все в этом мире делается ради денег, мистер Доусон...»

«Опять эта большевистская чушь!» — огрызнулся Доусон. — Ты можешь проповедовать эту чушь на своих митингах вокруг парламента и промывать мозги другим дуракам...»

Доусон тут же замолчал, вдруг осознав, что грубит. В конце концов, это был его Гарри, Гарри, которым он очень дорожил и которого он ценил. Но он просто не мог смириться с такой потерей и не хотел так легко его отпускать.

«В любом случае, Гарри, мне жаль, что ты принимаешь такое неразумное и явно поспешное решение. На твоём месте я бы очень тщательно все обдумал, — многозначительно сказал Доусон, выпуская дым изо рта. — Посмотри в окно, это Шотландия, Эдинбург, цивилизованная страна с многовековой демократией, здесь все живут хорошо. Зачем тебе эта Россия?»

«Нет, мистер Доусон, не у всех...»

«Чушь!» — Доусон зарычал, ударив кулаком по столу. Было ясно, что слепая вера Гарри в коммунизм и его попытки защитить взгляды только раздражала его.

«Это все большевистские сказки, в которые верят такие наивные молодые люди, как ты. Ну скажи мне, что не так с Шотландией? Что тебе здесь не нравится? У нас свобода слова... У нас есть все!»

«Вы ошибаетесь, мистер Доусон. В нашей стране рабочие, меньшинства живут очень плохо...» — настаивал Гарри тихим, но твердым голосом.

Доусон снова поморщился и, прочистив горло, потушил сигарету в пепельнице.

«А какое тебе до них дело? Ты что, меньшинство? Ты что, женщина? Или черный? Какие меньшинства? Ради бога ты что, гомосексуалист?»

Гарри сглотнул комок в горле и замолчал.

Доусон испытующе посмотрел на Гарри. Он сам удивился, что их разговор зашел на эту тему. Почувствовав, что зашел слишком далеко, Доусон прочистил горло:

«Гарри... если бы ты был гомосексуалистом и из-за этого горел желанием уехать жить в СССР, то я бы понял. Большевики, черт их побери... они не только расстреляли царскую семью, но и отменили все законы царской России, в том числе и закон о запрете гомосексуализма. Так что такие люди, как гомосексуалисты, теперь могут жить свободно... Ну разве ты гомосексуалист?..»

«Н-нет», — сказал Гарри дрожащим голосом.

«Что ж, это прекрасно, — сказал Доусон, откинувшись на спинку кресла. — Поэтому, раз уж ты не женщина, чернокожий или гомосексуалист, то я не понимаю, зачем тебе ехать в СССР...»

Доусон неодобрительно покачал головой.

«Мистер Доусон... — Гарри тяжело сглотнул, пытаясь перевести разговор в более комфортное русло. — Честно говоря, я знал, что вы так отреагируете. Я знаю, как вы относитесь к коммунистам, и благодарен вам за то, что, несмотря на наши различия в политических взглядах, вы все же позволили мне работать здесь и...»

«Гарри, ты хороший парень...»

Доусон снова наклонился вперед, пытаясь сохранить на лице улыбку и дружелюбный тон голоса:

«Просто подумай... Я тебя умоляю. Надеюсь, ты еще не купил билет. Ты нужен здесь!»

«Я уже решил...»

«Хорошо, я вижу, что этот разговор ни к чему не приведет, — разочарованно вздохнул Доусон — Мне очень жаль. В течение недели подготовлю все документы».

Удивление и первоначальный гнев Доусона исчезли. Как и в предыдущие разы, когда Гарри удивлял его своими решениями, Доусон просто принял ситуацию. Ничто на свете не могло заставить этого упрямого молодого человека изменить свое мнение. Его слепая вера в коммунизм была слишком сильна, чтобы Доусон мог заставить его пересмотреть свои взгляды.

Но, несмотря на свое принятие, Доусон все равно чувствовал себя преданным.

«Спасибо за понимание...» — виновато пробормотал Гарри.

«Не нужно меня благодарить», — теперь голос Доусона звучал несколько безразлично. Он устал от этого разговора и хотел вернуться к своим делам. «Иди к своему столу, ты еще не в СССР, а до сих пор здесь, в Шотландии...»

Гарри вежливо кивнул головой и направился к двери. Провожая Гарри глазами из кабинета, Доусон пошуршал бумагами на столе, а когда Гарри исчез из поля зрения, пробормотал себе под нос:

«Черт бы его побрал этого Уайта! Ничего хорошего из этого точно не выйдет».

Как оказалось, Доусон был прав.

## Глава 2

Когда Гарри вышел из кабинета Доусона, ему стало не по себе.

*Почему он спросил меня об этом? Он что-то подозревает? Это так легко заметить? Хотя, с другой стороны, почему меня это так волнует? Я больше не буду здесь работать. Скоро я уеду в СССР и забуду у своей жизни здесь, в Эдинбурге.*

Гарри тут же взял себя в руки.

*И вообще, если я буду нервничать каждый раз, когда кто-нибудь произносит это слово, то я себя очень быстро выдам.*

Наконец его дыхание стало медленным и ровным.

Гомосексуалист. Хотя Гарри и не нравилось это слово, он знал, что оно имело к нему самое прямое отношение.

Гарри узнал об этом слове в пятнадцать лет, из криминальной хроники какой-то газеты. В хронике рассказывалось о двух мужчинах, арестованных в одном из парков Эдинбурга. По данным издания, мужчины пытались вступить в половую связь, и корреспондент называл их «гомосексуалистами». В статье также объяснялось, что такие люди были не только преступниками, но и больными людьми, поскольку страдали неестественным сексуальным влечением к представителям своего пола.

И именно тогда Гарри вдруг понял, что он такой же.

Это сознание заставило его замкнуться в себе. По мере взросления Гарри все сильнее чувствовал отчуждение от сверстников. Он быстро узнал, что такое одиночество, хотя он также быстро научился с ним справляться — с помощью книг. Он часто ходил в библиотеку. Там он снимал с полки книги, просматривал их, находил что-то интересное и начинал читать. Он часто приносил книги домой.

Чтение приносило Гарри облегчение и удовлетворение и помогало отвлечься от тягостных мыслей. Он часто читал допоздна, и Мэри, его маме, приходилось напоминать ему, что пора идти спать. В эти моменты Гарри отрывался от книги и смотрел на нее покрасневшими глазами:

«Уже?»

«Да», — говорила она, откладывая его книгу в сторону, и добавляла: «Почему бы тебе не завести новых друзей? Проводя целый день за книгами, ты не с кем никогда не подружишься...»

«Мне не о чем с ними разговаривать...» — говорил Гарри, снимая очки и зевая.

Мэри пожимала плечами и оставляла его в покое.

То, что Гарри не было о чем разговаривать со сверстниками, было правдой. Когда ему исполнилось шестнадцать, все его одноклассники уже гуляли с девушками, и он знал, что многие из них уже вступили в сексуальные отношения. Самой популярной темой среди его сверстников были разговоры о свиданиях. Гарри же было нечего сказать. Конечно, никто не знал о его секрете — ведь он умел тщательно его охранять. Ведь таких, как он, в Шотландии могли посадить в тюрьму.

*Никто никогда не узнает о том, что я за человек. Я никогда не позволю этому желанию овладеть мной... — говорил себе Гарри. — Я сделаю все, чтобы никто никогда не узнал о моих постыдных желаниях.*

Им также овладевали и другие мысли.

*И что я буду делать со своей жизнью? Говорят, любовь — единственное, что делает людей счастливыми...*

*Какая ерунда! Это чушь. Есть в жизни вещи интереснее всех этих телесных удовольствий... Работа, например... Да, я буду работать и вносить вклад в общество.*

*Но зачем мне вносить свой вклад в общество, если это самое общество презирает таких, как я?*

*Ну, я пока не буду об этом думать... Попробую сосредоточиться на чем-то другом в своей жизни. Кто знает, может быть, закон изменится, или у меня получится как-нибудь перебороть это желание, и я смогу жить нормальной жизнью...*

Несмотря на надежды Гарри, его влечение к мужчинам не утихло со временем. Чем старше он становился, тем яснее ему становилось, что это навсегда. Постепенно Гарри просто с этим смирился. Сознательно отодвигая свою личную жизнь на второй план, он полностью погрузился в чтение и учебу. Он даже начал изучать иностранные языки, и почему-то русский был одним из его самых любимых.

Когда Гарри исполнилось шестнадцать, он устроился на работу рассыльным в «Эдинбургские новости» и, завоевав симпатию и доверие главного редактора мистера Доусона, который тут же заметил его начитанность и интеллект, вскоре стал корреспондентом газеты.

В обязанности Гарри, помимо написания заметок, также входило чтение других газет и поиск интересных новостей. Так в 1928 году, когда Гарри был 21 год, он наткнулся на статью из местной социалистической газеты, которые тогда были распространены в Великобритании. Статья рассказывала о Советском Союзе и советском образе жизни. Хотя Гарри к тому времени уже неплохо говорил по-русски и хорошо знал историю России, он не особо интересовался тем, что происходило в России сейчас. Но из той статьи он узнал много нового.

В статье, в частности, говорилось об одной известной революционерке по имени Александра Коллонтай, которая утверждала, что советские граждане вскоре смогут жить по принципу «свободной любви».

*Свободная любовь.*

Эти слова крутились у Гарри в голове.

Гарри перечитал статью несколько раз и даже сделал несколько пометок, над которыми размышлял в последующие дни.

*Коллонтай ничего не говорит о таких, как я, но, учитывая ее заявления о «свободной любви», можно предположить, что она не против таких людей... В отличие от Шотландии и других капиталистических стран...*

*А что, если..?*

Сердце Гарри бешено забилося при мысли, которая вдруг зародилась у него в голове.

*Интересно, является ли это преступлением в СССР?*

Снедаемый любопытством, Гарри отправился в библиотеку университета Эдинбурга. Там можно было найти, что угодно.

*Если отношения между мужчинами в СССР запрещены, то в Уголовном кодексе наверняка об этом говорится.*

В библиотеке он нашел экземпляр Уголовного кодекса СССР на русском языке.

К удивлению Гарри, там ничего не говорилось о таких как он. Не было ни одного упоминания слова «гомосексуализм». Абсолютно ничего. Это означало только одно — такие люди, как он, не подвергались уголовному преследованию в СССР, в отличие от Шотландии.

С этого дня интерес Гарри к Советскому Союзу и ко всему, что там происходит, начал расти. Гарри начал подробно исследовать статьи и труды советских революционеров и иногда удивлялся до глубины души тому, насколько прогрессивными были их лозунги. Особенно в вопросах половой жизни людей. Гарри также проштудировал все советские официальные документы, и ни в одном из них не говорилось о том, что такие, как он, преследовались по закону.

Более того, Гарри даже нашел статьи советских медицинских работников, которые утверждали, что гомосексуализм не является болезнью и что, в отличие от царского прошлого, в советском обществе такие люди не преследуются по закону. И впервые в жизни Гарри начал понимать, что такие, как он, могли быть вполне нормальными людьми. Единственной проблемой таких людей было то, что они жили в стране, где их преследовали.

Вскоре Гарри сам незаметно для себя проникнулся идеями социализма. «А почему бы и нет?» — думал он.

*Если социалистическое общество не преследует таких, как я, то почему бы мне не стать сторонником социалистических взглядов?*

Гарри вдруг понял, что общественная и политическая работа могли быть делом его жизни.

*Может быть, однажды коммунисты придут к власти здесь, в Великобритании, и, возможно, законы о мужеложстве будут отменены, и такие люди, как я, смогут жить без страха.*

В 1927 году Гарри вступил в Коммунистическую партию Великобритании и самозабвенно отдался партийной работе. И вот, в результате этой партийной работы, он познакомился с Бородиным. И теперь ему представился шанс уехать туда, где таких, как он, не преследовали по закону. Там, где такие, как он, могли жить без страха.

*Это уникальный шанс изменить твою жизнь, Гарри. В СССР у тебя будет множество новых возможностей. Возможности для профессионального роста. Возможности для личного счастья. Таких, как я, там не презирают. Их не считают преступниками. Это отличный шанс начать жизнь заново, Гарри. Остаться в Шотландии значит обрекать себя на вечное несчастье...*

После разговора с Доусоном оставалось самое важное. Нужно было сообщить новости родителям. Несмотря на то что они не одобряли рабочие интересы Гарри и часто докучали вопросам о женитьбе, он все равно любил их.

*Эти новости их точно впечатлят. Они будут мной гордиться. А может, и нет. Возможно, они испугаются. Они, конечно, расстроятся, потому что я уезжаю. Будут жалеть, что я не подарю им внуков. Я знаю, что они хотят внуков. Но я не могу... не хочу.*

Родители Гарри жили в крохотной двухкомнатной квартирке на окраине Эдинбурга, куда Гарри заглядывал почти каждые выходные. Разговор с Доусоном состоялся в понедельник, а в субботу в полдень Гарри уже был у родителей. Несмотря на то, что это был выходной, его отец, Патрик, был на работе. Гарри знал, что его отец любил свою работу, хотя и был простым маляром.

Мэри, как обычно, тепло встретила Гарри. После поцелуя в щеку они прошли на крохотную кухню, где на плите что-то тихо бурлило. На кухне висел приятный запах.

Гарри сел за кухонный стол, пока Мэри перемешивала тушеную говядину.

Их разговор продолжался как обычно: Мэри спрашивала Гарри о работе, а он ей сухо отвечал. Сухо — не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что пытался собраться с мыслями о том, как начать разговор об отъезде. Наконец, Гарри выдавил из себя:

«Мама, мне нужно тебе кое-что сказать...»

«Минутку, мне нужно закончить здесь». Она немного помешала рагу, а затем выключила конфорку. Вытерев руки о фартук, она села рядом с Гарри.

«Что-то случилось?»

*Вот он, этот момент.*

Гарри выдавил улыбку.

«Нет мама, ничего не случилось. По крайней мере, ничего плохого».

Он улыбнулся еще шире. Ведь действительно, ничего плохого не произошло. Только хорошее.

«Наоборот, произошло что-то хорошее, что-то важное».

Он взял ее руку в свою.

*Слава Богу, наконец-то, — подумала Мэри. — Он нашел кого-то. Он встретил девушку. А я так беспокоилась о нем. Господи, как же я долго ждала. Некоторые из его бывших одноклассников уже обручились или поженились. А мой Гарри... Такой красивый парень просто должен иметь красивую девушку. И я уже так давно жду от него внуков...*

Мэри тепло улыбнулась, ожидая продолжения приятных новостей.

«Через пару недель я уезжаю в Москву. Мне поступило замечательное предложение работать корреспондентом в советской англоязычной газете — ее основал сам товарищ Сталин! И я очень этому рад!» — с энтузиазмом объявил Гарри.

Улыбка тут же исчезла с лица Мэри.

То, что она услышала, было так далеко от того, что она ожидала. Новости Гарри потрясли ее до глубины души.

О чем он, черт возьми, говорил? Советский Союз? Товарищ Сталин?

«В Советский Союз?» — нахмурилась Мэри.

«Да, мама!» — твердо сказал Гарри. Он почувствовал, как рука Мэри вдруг похолодела.

Гарри решил больше ничего не говорить, чтобы дать Мэри время переварить информацию и спокойно задать все вопросы, которые наверняка роились у нее в голове.

«Гарри, но ведь там война!» — обеспокоенно выдавила она.

«Мама, там давно уже нет войны. Социализм и пролетариат победили, — спокойно объяснял Гарри. — На дворе 1932 год. В СССР идет индустриализация, там строятся новые дома, предприятия... Жизнь советских людей тоже становится лучше с каждым днем. Иностранцы со всего мира едут в СССР на заработки. СССР предлагает массу возможностей для достойной жизни».

Гарри вдруг поймал себя на мысли о том, что звучал как Бородин при их первой встрече.

«Гарри, не будь дураком...» — Мэри остановилась на полуслове. Она никогда не была груба с сыном, но в этот момент ей было трудно сохранять самообладание. Гарри собирался ехать в это ужасное место работать корреспондентом!

«Гарри, я слышала много плохого об СССР. Это совсем не то место, где приличный шотландец, как ты, мог бы достойно жить и работать. Зачем тебе это все?» — продолжала она с тревогой.

Гарри вздохнул.

«Просто подумай об этом, мам. Весь капиталистический мир задыхается в тисках финансовой депрессии. И у меня есть прекрасная возможность выбраться из этих тисков... Я говорю по-русски, я много знаю о русской культуре, я могу сделать что-то важное в своей жизни. Понимаешь?»

«Гарри, ну ведь то место, куда ты собираешься, — это же уже давно не Россия. Это совсем непонятно что. Большевики, коммунисты, я читала, что они расстреляли всю царскую семью. Ты порядочный

молодой человек; как ты можешь хотеть жить в стране, которой управляют убийцы?»

Гарри разочарованно вздохнул. Он знал, что она не примет его отъезд так просто. Такую реакцию следовало ожидать от любой матери — ведь он собирался не в Глазго (Мэри, конечно же, сильно беспокоилась бы и в этом случае), а в другую, совершенно новую и странную страну, пережившую много ужасных вещей. В страну, в которой первые годы шла кровопролитная гражданская война, унесшая жизни бог знает сколько людей.

«Мам, не говори так. Я не оправдываю убийство царской семьи... но русский царь тоже принес страдания русскому народу. Много страданий. Вот увидишь, жизнь в СССР скоро наладится и еще больше людей со всего мира захотят там жить. Это будет одна из самых процветающих и успешных стран мира, и я смогу внести вклад в ее развитие».

Мэри неодобрительно покачала головой.

«Гарри, почему бы тебе не заняться своей жизнью здесь? Зачем тебе этот Советский Союз? — настаивала она. — Почему бы тебе просто не пожениться? Мы с твоим отцом хотим внуков».

*Если бы ты знала почему, мама. А может, ты уже сама догадываешься...*

Внуки. Семья. Мы с отцом хотим внуков. Гарри знал, что его мать вернется к этой теме, и, хотя все эти темы были ожидаемы, его сердце все равно начало бешено колотиться. Каждый раз, когда их разговор заходил о женитьбе, между ними наступало неловкое молчание.

Иногда Гарри даже думал, что Мэри и сама может обо всем догадываться. Возможно, она уже и знала, но отказывалась принять правду. Да что уж сказать, ему самому часто хотелось во всем признаться, потому что он уже давно устал от притворства,

придумывания всяких историй и оправданий, к которым он прибегал, чтобы объяснить отсутствие у него девушки. Но он так и не набрался смелости сказать родителям правду.

«Я еще слишком молод», — Гарри решил прибегнуть к своему обычному оправданию.

«В том-то и дело, почему бы тебе не прожить эту жизнь с какой-нибудь милой девушкой?» — продолжала настаивать Мэри.

В глубине души у матери Гарри, конечно же, были некоторые подозрения, но она всегда пыталась игнорировать их. Иногда она подумывала подойти к нему и напрямую спросить, правда ли... но ей так и не удалось этого сделать. Гарри был уже большим мальчиком и подобные вопросы были бы слишком бестактными. Да ей и самой было не очень удобно говорить на такие темы.

Они сидели молча еще несколько минут, Мэри смотрела на руку сына, которая все еще была в ее руке. Затем она осторожно отпустила ее, встала и подошла к плите.

«Обед остывает», — сказала она, ставя чайник на плиту.

*Ну ладно Мэри, успокойся — говорила она себе. — Хорошо, ну а что, если поездка Гарри в СССР действительно поможет ему наконец определиться, чем он хочет заниматься в жизни. Гарри умный, начитанный парень. Конечно, он знает и понимает, в какую страну переезжает. Он не дурак. Может быть, он сможет найти себе невесту, которая разделит его политические взгляды, и наконец женится. И у нас наконец-то появятся прекрасные дети, пусть даже наполовину русские!*

Мэри пыталась сфокусироваться на позитивных мыслях. В конце концов, она никак не могла повлиять на решение своего сына.

В вечер отъезда Гарри в Лондон на вокзале по платформе спешили люди с багажом, тележками, сумками и чемоданами. Поезда

гудели, выпуская шипящий пар, а из динамиков на высоких столбах трещали объявления об отправлении.

«Мама, я уезжаю не навсегда и всегда могу вернуться», — Гарри пытался успокоить Мэри по мере того, как они неспешно шли по платформе, приближаясь к вагону поезда.

Патрик, отец Гарри, тихий и задумчивый мужчина семидесяти лет, шел следом, тихо куря сигарету. У вагона стоял кондуктор в зеленой униформе, проверяющий документы и билеты пассажиров. Удостоверившись, что с ними все в порядке, он приветливо приглашал их пройти в вагон и желал приятного путешествия.

«Я буду писать и слать телеграммы», — обещал он.

Гарри протянул билеты и паспорт кондуктору, не отворачиваясь от родителей.

«Просто будь осторожным», — сказал Патрик, пожав сыну руку.

Услышав это, Мэри вдруг бросила на него острый взгляд: как он мог быть таким спокойным, видя, что Гарри уезжает? Но затем она смягчилась — Гарри уезжал, а отчитать мужа она еще успеет. Вот-вот Гарри сядет в вагон, и неизвестно, когда он вернется...

*И вернется ли.*

Мэри не могла сдержать слез, когда Гарри обнимал ее. Как будто это были их *последние* объятия. Она почувствовала внезапное желание схватить его за руку и никуда не отпускать, но она, конечно же, этого не сделала. Насколько это было бы нелепо? Гарри был взрослым мужчиной. Он знал, что делает.

«Гарри, почему ты не взял больше вещей? Посмотри на свой чемодан, там же почти ничего нет, — вдруг запричитала Мэри. — Там же холод, жуткий холод!»

«Мама, товарищ Бородин сказал, что на месте поможет мне со всем...»

*Мама, пожалуйста не усложняй ситуацию,* — Гарри также думал про себя.

Конечно, Гарри чувствовал себя виноватым за то, что оставлял их. Он был их единственным ребенком. Их единственной радостью. Но что ему еще оставалось делать? Было бы глупо отказаться от такого уникального шанса изменить свою жизнь.

Они снова обнялись. Через несколько секунд Мэри и Патрик молча наблюдали, как их мальчик входит в поезд и исчезает.

Войдя в поезд, Гарри вздохнул с облегчением.

*Наконец-то.*

Он ненавидел прощания, особенно долгие прощания. Он зашел в купе, снял пальто и повесил его на вешалку. Затем он задвинул свой небольшой чемодан в багажное отделение под сиденьем и откинулся назад. Развернул газету, которая лежала на столике. В купе, кроме Гарри, никого не было. Гарри попытался забыть, что его родители до сих пор были там, на платформе, переживая и наверняка в слезах.

*Посадка окончена!*

Зашипел пар, поезд дрогнул и тронулся. Гарри отложил газету и поднял жалюзи на окне. На платформе люди махали рукой другим пассажирам. Мэри и Патрика среди них было.

*Самое сложное позади. Все идет очень хорошо, Гарри. Ты хорошо держишься.*

Он закрыл глаза и задремал. Уже был поздний вечер.

Несколько раз за ночь Гарри открывал глаза. В купе тускло мигала лампочка.

Гарри выглянул в окно. Только тьма и очертания леса. Бледная луна в небе, скрывающаяся и снова выглядывающая из-за облаков. Но вскоре грохот колес поезда снова убаюкал его.

На следующее утро поезд прибыл в Лондон. Гарри был здесь впервые. Но, несмотря на то что у него был целый день на осмотр достопримечательностей, ему не хотелось гулять по городу. Весь день он провел в своем гостиничном номере.

Гостиница «Савой», которую забронировали люди Бородина для Гарри и в которой ему предстояло провести ночь, поражала его своей роскошью. Гарри никогда не останавливался в таких гостиницах. И вообще, как убежденный социалист, он считал подобные места капиталистическими излишествами. Но, поскольку гостиница была оплачена и выбор был сделан за него, Гарри ничего не оставалось, как на время забыть о своих убеждениях.

Несмотря на удобную мягкую кровать и плотные шторы, не пропускавшие яркий свет уличных фонарей, Гарри не мог уснуть в ночь перед отъездом. Поначалу он думал, что всему виной обильный ужин. Но потом ему стало ясно, что это была тревога. Он понимал, что находился на грани чего-то нового, неизвестного, загадочного и, возможно, даже опасного. Ворочаясь в постели, Гарри так и не смог сомкнуть глаз до утра.

*Нужно уже вылезать из кровати. Бесполезно пытаться заснуть. Мне просто нужно успокоиться. Я все делаю правильно. Тревога в такой ситуации — это совершенно нормально.*

За всю бессонную ночь Гарри успел проголодаться. Поднявшись с кровати, он позвонил на рецепцию и через десять минут завтрак был доставлен в номер. Затем, приведя себя в порядок, Гарри был готов отправиться на Лондонский речной вокзал.

Советский пароход «Алексей Рыков», на который Гарри успел вовремя, отчалил в восемь утра из Лондонского речного вокзала, гудя и изрыгая черный дым из своей единственной трубы. Пассажиры, стоящие на палубе, наблюдали за отдаляющимся портом, вздыхая от волнения. Большинство из них, как и Гарри, путешествовали на «Рыкове» впервые.

Стоя на палубе и сжимая перила, Гарри пытался сдержать волнение.

*Вот и все. Я еду в СССР.*

Конечно, перед своим путешествием в СССР Гарри успел кое-что почитать о пароходах. Он даже читал о «Рыкове», но реальный опыт пребывания на советском пароходе затмил все его ожидания. Первое, что Гарри заметил, — это роскошные интерьеры. Советские власти не поскупились на украшение пассажирских салонов, ресторана и кают. Салон парохода был отделан дорогим деревом, а полы в каютах первого и второго класса устланы красными коврами. Судя по всему, советские власти всеми силами старались продемонстрировать иностранным пассажирам, что их суда не уступали иностранным по комфорту и сервису.

На «Рыкове» также царили чистота и порядок. Советские моряки, полные энтузиазма и гордости, увлеченно рассказывали иностранным пассажирам на английском языке о прекрасной жизни в СССР. Гуляя по палубе, Гарри останавливался, чтобы прислушаться к тому, что они говорили.

«В Советском союзе с каждым днем жизнь становится все радостнее!»

«Товарищ Сталин ведет нашу страну в прекрасное будущее!»

«В СССР нет безработицы, советский народ любит труд и не представляет свою жизнь без труда...»

«В СССР намного лучше, чем в западных странах, у нас есть работа!»

Через два часа после того, как пароход покинул порт, Гарри сделалось дурно, и он спустился в свою каюту, чтобы немного поспать. Нервное возбуждение последних нескольких дней было виновато в его состоянии не меньше, чем бессонная ночь в отеле и качка корабля.

В каюте было душно и уснуть было не так просто. После безуспешных попыток вздремнуть Гарри наконец почувствовал, что тошнота немного утихла. Тогда он снова поднялся на палубу — по крайней мере воздух там был свежее.

К концу дня заметно похолодало, но по палубе все равно бродили пассажиры, и многие из них продолжали общаться с советскими моряками.

«Пароход был построен совсем недавно, в 1927 году, и предназначался для перевозки пассажиров, а также продуктов питания, — говорил один коренастый молодой матрос, активно надраивая палубу шваброй. — Нашу первую поездку в Лондон мы совершили в 1928 году, и "Рыков" там стал настоящей сенсацией. Пока он стоял в Лондонском порту, на пароходе было проведено несколько экскурсий, а местные журналисты не могли скрыть своего восхищения».

Позже за ужином в ресторане, сидя за одним из столиков, Гарри услышал, как один советский матрос разговаривал с пассажиром-англичанином на английском языке:

«В Советском Союзе люди работают на благо своей родины. Мы все работаем на процветание и благополучие нашей страны и наших граждан!» Моряк был очень уверен в своем английском и чувствовал себя комфортно в обществе иностранцев.

«Капитан каждый день рассказывает нам о достижениях советских товарищей на заводах и предприятиях. Мы все внимательно слушаем, а затем аплодируем этим успехам», — продолжал он.

Слыша это, некоторые пассажиры доброжелательно посмеивались, переглядываясь с другими пассажирами, а другие понимающе кивали головами. Некоторые были явно под впечатлением.

Громкий голос моряка и его энтузиазм по поводу жизни СССР вскоре развеяли печаль Гарри по поводу отъезда. Грусть наконец уступила предвкушению предстоящих позитивных перемен.

В первую ночь на пароходе Гарри удалось выспаться. Наутро он даже поймал себя на мысли о том, что ему поскорее хочется приехать и начать новую жизнь. Счастливую жизнь на новом месте. Жизнь без страха.

Вечером на второй день в ресторане состоялся очередной ужин. Пассажиры-иностранцы и советские граждане оживленно беседовали за столиками, хваля повара и звеня бокалами с темным игристым вином. Около девяти часов вечера капитан корабля товарищ Репин, сурового вида мужчина в черном мундире, вдруг поднялся со своего места и жестом потребовал всеобщего внимания.

«Дамы и господа! Завтра утром мы прибудем в Советский Союз. Я очень рад, что иностранные граждане имеют такой интерес к моей родине и что они рады принять участие в строительстве новой, свободной и процветающей страны! — сказал он сильным, глубоким голосом, оглядывая ресторан. — Мы трудолюбивый и гостеприимный народ, и мы всегда рады видеть гостей на нашей земле. Приветствую вас и желаю счастливого пребывания в нашей стране!»

«Браво, ура, слава СССР!» — воскликнул один пассажир, поднимая бокал с шампанским.

Другие бокалы также поднялись в воздух.

«Слава СССР!»

«Слава СССР!»

Гарри вначале постеснялся сделать то же самое, но в конце концов тоже поднял свой бокал.

«Слава СССР!» — сказал англичанин, сидевший рядом с Гарри, повернувшись к нему. Гарри кивнул в неловком согласии.

Товарищ Репин поклонился и сел обратно на свое место. Оживленный гул пассажиров снова наполнил ресторан.

После ужина капитан Репин неожиданно подошел к Гарри, поприветствовал его и вручил небольшой конверт.

«Товарищ Уайт, это для вас».

*От Бородина.*

Гарри поблагодарил капитана и учтиво кивнул головой. Затем, когда Репин вернулся к своему столику, он открыл конверт.

*Дорогой Гарри,*

*Добро пожаловать в Советский Союз! Я очень рад, что в скором времени мы будем работать вместе, и убежден, что наша работа будет плодотворной и полезной на благо социализма. Товарищ Обухов, мой хороший друг, встретит тебя в порту Ленинграда. Он будет ждать тебя с табличкой с твоим именем. Он также покажет тебе Ленинград и отвезет в гостиницу, где ты сможешь передохнуть несколько дней. Потом он посадит тебя на поезд до Москвы, и на Московском вокзале тебя уже встретит мой другой хороший друг, товарищ Игнатов.*

*До встречи,*

*Товарищ Бородин*

Письмо Бородина полностью развеяло грусть Гарри. К чему грусть, если в его жизни происходили все эти чудесные события? Повода для грусти просто не было и не могло быть.

На следующее утро «Рыков» бросил якорь в Ленинградском порту, напротив красивого желтого здания, которому на вид было больше ста лет. Глядя, как моряки пришвартовывают корабль, Гарри не мог сдержать волнения, которое сжимало его грудь.

Через несколько минут Гарри, держась одной рукой за веревки и держа чемодан в другой, осторожно спустился по сходням. Даже на твёрдой земле казалось, что она качается под его ногами. Затем он проследовал за другими пассажирами в таможенный зал, где на стенах висели красные флаги с серпами и молотами.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ!» — кричали белые буквы на красном транспаранте.

Достав свой темно-синий британский паспорт, Гарри занял место в очереди к столам, за которым сидели люди в военной форме. Они с серьезным видом листали паспорта и ставили печати.

Гарри сразу заметил, что лица людей в форме сильно отличались от матросов на «Рыкове». Они явно были менее дружелюбными.

Через пять минут настала очередь Гарри.

«Доброе утро!» — сказал Гарри по-русски, протягивая паспорт молодому чиновнику лет двадцати с небольшим. Мужчина в форме кивнул, ничего не говоря. Он взял паспорт Гарри начал искать страницы с печатью советского посольства.

*«Мы трудолюбивый и гостеприимный народ и всегда рады видеть гостей на нашей земле...»* — Гарри вдруг вспомнил слова Репина. — *Забавно, что капитан Репин это сказал. Что-то я*

*не чувствую здесь особой радости. Он даже не удосужился поздороваться со мной.*

Но в голове Гарри тут же возник другой, более рациональный голос.

*Ну, кто знает, что происходит в его жизни... Ведь, наверное, утомительно сидеть здесь целый день, общаясь с иностранцами... Да и вообще, работа офицера на границе — это дело серьезное, и дело это, конечно, требует серьезного подхода. Я тоже буду очень серьезно относиться к своей работе.*

Мужчина в форме продолжал листать паспорт Гарри. Затем он взял ручку и начал что-то записывать в большую тетрадь.

Гарри посмотрел в сторону соседнего стола, где офицер уже пропустил двух пассажиров. А он до сих пор стоял, пока его документы проверяли.

*Почему так долго?*

Сердце Гарри забилось быстрее.

На мгновение он даже подумал, что, должно быть, сделал что-то ужасное — что-то неправильное, о чем он сам не знал, но о чем было известно сидящему перед ним человеку в форме. Внезапная мысль мелькнула в его голове — а стоило ли вообще сюда приезжать? Возможно, ему следовало послушать Доусона и остаться в Эдинбурге.

*Может быть.*

*Что за чушь, Гарри. Конечно, твое решение было правильным.*

*Какой же ты трус, Уайт! — Гарри отчитал себя в мыслях. — Офицер просто делает свою работу. Если бы товарищ Бородин знал, какой ты нелепый трус, он бы наверняка никогда не предложил тебе работать на него!*

«Добро пожаловать», — наконец сухо сказал офицер по-русски, вручая Гарри паспорт и жестом разрешая пройти.

Холодный прием советского пограничника застал Гарри врасплох и оставил после себя неприятный осадок.

*С кем не бывает. Главное — что тебя впустили и проблем никаких не возникло.*

В порту Гарри встретил товарищ Обухов, мужчина пятидесяти лет с чисто выбритым, приятным улыбающимся лицом и одетый в черный саржевый жилет и котелок. В руках он держал табличку «ГАРРИ УАЙТ». Обухов был явно более дружелюбен, чем пограничник, с которым Гарри только что пришлось иметь дело.

«Добро пожаловать в Советский Союз, — сказал Обухов на почти идеальном английском, подхватывая чемодан из рук Гарри. — Надеюсь, поездка вас не слишком утомила — но, в любом случае, у вас будет время отдохнуть. Нас ждет шофер».

*Шофер.*

Через несколько минут Гарри и Обухов подошли к черной машине. Шофер моментально уложил чемодан в багажник и даже придержал дверь, пока Гарри садился внутрь. Обухов также сел на заднее сидение рядом. Через несколько мгновений автомобиль тронулся с места. Несмотря на свой очень американский вид, автомобиль, по словам Обухова, была произведен в СССР.

Сидя на заднем сиденье, Гарри с жадным любопытством разглядывал из окна здания и дома, построенные в разных стилях, а также мосты, статуи и другие архитектурные изыски Ленинграда. Гарри также с интересом наблюдал за людьми на улицах, которые стояли на остановках или деловито куда-то шли.

*Это просто невероятно. Я в городе, в котором произошла та самая Октябрьская революция. И, по ходу дела, никто о ней уже*

*и не помнит. Кажется, жизнь здесь идет своим чередом... Не могу поверить, что я и вправду в СССР.*

Смотря на здания на улицах, Гарри вдруг подумал, что город выглядит немного обветшалым. Но он знал, что советское правительство обязательно об этом позаботится и приведет все в порядок.

Затем он снова похвалил себя за смелость и решительность.

*Это было правильное решение, Гарри. Я рад, что оказался в нужном месте в нужное время. Наконец я могу начать жить заново... Прошлое не сможет меня здесь настигнуть.*

Видя любопытство на лице Гарри, Обухов сказал:

«Гарри, не волнуйтесь, завтра я проведу вас по улицам города. У вас будет возможность познакомиться с Ленинградом поближе».

Автомобиль свернул во двор исторического трехэтажного дома. Несмотря на свою архитектурную элегантность, при ближайшем рассмотрении он также оказался довольно ветхим.

«Вот мы и на месте. Отель "Англетер", — объявил Обухов, кивая в сторону здания. — Это знаменитая гостиница, в которой часто останавливался известный русский писатель Лев Толстой... После революции гостиница была переименована в "Интернациональ", но в 1925 году ей вернули прежнее название...»

Выйдя из машины, Гарри огляделся. Здание гостиницы стояло рядом с другим, более крупным зданием, которое, похоже, тоже было гостиницей.

У парадного входа в «Англетер» их встретил носильщик в серо-зеленой куртке, фуражке и брюках. После оформления всех документов на стойке регистрации Обухов, Гарри и носильщик вошли в лифт, который доставил их на второй этаж. В тускло освещенном коридоре стоял специфический запах, который Гарри не мог распознать.

Комната находилась в конце коридора. Через несколько секунд они вошли внутрь. Носильщик внес чемоданы и тотчас же откланялся.

«Вот ваша комната, Гарри, в ней есть все удобства, — говорил Обухов, заходя сам и приглашая Гарри пройти за ним. — Сегодня я не буду вас беспокоить, чтобы дать вам отдохнуть после долгого путешествия, а завтра приду в десять утра после завтрака. Могу ли я быть чем-нибудь вам полезен сегодня?»

«Спасибо товарищ Обухов, я думаю, что на данный момент мне ничего не нужно и просто хотелось бы отдохнуть», — сказал Гарри как можно вежливее.

Обухов откланялся, оставив Гарри одного в комнате и закрыв за собой дверь.

В отличие от номера в лондонском «Савойе», номер «Англетера» был скромным и просто обставленным. Гарри был вполне доволен, так как буржуазные излишества его только раздражали.

В комнате стояла небольшая двуспальная кровать, закрытая чем-то вроде занавески. В углу стояли письменный стол с ящиками, стул и кресло напротив окна. В номере была ванная, стоящая на каких-то странных львиных ножках, и туалет.

*Теплая ванная. Это все, что мне сейчас нужно.*

Как только Гарри вошел в ванную, в дверь постучали.

«Наверное, Обухов», — подумал Гарри. Ему снова пришлось одеться.

На пороге стояла невысокая женщина лет пятидесяти в сером длинном платье и белом фартуке, которая напомнила Гарри медсестру. Но это была горничная.

«Товарищ Уайт, позвольте вам сообщить, что, к сожалению, у нас нет возможности поставлять горячую воду каждый день», — сказала она на запинаящемся английском языке.

Гарри удивленно приподнял брови.

«Ничего страшного, я с этим как-нибудь справлюсь. Ведь холодная вода еще есть...» — сказал он, пытаясь звучать как можно вежливее.

«И, к сожалению, холодной воды сегодня тоже нет, — перебила его горничная с извиняющимся выражением лица. — Может быть, будет вечером. Пожалуйста, простите за неудобство».

Откланявшись, она исчезла в полумраке коридора, позвякивая ключами.

*Первое в мире социалистическое государство испытывает проблемы с водой. Как странно, — подумал Гарри. — Вот тебе и неожиданность.*

Но Гарри не позволил себе заикливаться на этой маленькой проблеме — ведь он приехал сюда не ванны принимать, в конце концов. У него были дела поважнее.

Он подошел к окну и распахнул тяжелые шторы. Яркий дневной свет тут же наполнил комнату. Окна номера выходили на площадь Воровского, самое сердце Ленинграда, Исаакиевский собор и небольшой парк с деревьями, которые только начинали цвести. На дворе стоял апрель.

*Какая разница, горячая или холодная вода. Какая разница, есть ли вода вообще. Кого это волнует. Вода — это не проблема. Я здесь в безопасности, и это — самое главное. Я в новой стране. Начинается новая жизнь. Со мной ничего плохого не произойдет. Все будет хорошо. Кого волнует эта вода.*

Гарри плюхнулся на кровать. Ему казалось, что она под ним качалась. Он проснулся, когда уже стемнело. К счастью, к тому времени

из крана наконец-то начала течь холодная вода, и Гарри кое-как удалось привести себя в порядок.

На следующий день в назначенное время Обухов ждал внизу на рецепции.

«Гарри, надеюсь, вам удалось выспаться», — дружелюбно сказал он, вставая с дивана в холле.

«Да, товарищ Обухов, все было очень удобно, спасибо», — ответил Гарри, не упомянув вчерашний инцидент с водой. Он также решил не делиться с Обуховым своими впечатлениями о своей кровати, которая показалась ему немного жесткой. У него даже немного болела спина.

*Но это не важно. Все это пройдет.*

«Сегодня мы будем передвигаться по городу без машины. Если вы не против, конечно. Так вы сможете познакомиться с городом поближе, без спешки. Понимание жизни советских людей пригодится вам в вашей работе. Товарищ Бородин очень хотел, чтобы я показал вам город без машины».

И Гарри был совсем не против.

Гуляя по улицам Ленинграда, он продолжал восхищаться вездесущей изысканной архитектурой города, несмотря на то что большинство зданий нуждалось в обновлении и реставрации. Он также с интересом наблюдал за людьми. В течение прогулки ему удалось сделать несколько любопытных наблюдений.

Большинство мужчин, которых Гарри видел на улицах, носили одежду, напоминающую армейскую форму — рубашки со скошенным воротником, брюки, очень облегающие ноги и сильно расклешенные в бедрах, а также кирзовые сапоги. Многие из них курили сигареты, стояли группами, читали газеты, перешептывались, смеялись, что-то обсуждали, стояли в очередях, толпились возле стендов, ларьков с едой,

магазинов и парикмахерских. Тут и там на улицах строем маршировали солдаты.

Можно было увидеть и более элегантно одетых мужчин в твидовых костюмах, с портфелями в руках и с блестящими ботинками на шнуровке. Некоторые сидели за рулем автомобилей или выходили из ресторанов со столь же элегантно одетыми дамами. Что касается советских женщин, то большинство носило платки или вязаные шапочки. Гарри также видел девушек в шляпах и французских беретах, в теплых приталенных куртках и длинных юбках поверх прочных прогулочных сапог.

На улицах гремели трамваи и цокали копыта лошадей. В повозках на куче веток восседали неопрятного вида мужчины средних лет, которые постоянно что-то жевали и даже плевали прямо на тротуар.

После нескольких дней прогулок, обязательного посещения Эрмитажа, музеев и других достопримечательностей Ленинграда Обухов проводил Гарри к вокзалу, где тот отправился на ночном поезде в Москву.

На следующее утро поезд прибыл на Ленинградский вокзал, где Гарри уже ожидал товарищ Игнатов. По внешнему виду и приветливости Игнатов был похож на Обухова. Он также вежливо взял чемодан Гарри, пригласил жестом сесть в черный автомобиль (также советского производства), который доставил их к новому дому Гарри.

Пятиэтажный доходный дом располагался в Большом Афанасьевском переулке, недалеко от легендарной Красной площади. Дому был всего один год. Новая квартира Гарри была намного больше той крохотной квартирки, которую он снимал в Эдинбурге. Просторные спальня и гостиная с мебелью, высокие потолки и огромные двойные окна. Игнатов объяснил Гарри, что зимой окна надо заклеивать полосками бумаги, чтобы сохранить внутри тепло. Несмотря на то, что дому был всего год, под их ногами поскрипывали деревянные паркетные

доски. В квартире также стоял странный запах влаги или сырости, к которому Гарри вскоре привык.

По советским меркам новые жилищные условия жизни Гарри были настоящей роскошью. Сам Гарри никогда не жил в такой просторной квартире и поначалу чувствовал себя как-то неуютно от мысли, что он один будет занимать такое большое пространство.

«Отдыхайте сегодня, товарищ Уайт, а завтра я покажу вам Москву», — сказал Обухов, вручая ключи от квартиры. На этом он отклонился и оставил Гарри одного.

Гарри огляделся вокруг, уперев руки в боки. Он до сих пор не мог поверить, что он в Москве. Не в Шотландии, а Москве. Он подошел к окну в спальне и распахнул шторы, на которых лежал толстый слой пыли. Яркий солнечный свет ослепил его. За окном стоял прекрасный день.

Во дворе громко смеялись дети, играя в песочнице и качаясь на качелях. Дворник шуршал метлой перед подъездом. Постояв у окна несколько минут, Гарри направился в гостиную. Там на столе его ждал еще один конверт.

*Бородин.*

Гарри улыбнулся. Ему было очень приятно, что Бородин сопровождал таким образом каждый его шаг в новой стране.

*Дорогой Гарри!*

*Если ты читаешь это письмо, значит, ты уже в своей новой квартире. В квартире есть все для комфортного проживания, и, если тебе что-либо понадобится, я буду рад обсудить это с тобой при нашей встрече. Сегодня ты можешь отдохнуть, а завтра товарищ Игнатов познакомит тебя с нашей славной столицей и проведет по всем главным ее достопримечательностям.*

*Во вторник я буду ждать тебя в нашей редакции по адресу Петровский переулок, дом 8. В верхнем ящике рабочего стола лежит план города Москвы с названиями улиц, схемами движения трамваев и автобусов. Также в конверте, в этой же коробочке, лежит небольшой аванс за работу, который ты можешь использовать на свои нужды и на свое усмотрение.*

*Если у тебя возникнут вопросы или какие-либо неотложные проблемы, пожалуйста, звони мне по рабочему телефону 2-58-71, и я буду рад помочь.*

*До встречи*

*Товарищ Бородин*

Гарри аккуратно сложил письмо вдвое. Посидев за столом несколько минут, он направился в ванную.

В отличие от гостиницы «Ленинград», в квартире Гарри не было проблем с горячей водой. Гарри впервые за несколько дней смог нормально принять ванную. Несмотря на сильное желание погулять по Москве, Гарри решил остаться дома и восстановиться после долгого путешествия.

На следующее утро в его дверь постучал Игнатов. Они отправились на прогулку.

Москва сильно отличалась от Ленинграда, и, как показалось Гарри, не в лучшую сторону. Здесь не было той вездесущей архитектурной элегантности, которая так поражала в Ленинграде. Москва была больше, она была похожа на большую, нелепо разросшуюся деревню. Да, в центре города, который находился не так далеко от дома Гарри, бульвары и улицы были хорошо вымощены, и кое-где можно было увидеть магазины с витринами, многие из которых, однако, были почти пусты. Повсюду висели театральные афиши, а на центральных

площадях шумели громкоговорители, что поначалу раздражало Гарри, но потом он к ним привык. Так же, как и в Ленинграде, по центральным улицам тут и там маршировали солдаты, а люди толпились возле магазинов и ларьков.

Хотя в небе светило солнце и на дворе стоял апрель, воздух все еще был холодным. На дворе стоял март. На земле лежал грязный нарастаявший снег, на некоторых местах дороги широкие лужи разверзли свои рты на земле, окруженной грязной слякотью.

Гарри и Игнатов прогулялись до Красной площади, где Гарри впервые увидел собор Василия Блаженного. Игнатов подробно рассказал ему историю строительства храма. Затем они подошли к Мавзолею Ленина.

«Как ты понимаешь, Гарри, это очень важное место для советских людей. Товарищ Ленин сыграл огромную роль в свержении царизма и победе социализма, — объяснял Игнатов, когда они стояли перед причудливой гранитной пирамидой. — Многие советские граждане приходят сюда, чтобы своими глазами увидеть лидера мирового пролетариата».

И действительно, желающих посмотреть на вождя мирового пролетариата в его стеклянном гробу было немало; Гарри и Игнатов почти два часа ждали очереди на входе в мавзолей. Внутри люди толпились вокруг гроба, вздыхая от восхищения и глядя на тело вождя революции широко раскрытыми глазами. Гарри и сам чувствовал некоторое волнение, находясь в такой непосредственной близости от покойного Ленина.

После короткого обеда в ГУМе Гарри и Игнатов отправились в Музей Ленина, где были выставлены личные вещи, его портреты и дневники, а также множество других экспонатов, рассказывающих о его жизни. Работники музея с бесконечным энтузиазмом рассказывали посетителям о подвигах Ленина, его злоключениях и смелой борьбе

с царизмом. Многие факты из жизни Ленина были уже известны Гарри, но он все равно стоял и с интересом слушал их, заложив руки за спину.

После музея Игнатов повел Гарри к еще одной достопримечательности — руинам храма Христа Спасителя, недавно взорванного советской властью.

«Советский Союз свободен от религиозных предрассудков, — напыщенно заявил Игнатов, указывая на руины. — Товарищ Сталин отдал приказ разобрать храм, но как только стало ясно, что разобрать его невозможно, товарищ Сталин приказал взорвать его. Всего два взрыва. Скоро руины будут расчищены и здесь построят Дворец Советов», — с гордостью продолжал он.

По спине Гарри пробежал холодок.

Несмотря на то, что он был атеистом, он все же считал неразумным так жестоко взрывать важный памятник архитектуры, пусть даже он являлся пережитком царских времен. В конце концов, собор можно было превратить в музей царизма, который мог бы показать и научить новые поколения тому, насколько опасна религия. Но власти СССР считали иначе.

Гарри также удивило большое количество женщин на улицах, которые, как ему казалось, занимались мужской работой — дворники, регулировщики, водители трамвая. Гарри обратил на это внимание товарища Игнатова, который тут же все объяснил:

«Товарищ Уайт, это совсем не удивляет нас, советских граждан. Товарищ Бородин именно поэтому хотел, чтобы я провел вас по центральным улицам. Чтобы вы сами увидели, чем жизнь в Советском Союзе отличается от жизни в капиталистических странах. Чтобы вы могли начать отвыкать от своего буржуазного мышления. В СССР все равны — и женщины, и мужчины. В нашей коммунистической стране все

имеют равные права и возможности и могут работать в любой профессии».

Гарри мысленно отругал себя за нелепый вопрос.

«Я уверен, что скоро вы привыкнете к городу и будете здесь комфортнее себя чувствовать», — сказал Игнатов, когда их прогулка подошла к концу.

### Глава 3

Во вторник Гарри прибыл в офис газеты «Moscow Daily News», которая располагалась в двухэтажном историческом здании в Петровском переулке в самом центре Москвы.

«Гарри, — сказал Бородин с добродушной улыбкой, поднимаясь из-за стола и застегивая коричневый пиджак. — Как я рад тебя видеть! Спасибо, что принял мое приглашение и согласился работать с нами. Как прошла твоя поездка?»

Бородин вышел из-за стола и протянул руку Гарри. Рукопожатие их было продолжительным, и симпатия Бородина к эрудированному шотландцу была весьма ощутима. Затем Бородин жестом показал на стул напротив своего стола, приглашая сесть.

Гарри сел и огляделся. Кабинет Бородина не особо отличался от кабинета его бывшего начальника Доусона: большой стол, книжный шкаф, пишущая машинка и стопки документов с каким-то бумагами. Единственным отличием был портрет Сталина, висевший на стене над Бородиным. В углу громко тикали часы.

«Мы начали работать совсем недавно, — начал Бородин, наблюдая за тем, как Гарри осматривается. — Но о газете и твоих обязанностях мы поговорим позже... Расскажи мне о своем путешествии? Все ли прошло хорошо? Тебе понравились Ленинград, Москва?»

«Спасибо, товарищ Бородин, моя поездка была чрезвычайно комфортной, — сказал Гарри на своем прекрасном русском языке. — Ваши товарищи очень помогли мне с оформлением документов и позаботились обо всем!»

*Если не считать воды в отеле...* — Гарри вдруг вспомнил про инцидент с водой в «Англетере». — *Но это пустяки. Гарри, просто забудь уже об этом.*

«Что ж, я рад слышать, что все прошло хорошо. Твой русский язык не перестает меня удивлять. Надеюсь, мы поладим и тебе понравится работать у нас. Тебе, наверное, не терпится узнать, чем ты будешь заниматься?»

«Конечно, товарищ Бородин!»

«Ну, как ты, наверное, знаешь, в западных странах бушует финансовый кризис, — вдруг нахмурившись, сказал Бородин. — Люди теряют работу, им не на что содержать семьи... Многие люди кончают жизнь самоубийством. Особенно в США. Поэтому многие американцы, и не только американцы, задумываются о поиске работы в других странах. В этом отношении СССР является для них одним из самых привлекательных мест. Я уже говорил, что наши граждане самоотверженно трудятся во имя светлого будущего нашей славной страны. Но нашей стране все равно нужны квалифицированные специалисты из-за рубежа, понимаешь?»

Гарри кивал, внимательно слушая. Это была его первая рабочая встреча в СССР!

«Поэтому мы встречаем иностранных граждан с распростертыми объятиями и предлагаем им трудоустройство. В СССР работают десятки тысяч иностранных специалистов, и их скоро будет еще больше. Наша газета "Москоу Дэйли Ньюс" предназначена именно для всех этих иностранных граждан. Они наша основная аудитория. Мы надеемся, что наша газета поможет им узнать больше о жизни в СССР, о преимуществах жизни в Советском Союзе... Наша газета должна помочь жителям Запада лучше понять советский образ жизни. В общем, как видишь, нам предстоит очень важная работа».

Пока Бородин увлеченно рассказывал о газете, Гарри вытащил блокнот, пытаясь записывать инструкции Бородина.

«Нам предстоит много работы, — повторил Бородин. — Ты будешь брать интервью у иностранных инженеров и рабочих на наших заводах и готовить их к публикации в нашей газете. Мы также получаем много писем от иностранцев, проживающих в СССР, в которых они говорят нам о своих проблемах. Все эти письма также будут зоной твоей ответственности. Я буду помогать тебе первое время, но я уверен, что ты быстро всему научишься!»

Обсудив все остальные детали работы Гарри, включая его зарплату (размер которой, кстати, не мог не порадовать Гарри, ведь она была почти в два раза больше, чем то, что он получал в «Эдинбургских новостях»), Бородин показал Гарри редакцию. Он также показал небольшой кабинет, который ему предстояло делить с тремя корреспондентами из США.

Новое рабочее место Гарри мало чем отличалось от его рабочего места в Эдинбурге. Единственное значительное отличие заключалось в том, что в здесь на стенах висели портреты Сталина и Ленина. А еще в углу стоял книжный шкаф с коричневыми, красными и зелеными книгами в твердом переплете.

«Наши корреспонденты очень трудолюбивые и дружелюбные, — оживленно продолжал Бородин. — Они постоянно в разъездах, на разных заводах, общаются с иностранцами и собирают новые истории. Все, кто у нас работает, любят свою работу».

Бородин еще долго рассказывал Гарри о газете, а потом вдруг замолчал, словно пытаясь что-то вспомнить.

«Ах да, — сказал он наконец. — Для того, чтобы лучше понять жизнь в СССР, я советую тебе изучить эти книги».

Бородин кивнул в сторону книжного шкафа в углу.

«Все эти книги написал товарищ Ленин, я даже думаю, что с некоторыми из них ты уже и так знаком...» — сказал Бородин, подходя

к книжному шкафу. — А вот это Большая советская энциклопедия, и здесь ты можешь найти любую интересующую тебя информацию о жизни в СССР...»

Бородин вытащил большую книгу в красном переплете и полистал ее. «Это самый авторитетный источник знаний в СССР. Над этой энциклопедией трудились выдающиеся советские государственные деятели, поэтому, если у тебя вдруг когда-нибудь появятся какие-либо сомнения или вопросы, здесь ты найдешь ответы. В ней много томов, и ты наверняка найдешь то, что ищешь... Ну а если вдруг ты здесь не найдешь, что ищешь — то смело обращай ко мне за помощью и разъяснениями. Буду рад тебе помочь».

Бородин втиснул книгу между других томов на полке и опять улыбнулся. Он был очень рад тому, что Гарри здесь, в Москве.

Гарри потребовалось всего несколько дней, чтобы влиться в работу на новом месте. Он познакомился с другими тремя корреспондентами, которые как он понял, очень редко появлялись в редакции, потому что всегда были на заданиях. Что касается Бородина, то он оказался добрым, терпеливым и ненавязчивым наставником. Он даже чем-то был похож на Доусона. Бородин всегда давал указания с какой-то сердечной, почти отцовской добротой и искренностью, что, конечно же, помогало Гарри поскорее привыкнуть к новой жизни и отвлечься от грустных мыслей, которые иногда его посещали.

Помимо работы Гарри также пытался идеологически подготовить себя к жизни и работе в социалистической стране. Ему не хотелось выглядеть несведущим в политических вопросах. Гарри понимал, что ему еще многое предстоит наверстать и узнать. В портфеле он носил сочинения Ленина, которые он взял с той самой полки в офисе, подчеркивая отдельные цитаты карандашом и даже пытаясь выучить некоторые из них.

Так прошел апрель, май, и наступил июнь. Июнь в Москве 1933 года был теплый, и Гарри наслаждался хорошей погодой. Примерно до сентября каждый день в Москве казался ему приключением. Каждое утро он вскакивал с кровати в предвкушении новых открытий.

В этот период жизни в Москве Гарри узнал очень многое о различных сторонах советской жизни, которые до сих пор оставались ему неизвестными. Во-первых, он заметил, что и тут, и там — везде были очереди. Люди стояли в очередях в магазины, парикмахерские, больницы и правительственные здания.

Гарри также осознал, что в стране была очевидная нехватка продовольствия. Эта проблема была настолько серьезной, что правительство ввело систему продовольственных карточек. К счастью, Гарри не нужно было стоять в очередях или голодать: как иностранец он мог пользоваться привилегией доступа к закрытым столовым и делать покупки в специальных магазинах, большинство из которых были просто недоступны среднестатистическому советскому гражданину.

Поскольку зарплата Гарри также была намного выше средней заработной платы советского рабочего, он мог позволить себе обедать и ужинать в ресторанах, которые, как ни удивительно, несмотря на хроническую нехватку еды в Москве, функционировали в столице со времен НЭПа.

Но, пожалуй, самой большой проблемой советского общества, о которой Гарри узнал во время пребывания в Москве, была нехватка жилья. Многие москвичи делили комнату с несколькими другими в так называемых «коммуналках», общежитиях, казармах и даже землянках.

Осознав это, Гарри даже почувствовал себя виноватым — ведь он один занимал такую просторную квартиру. Гарри даже иногда корил себя за том, что его новые жилищные условия в СССР шли вразрез с его социалистическими взглядами. Однажды он поднял этот вопрос при встрече с Бородиным:

«Товарищ Бородин, я считаю, что эта квартира для меня слишком велика... Ведь столько советских граждан живет в гораздо более скромных условиях. Может быть, мне переехать в квартиру поменьше, а в мою заселить какую-нибудь семью, которая действительно нуждается...»

Бородин удивленно поднял глаза от своих бумаг.

«Гарри, тебе не стоит об этом беспокоиться. Советские граждане, нуждающиеся в жилье, скоро его получат, — сказал он. — Именно для этого мы с тобой, ты я, трудимся не покладая рук, чтобы в скором времени у всех в СССР была крыша над головой. Эпоха коммунизма вот-вот наступит. Не забывай об этом. В скором времени в нашей стране у каждого советского гражданина будет достаточно продовольствия и у каждого будет жилье».

*Эпоха коммунизма вот-вот наступит.*

Гарри попытался настоять на том, что такая большая квартира ему не нужна, но Бородин ничего об этом даже не хотел слышать. Гарри пожал плечами и решил тему больше эту не поднимать.

За время проживания в Москве Гарри также осознал, что его статус иностранца предоставлял ему определенные привилегии и значительно облегчал его жизнь. Многие советские люди могли такому только позавидовать. Например, если он стоял в очереди в парикмахерскую, то, завидев его, иностранца, администратор тут же перемещал Гарри в начало очереди. В такие моменты Гарри испытывал смущение и даже стыд.

«Нет необходимости, я могу и подождать», — робко и с застенчивостью говорил он.

«Нет, нет, гражданин. Проходите, проходите первым!» — настаивал администратор в белой рубашке, жестом руки прося других разойтись и уступить дорогу иностранцу. К удивлению Гарри, никто

в очереди не возражал против этого. На него смотрели с интересом и наблюдали за каждым его шагом. В конце концов Гарри просто соглашался пройти в парикмахерскую первым.

В магазинах происходило то же самое. Продавцы и продавщицы пытались отдать Гарри самые лучшие и свежие продукты, а официанты в ресторанах пытались посадить его за самые лучшие столики.

«Спасибо, не стоит», — скромно говорил Гарри в замешательстве. Ему хотелось просто провалиться под землю в такие моменты.

Перед приездом в СССР Гарри, конечно же, знал, что страна только оправлялась от революции и гражданской войны и не могла похвастаться тем уровнем комфорта, который был у англичан. Но для Гарри это было не так важно.

*Я сюда не за комфортом приехал. И не за роскошествами. Я приехал, чтобы работать. Работать на благо советского народа и государства. Здесь у меня больше возможностей, чем там... А еще я здесь, потому что... Потому, что то, чем я занимался в Шотландии, никто не ценил. Да, Доусон уважал меня и ценил меня, но он никогда серьезно не относился к моим увлечениям коммунизмом. К тому же, я не чувствовал себя там счастливым. Я был одинок. Я не мог встречаться такими же, как и я. Быть таким, как я, в Шотландии — это преступление.*

Но Гарри тут же подумал, что после приезда в СССР в его личной жизни мало что изменилось.

*Ну да, я приехал. И что? Счастливы ли я здесь? Буду ли я здесь счастливы?*

*Ну, не торопи события, ты недавно приехал. Только обустроился. Это нормально. Скоро ты сможешь начать знакомиться с такими же, как и ты.*

*Да и вообще, у меня все хорошо сейчас. И без знакомств. У меня есть работа, хороший начальник, я вообще-то в Москве! Я говорю по-русски, и мне это очень нравится. Все уладится, и я смогу знакомиться с такими же, как и я.*

Конечно, Гарри иногда скучал по Эдинбургу и даже по своим коллегам по работе, которые тайно посмеивались над его политическими взглядами. Он скучал даже по Доусону и, конечно же, больше всего он скучал по своим родителям. Да, ему нужно было соблюдать некоторую дистанцию от них для того, чтобы они не узнали о его секрете. Но все же они много для него значили. Несмотря на то, что дела на работе шли хорошо и каждый день в его жизни происходило что-то новое, его терзали сомнения о том, было ли его решение о переезде в СССР правильным. Помимо работы, которая занимала его с головой, у него действительно было мало знакомых.

*К чему все эти сомнения? Зачем думать о том, что я уже сделал? Я все сделал правильно. Дома, в Шотландии, многие не могут найти работу. Там протесты, демонстрации... В Шотландии плохая экономическая ситуация, а тут в СССР у меня есть хорошая работа. Здесь, в СССР, все только начинается, и все здесь будет хорошо. Но Гарри... ты же видишь, что в СССР люди не кажутся особо счастливыми, даже и с работой. Но ведь именно поэтому Бородин и я и работаем — для того, чтобы в СССР жизнь стала лучше для всех как можно скорее.*

В сентябре 1932 года, несколько месяцев спустя после приезда Гарри в СССР, Бородин вызвал Гарри в кабинет. У него было новое задание.

«Гарри, ты поедешь в Сталинград, на Сталинградский тракторный завод. Там есть интересная история, о которой нам нужно рассказать в газете. В Сталинграде живет товарищ, который подвергся расистской атаке со стороны своих американских сограждан... Его зовут Роберт

Робинсон. Поговори с ним и узнай, что случилось. Все подробности. Нам нужна эта история, потому что в СССР расизм — недопустим. И наши иностранные друзья, которые сюда приезжают, должны это четко уяснить!» — Бородин нахмурил брови как строгий школьный учитель.

«Их накажут?»

«Конечно, Гарри. Дискриминация и преследование по расовым мотивам абсолютно неприемлемы. Если у человека кожа другого цвета, то это совсем не означает, что он хуже, чем ты или я, например!»

*А что вы подумаете обо мне, товарищ Бородин, если я вам скажу, что я... Да, мой цвет кожи не отличается от вашего, но я отличаюсь от вас в другом отношении. Это просто не так заметно. Что бы вы подумали, товарищ Бородин, если бы вы узнали об этом? Или если бы вам об этом кто-то рассказал? Встали бы вы на мою защиту точно так же, как и на защиту Робинсона?*

Почему-то тот факт, что Бородин с таким энтузиазмом выступил на защиту темнокожего американца и даже хотел осветить такой случай расизма на страницах «Москоу Дэйли Ньюс», давал ему какую-то надежду на то, что Бородин сможет проявить похожее понимание и к его особенности. Особенности, которую он был вынужден скрывать.

В Сталинграде Гарри сошел с переполненного поезда на перрон, вызвал такси и, после быстрой регистрации в гостинице, отправился в общежитие для иностранцев на улице Калинина, где жил Роберт Робинсон.

Несмотря на все то, что с ним произошло, Роберт Робинсон, высокий парень с широкими плечами, все равно улыбался белоснежной улыбкой. Они тут же разговорились на английском языке. Гарри не спросил Робинсона, сколько ему лет, но казалось, что они были одного и того же возраста. Робинсон провел Гарри в комнату, где оба сели за деревянный обеденный столик, и начал свою историю:

«В Штатах я работал на автомобильной фабрике. Но мою жизнь там сложно было назвать легкой. Ты наверное знаешь и понимаешь, что таким, как я, там часто приходится терпеть».

Гарри понимающе кивнул.

*Я знаю, о чем ты говоришь. Моя жизнь в Шотландии тоже легкой не назвать.*

«В общем, около года тому назад фабрика в Детройте, где я работал, принимала советскую делегацию. Не спрашивай, что советская делегация делала на американской фабрике — я не знаю. Делегация — несколько человек в костюмах — они расхаживали деловито по заводу. И вдруг они обратили внимание на меня».

«Потому что им понравилось, как ты работал?» — предположил Гарри.

«Нет, Гарри. Я был единственным темнокожим на заводе, вот почему. Все остальные были белыми», — хихикнул Робинсон.

Гарри тут же раскритиковал себя в голове за то, что ему вообще-то стоило догадаться об этом самому.

«В общем, представь. Эта делегация подходит ко мне. И я даже не знаю, кто вообще эти люди. Они стоят и таращатся на меня, на то, как я работаю, и молчат. А я просто продолжаю работать, как будто ничего не происходит. Вообще мне было не привыкать — я уже был попривыкшим ко всякого рода взглядам. И неожиданно один из них начинает спрашивать меня на ломаном английском, сколько я работаю уже на этом заводе, где я учился, сколько мне лет. Я начал ему отвечать, и он тут же все переводит для другого типа из делегации, который стоит рядом. Это был, по-видимому, его начальник. Так вот, его начальник кивает. И, кажется, что он доволен. Потом он что-то говорит своему переводчику, а переводчик меня неожиданно спрашивает, хочу ли я

поехать в СССР, чтобы там обучать советских граждан тому, как обходиться с машинами и так далее. Представляешь?»

Робинсон опять засмеялся, что его личность, жизнь и работа могли быть кому-либо интересны. Да еще и с профессиональной точки зрения. Он настолько привык к насмешкам и издевательствам со стороны других американцев, что никак сам до сих пор не мог поверить, что кто-то всерьез заинтересовался его знаниями и умениями.

Гарри в это время пытался записывать разговор.

«Ты вот прям все это так и будешь описывать в своей статье?» — спросил Робинсон.

«Да, мой начальник, товарищ Бородин, хочет знать как можно больше о том, что произошло с тобой», — кивнул Гарри.

«Я, вообще, если честно, не особо ожидал такого интереса к моей истории... Ну, давай я тогда расскажу тебе все до конца. В общем, когда они спросили, хочу ли я поехать в СССР, то я тут же говорю им — конечно, я хочу! Вообще, я просто хотел, чтобы они от меня отстали. Я был занят и мне было не до разговоров. Да и вообще, я не хотел, чтобы из-за этих разговоров у меня потом были проблемы на работе. Мой босс меня и так ненавидел. В общем, они от меня наконец отстали».

«Они тебе предложили что-то потом? После всего, что произошло?»

«Ага, — Робинсон кивнул. — Неделю спустя меня вызывает босс. Я, конечно, был испуган, потому что он никогда меня вот так в свой офис не вызывал. В общем, прихожу я туда, стою перед ним, а он начинает меня отчитывать. Обезьяна, говорит, ты понравился коммунистам! И тут же обрушивает на меня такую брань... Потом говорит мне, что мои друзья-коммунисты хотят меня снова видеть. Тут же он бросает клочок бумаги с каким-то адресом, и велит мне проваливать».

Робинсон подождал немного, давая Гарри возможность записать его монолог.

«Ну, в общем, отправился я по этому адресу. Прихожу и вижу, что там много других американцев, работаю, как и я, все они там сидят за столами и проходят какой-то экзамен. Завидев меня, секретарь, который тут же стоит, просит меня подождать. Через несколько минут ко мне подходит какой-то тип, жмет мне руку и говорит, что в СССР такие рабочие, как я, с такими важными умениями, очень сильно нужны. Не особо думая, я решил принять его предложение. А почему бы и нет? Дела в Америке не так уж были и хороши, финансовая депрессия, я мог потерять свою работу в любом случае. Да и вообще, у меня были постоянные проблемы с другими американцами из-за моего цвета кожи. И мне все это очень сильно надоело. И мне сказали, что в СССР расизма нет. Конечно, в это сложно было поверить, — но я решил, почему бы и не рискнуть. Мне было нечего терять и поэтому я подписал контракт, а теперь я здесь. Хотя, как видишь, даже здесь, в СССР, американцы доставляют мне одни неприятности...»

Робинсон закашлялся и прочистил горло.

«Когда мы приехали в общежитие для иностранцев, некоторые рабочие-американцы, которые жили в этом же здании, тут же заметили, что я темнокожий. Я был единственный такой, и, конечно, они тут же меня возненавидели. Я пытался их игнорировать. Мне нравился Сталинград и гулять по берегу Волги, иногда одному, иногда с другими друзьями, советскими ребятами, но я видел, как на меня смотрят американцы. Я знал, что они меня ненавидят. Однажды двое из них ворвались в мою комнату и закричали: «Нигер, еще раз пойдешь на Волгу, мы тебя утопим!»

Робинсон рассказывал об этом случае с каким-то странным спокойствием. В конце концов, такие расистские атаки со стороны американцев были неоднократными за всю его жизнь.

«Ты поставил об этом в известность своего начальника?» — Гарри спросил с сочувствием.

«Ты с ума сошел, Гарри?. Конечно, нет, — Робинсон снова посмеялся над наивностью Гарри. — Но я все же долго думал, стоит ли рисковать и ходить на Волгу. Но, хоть я и не умею плавать, мне там очень нравилось гулять, и поэтому, в конце концов, я решил продолжить ходить туда, несмотря на угрозы. Но только со своими советскими товарищами. Американцы, которые там меня видели, продолжали смотреть на меня со злостью, но они ничего не делали. Уже через несколько недель, а может быть, и месяц, когда я уже начал забывать об угрозах, я решил пойти на Волгу один. И именно в тот день двое моих сограждан — я даже помню их имена, — Луис и Браун, устроили мне засаду. Один ударил меня несколько раз в живот, а другой закручивал мне за спиной руки. В тот миг у меня вдруг промелькнула мысль, что я не буду это больше терпеть. Я слишком долго все это терпел и мне все это надоело. Я просто вырвался и надавал им сдачи».

Робинсон сжал кулаки и напрягся. Гарри кивнул с сочувствием.

«Вскоре проходящие мимо люди услышали наши крики и пришли к нам на помощь, разняв нас. Когда меня наконец смогли оттащить от этих двоих, я был зол как собака, я увидел, что у Луиса все лицо было в крови. Внезапно пришедшие мне на помощь советские граждане предложили отвезти меня в больницу. Но я отказался и просто ушел домой. Достаточно с меня было приключений для одного дня».

Робинсон закашлялся. Он потянулся к графину с водой и налил себе немного в стакан. Гарри в этот момент продолжал делать записи в тетради.

«В тот же вечер в мою дверь постучали. Когда я увидел двух полицейских, стоявших на пороге моей квартиры, я сразу понял, что у меня сейчас будут проблемы. Большие проблемы. Я всегда пытался избегать иметь дело с копами в Америке, потому что я знал, как они

обращались с темнокожими. И когда я увидел полицейских, я тут же понял, что меня сейчас депортируют. В общем, меня попросили проследовать в отделение полиции. И то, что случилось потом, было просто невероятным».

Робинсон опять сделал паузу, пока Гарри закончил записывать этот кусок истории.

«В участке был переводчик. Через переводчика полицейские вежливо, вежливо попросили меня рассказать, что произошло на речке. Ну я и рассказал. Затем они заполнили какие-то бумаги, еще раз выслушали мою историю и отпустили. Без оскорблений. Без угроз. Вообще, мне показалось, что они были даже обеспокоены тем, что случилось. По-настоящему обеспокоены. А вот то, что произошло потом, шокировало меня еще больше. Ты успеваешь записывать?»

Гарри кивнул, не поднимая глаз от блокнота.

«На следующий день местная сталинградская газета, прямо на своей первой полосе, опубликовала огромную статью обо мне, осуждая поступок моих соотечественников. Автор статьи прямо сказал, что расизм был недопустим и был запрещен в СССР, и обвинил этих двоих в том, что они притащили свои "капиталистические" и "империалистические" пережитки сюда. Я был в шоке. На заводе, где я работал, уже на следующий день ко мне подходили другие рабочие и жали руку, обнимая меня, предлагая дружить и решительно осуждая этих двоих американцев. Я, конечно, совсем не ожидал всего этого. А потом случилось кое-что еще... Через три дня эти же рабочие организовали политическую акцию в городе, напротив завода. Люди высказывались, выступали с речами, осуждая расизм и хваля прогрессивные взгляды советского государства в деле защиты расовых *меньшинств*. Затем, к моему еще большему удивлению, кто-то забрался на самый верх и предложил жестко наказать этих двух американцев, которые на меня напали».

«Да, мы слышали об этом предложении в "Москоу Дэйли Ньюз", мы вообще-то так и узнали обо всей этой ситуации», — объяснил Гарри.

«Я думал, что на этом все и закончится, но ведь нет! Неделю спустя полицейские пришли к моему общежитию и привели с собой адвоката. Они объяснили, что американцы, которые на меня напали, будут преданы суду, и мне нужно будет дать против них показания. В суде все были против моих обидчиков, всячески поддерживая меня. Прокурор даже запросил пять лет тюрьмы для них. В конце концов их обоих признали виновными и приговорили к немедленной депортации из СССР. А я просто так стал героем, просто из-за того, что меня избили!»

«Вот видишь, твое решение переехать сюда было правильным! — сказал Гарри, как будто пытаюсь убедить и себя в том, что его собственный переезд был верным решением. — Мы поэтому и хотим опубликовать твою историю: мы хотим показать другим, что если они хотят привозить свои капиталистические привычки на советскую землю, то их здесь совсем не ждут. Я надеюсь, что ничего подобного в СССР не произойдет...»

По пути в Москву Гарри долго обдумывал свой разговор с Робинсоном.

*Его история уж очень похожа на мою. Конечно, на меня никто не нападал. Еще.*

*Но ведь на меня никто не нападал, потому что я очень хорошо храню свой секрет. Если в Шотландии местная полиция узнала бы, что я такой, какой есть, и если они поймали бы меня, то у меня тоже были бы неприятности.*

*Может быть, мне стоило сказать Робинсону, что я тоже не такой, как и все, в каком-то роде? Кто знает, может, стоило*

*сказать ему о том, зачем я сюда приехал. Конечно, он бы понял меня. А может быть, и нет.*

*Хотя быть темнокожим совершенно не то же самое, что и быть таким, как я. Вполне возможно, что Робинсон даже обиделся бы, если бы я попытался нас как-то уровнять в своих рассуждениях. Хотя, может быть, он бы и не обиделся совсем. С чего бы он стал обижаться? Будучи объектом нападок других просто из-за цвета кожи, он, наверное, смог бы меня понять тоже. А может быть, и нет. Может быть, я ему и расскажу обо всем потом.*

Вернувшись из Сталинграда, Гарри быстро написал статью и сдал ее Бородину, который, как и цензоры, одобрил ее в течение нескольких дней. Что касается Гарри, то он до сих пор был под впечатлением о того, что услышал от Робинсона. Исход всего дела этого темнокожего американца давал ему надежду на то, что такие, как он, тоже смогут найти принятие в СССР. В течение последующих недель Гарри возвращался к разговору с Робинсоном в своей памяти еще несколько раз.

*Если обидчики Робинсона были преданы суду за свои действия, что случилось бы, если кто-то напал на меня? Из-за того, что я такой, какой есть? Но на меня никто не нападет просто потому, что никто не знает. Никто не знает, что я за человек на самом деле.*

*Ну, хорошо, а если кто-то и узнает. Будет ли советское правосудие на моей стороне? Возможно... Ведь здесь нет законов, которые против таких, как я. Спросить об этом Бородина? Нет, лучше пока держать язык за зубами и никому ничего не рассказывать. Я сам все узнаю. Я не сомневаюсь, что советское правосудие было бы на моей стороне.*

*Я в стране, в которой люди точно не против таких, как я. Но, с другой стороны, просто потому, что здесь нет законов о мужеложстве, не значит, что таких, как я, здесь ждут*

*с распростертыми объятиями. Но, опять же, я не разу не видел и не слышал случаев, в которых люди как я подвергались бы каким-то атакам и дискриминации. До настоящего момента все было очень хорошо. Да и вообще, может быть, наконец взять и начать действовать. Мне просто стоит взять и попробовать встретиться с кем-нибудь. Встретить людей с такими же интересами. Ведь не буду же я тут постоянно один. Одному бывает совершенно невозможно. Бояться мне нечего, полиция меня за попытки познакомиться с другими не арестует. Они не заведут на меня уголовное дело. Здесь я в безопасности. В безопасности.*

*Но где я найду таких как я? Я даже не знаю, где их искать.*

Но Гарри на самом деле знал, где их искать. Он вспомнил статью, которую прочитал в пятнадцать лет. Там говорилось, что арестованные мужчины встречались в парке.

Конечно, в СССР, люди как он также встречались в парках. Ему просто нужно было пойти туда и найти их. Ведь он так давно хотел это сделать. Взять и познакомиться вот так с кем-то.

*Я просто пройду и прогуляюсь в парке, тут, неподалёку. Я ведь даже и не помню, когда последний раз был в парке. Свежий воздух — это хорошая штука. Тут совсем неподалеку есть парк... Может быть, там мне и удастся завести знакомства.*

И вот, спустя несколько недель после возвращения из Сталинграда, Гарри все-таки решился на этот шаг. Он наконец-то убедил себя в том, что стоит хоть раз сходить в этот парк и просто попробовать. *Терять* ему нечего.

В тот воскресный октябрьский день небо было затянуто тучами. На улице было не очень холодно. Когда Гарри выходил из своей квартиры, было уже около четырех часов, и темнота постепенно обволакивала Москву. По дороге в парк, который действительно

находился совсем неподалеку от его дома, тревожные мысли заполнили голову Гарри.

*Ну приду я туда, и что дальше? Кого я там увижу? Там все равно никого не будет. Только темнота и холод.*

Затем он начал себя успокаивать.

*Я просто зайду в парк, осмотрюсь и, если там никого нет и нечего делать, то просто вернусь домой. Но если что-то и произойдет, то...*

Тот парк, который находился неподалеку от дома Гарри, был небольшим, и поэтому особой активности там не было. Обычный тихий парк с несколькими скамейками и деревьями.

Когда, наконец, Гарри оказался в парке он понял, что был прав — здесь никого не было. Голые березы, местами покрытые снегом, слегка качались на легком ветру. Тут и там стояли темно-зеленые скамейки. Где-то вдали виднелись силуэты прохожих, которые тут же растворялись в темноте.

*Конечно, здесь никого нет. И уже тем более таких, как я. Кому бы вообще пришло в голову сюда прийти для знакомств? Они, скорее всего, встречаются в каких-то других местах. Теплых местах. Гарри, пора домой.*

Гарри уже почти развернулся, как вдруг другая мысль промелькнула в его голове: *Подожди-ка. Ты только сюда пришел. Ты думал, что ты придёшь — и тут же с кем-нибудь познакомишься? Конечно, нет. Может быть, стоит подождать десять минут. Может быть, пятнадцать. Может быть, что-нибудь да и произойдет.*

*Но ведь, черт побери, тут холодно.*

*Не так уж тут и холодно, Гарри, потерпи десять минут, может быть, из твоей затеи что-то хорошее и выйдет.*

Он вздрогнул от холода и подтянул воротник, чтобы сохранить внутреннее тепло. Он бросил взгляд на другую пустующую скамейку в нескольких шагах от него. Затем он оглянулся по сторонам. Вдруг послышался нарастающий хруст снега. Из темноты возникла небольшая группа людей, шагающих в унисон. Это была группа солдат в серых шинелях.

Проходя мимо Гарри, один из них бросил ему суровый взгляд. Гарри неловко заерзал на скамейке, отвернувшись в другую сторону. Он знал, что в СССР такие суровые взгляды не были чем-то необычным, но все равно не мог к ним привыкнуть.

Внезапно еще одна мысль возникла у него в голове.

*А что, если за мной следят?*

*Зачем?*

*Кому нужно за тобой следить, Гарри?*

*А потому, что ты...*

*Что за чушь. В СССР не воспрещается быть таким, как я. Я здесь в безопасности.*

*Ты уже привык жить в страхе, пора с этой привычкой уже расставаться. Ты ведь именно поэтому уехал из Шотландии. Там, действительно, тебе угрожает опасность, а здесь, в СССР, тебе бояться нечего.*

Съежившись на холодной скамейке с руками в карманах, Гарри снова огляделся по сторонам. Он снова содрогнулся — его пальто было совсем легким, и ему было очень сложно сохранить тепло. Темнота уже полностью обволакивала парк. Фонарные столбы, которые в небольшом количестве здесь стояли, начали излучать тусклый свет. Хороший яркий свет был большой роскошью в СССР в то время — электричество шло на нужны индустриализации.

*Ну и что дальше? Я здесь сижу уже больше десяти минут. Это точно. И пока что я тут совсем никого не заметил. Совсем никого.*

*Но даже если бы здесь и были люди, как бы я понял, что они — такие, как и я? У них же не написано это на лице.*

*Может быть, здесь есть общественный туалет или что-то в этом роде. Возможно, они встречаются там.*

*Ну уж нет, знакомиться в общественных туалетах я точно не буду. Это просто неприлично. Я могу просто так сидеть здесь на скамейке, ждать, пока что-нибудь случится, но туда искать знакомств я точно не пойду.*

После безрезультативного сидения на скамейке почти около получаса Гарри наконец-то решил оставить свою затею и вернуться домой.

*Хватит. Может быть, из этого выйдет что-то хорошее в следующий раз.*

«Добрый вечер!»

Гарри вздрогнул. Он поднял глаза — перед ним, как будто из ниоткуда, возник небольшого роста белокурый молодой человек в коричневом пальто.

«Добрый вечер!» — Гарри заикнулся, учтиво приподнимаясь со скамейки.

К удивлению Гарри, незнакомец уверенно положил ему руку на плечо, как бы не давая ему подняться. Гарри не противился и остался на своем месте, не поднимаясь. На несколько мгновений между ними повисла странная тишина.

«Не знаешь ли, есть ли здесь общественный туалет?» — спросил незнакомец.

«Нет, извини, извините... Я не отсюда», — сказал Гарри в замешательстве и немного ерзая на скамейке.

«Можно на ты, — сказал незнакомец, убирая руку, которая несколько секунд лежала на плече Гарри, в карман. — Иностранец?»

Гарри утвердительно кивнул.

«Можно, сяду рядом?»

«Конечно, — Гарри неловко подвинулся, приглашая незнакомца жестом. — Я уже собирался уходить...»

«Ты куда-то спешишь?» — бесцеремонно продолжал незнакомец, вальяжно усаживаясь рядом.

«Нет... А почему вы, ты, спрашиваешь?»

Незнакомец пожал плечами.

«Меня зовут Иван» — вдруг сказал он, протягивая свою руку.

«Я Гарри».

За этим последовало рукопожатие. Рука иностранца показалась Ивану мягкой и холодной. Чувствовалось, что иностранец испуган.

«Ты не из СССР... откуда ты?» — теперь Иван казался чуть более расслабленным. Держа руки в карманах, он слегка отклонился на спинку скамейки.

«Ш-шотландия», — автоматически ответил Гарри, не отрывая взгляд от Ивана.

«Шотландия? — с удивлением переспросил Иван. — Как бы мне хотелось там пожить».

Гарри скромно улыбнулся. Было что-то наивное и детское в комментарии его нового знакомого.

*Ну скажи уже что-нибудь, не молчи,* — подумал про себя Гарри.

Видя, что иностранец не спешит с ответом, Иван продолжил.

«Зачем ты сюда приехал? У вас там, в Шотландии, капитализм... Хорошая жизнь без проблем, а здесь только разруха и большевики...»

Голос Ивана вдруг притих, и он замер. Послышался хруст снега и чьи-то голоса. Из темноты возникла вся та же группа солдат, которых Гарри видел раньше. Подождав, пока солдаты пройдут мимо и окажутся на безопасном расстоянии, чтобы не услышать суть их разговора, Иван сказал полусшепотом:

«Мне не стоит так громко говорить, а то у меня могут быть неприятности», — с напряжением в голосе прошептал Иван, провожая взглядом солдат.

Гарри нахмурился. Он не очень понимал, что Иван имел в виду.

«Ты понимаешь, о чем я?» — спросил Иван, заметив замешательство на лице Гарри.

«Почему неприятности?»

*Наконец-то ты выдавил из себя хоть что-то. Так держать.*

«Потому что в этой стране чем меньше ты говоришь лишнего, тем меньше у тебя будет неприятностей!» — прошептал Иван, с осторожностью смотря на силуэты солдат, которые вот уже обволакивала тьма и которые уже почти исчезли из вида. Теперь они уже точно не могли ничего услышать.

«Ну да ладно, — сказал Иван, заметно расслабившись. — Почему ты сидишь здесь в темноте? Расскажи мне о своей стране, я никогда не был за границей. Давай будем друзьями!»

Гарри снова улыбнулся.

*Друзьями? Есть что-то в этом странное. Да нет, Гарри. Странного в этом ничего нет. Он такой же, как и ты. Да какая разница — такой или не такой. Было бы хорошо завести хоть каких-то здесь друзей. Мне это одиночество порядком осточертело.*

«Здесь по радио постоянно говорят о том, что все капиталистические страны на грани банкротства, что там все плохо и ужасно. Я этому, конечно, не верю, но мне всегда было интересно, правда это или нет...»

Иван заметил, что Гарри как будто витал где-то в облаках. Моментами ему казалось, что Гарри как будто его не замечал совсем. В один момент их разговора ему даже хотелось просто встать и уйти, но потом он напомнил себе, что перед ним сидел иностранец. Да и вообще, его слова о том, что нужно держать язык за зубами и не говорить лишнего, могли также отбить у того желание вступить в беседу с незнакомцем.

«Жизнь в СССР, конечно, лучше, чем в капиталистических странах, во многих отношениях», — к полной неожиданности Ивана сказал Гарри.

Лицо Ивана вдруг сделалось серьезным. Гарри тут же понял, что он сказал что-то не то.

«Что ты знаешь о жизни здесь, иностранец, — сказал Иван. — Здесь нет жизни. Все, что здесь есть — это чертов большевизм. Здесь только работают, и все, никакой жизни здесь нет».

Гарри сглотнул комок в горле. Он был в замешательстве и совсем не знал, что на это ответить. Воздух казался заряженным странной энергией. Но, несмотря на все это, Гарри не хотел уходить. Ему даже показалось, что он не мог уйти. На секунду он даже почувствовал, что был как будто прикован к этой скамейке.

Иван вдруг улыбнулся. Ему совсем не хотелось пугать своего нового знакомого.

«Где ты научился так хорошо говорить по-русски? Твои родители отсюда?»

«Нет, я выучил сам». Гарри вдруг вспомнил про свое знакомство с Бородиным, который задавал ему практически те же вопросы.

*Опять односложные ответы — покорила себя Гарри. — Скажи уже что-нибудь интересное, а то собеседник из тебя никакой. И хватит на него тарашиться.*

«Ты, должно быть, очень умный», — одобрительно сказал Иван, оценивающе оглядывая Гарри с головы до ног.

Гарри вдруг почувствовал, как его щеки становятся теплее.

«Нет, мне просто нравится русская литература. Особенно Чехов. Мне кажется, что Чехова можно понять, только если читаешь его на русском...»

*Уже лучше, Гарри. Продолжай. Возможно, то, что, ты говоришь, покажется ему интересным.*

«Чехов... — задумчиво сказал Иван. — Мне на самом деле тоже нравится русская литература, это вообще-то практически моя работа...»

«Ты писатель?» — Гарри удивленно поднял брови.

«Нет, я — студент. Я учусь на актера. Я вообще сам не из Москвы. Я из Благовещенска. Слышал о таком?» В его голосе послышалось какое-то смущение. Казалось, что он стеснялся, что родом из далекого городка.

Гарри нахмурился, пытаясь напрячь память. Да, сам он был не из СССР, но он много знал об этой стране.

«Насколько я помню, это где-то далеко», — сказал он как можно деликатнее, чтобы не обидеть Ивана.

«В Сибири. На границе с Китаем. Оттуда до Москвы — пять дней. Это ужасная дыра, и я всегда хотел выбраться оттуда как можно раньше. Как сейчас помню, с самого детства хотел уехать оттуда. И приехать сюда, в Москву».

Между ними снова повисла тишина.

«Молодец, ты знаешь очень много об СССР. Даже больше, чем я. А еще и по-русски хорошо говоришь!» — со сдержанным восхищением говорил Иван. Чувствовалось, что он пытался сделать все возможное, чтобы их разговор не стоял на месте. Он уже сам несколько раз укорил себя, что, возможно, напугал иностранца словами о том, что в СССР нужно меньше говорить. Но Ивану все равно было с ним интересно — ведь он никогда не общался вот так вот с иностранцами, а уж тем более такими симпатичными.

Гарри снова скромно улыбнулся и потупил глаза в землю.

«Но я все равно не понимаю, что ты здесь делаешь. Правда, — Иван вдруг оживился. Он искренне не понимал, что этот иностранец здесь забыл. — Тут же совсем ничего нет. Совсем ничего».

Иван вдруг с обеспокоенностью посмотрел по сторонам. В парке, кроме них, никого не было. Время от времени порывы ветра качали ветки деревьев.

«Знаешь, если быть честным... — Иван вдруг сузил свои глаза с подозрением. — Ты, кстати, не шпион, случаем?»

«Нет, нет, я не шпион», — не поняв странной иронии Ивана, Гарри воспринял этот вопрос на полном серьезе. Он пошарил в кармане своих брюк и вытащил свое корреспондентское удостоверение с фотографией и печатью наркомата иностранных дел. Он всегда носил его с собой — так ему велел товарищ Бородин.

Иван взял удостоверение в руки и с интересом изучил его.

ГАРРИ УАЙТ.

«Москоу дэйли ньюс».

Повертев удостоверение в руках, Иван протянул его Гарри обратно.

«Корреспондент, значит», — сказал Иван.

Было что-то милое в том, как Гарри спешно показал свое удостоверение. Ведь вопрос про шпиона был шуткой, не более того. Однако иностранец воспринял Ивана со всей серьезностью.

«Знаешь, сказать тебе, по правде... Я ненавижу большевиков. Я ненавижу их, презираю. Они раскулачили моего отца, забрали все его имущество. Бросили его в тюрьму! Ни я, ни мама не знаем, жив ли он», — Иван осекся, как будто пожалел, что открылся иностранцу так быстро.

Гарри был явно впечатлен услышанным. Он сглотнул очередной комок, застрявший у него в горле.

«Мне жаль...» — сказал Гарри, не будучи уверенным в том, как правильно выражать соболезнование.

Гарри многое знал о теоретической стороне марксизма-ленинизма, но он мало понимал, или даже почти не видел и не знал о том, что происходило в СССР на самом деле. И уж тем более он имел очень слабое представление о том, что происходило в советских деревнях. Начиная с 1930-х годов Сталин объявил войну так называемым «кулакам», зажиточным крестьянам, которые отказывались объединить свои хозяйства в коллективные хозяйства. Советское руководство тут же обвинило таких крестьян в саботаже и объявило их «врагами народа». «Кулаки» подвергались заключению и даже расстрелу.

«Когда я уже был в Москве, мать написала мне, что люди в военной форме пришли к нам в дом в Благовещенске и потребовали, чтобы отец им все отдал. Все свое имущество. Он отказался, и поэтому они избили его почти до полусмерти. На глазах матери. Потом затащили его в машину и обвинили в том, что он предатель. Враг народа. Мать никогда больше его не видела. Она просто написала мне письмо и сказала, чтобы я не возвращался. Ни я, ни моя сестра, с которой мы делим здесь квартиру. Я ненавижу большевиков!».

Гарри слушал Ивана внимательно, не двигаясь. Все это повергло его в шок. Он не знал, почему такие страшные вещи случились с отцом Ивана. Может быть, Иван говорил неправду. Хотя по выражению его лица было ясно, что, скорее всего, он не врал. Возможно, это была ошибка. Советское правительство не могло так жестоко обращаться со своими гражданами.

*Но лучше не спрашивать его о подробностях. Если захочет, то он сам обо всем расскажет.*

Гарри просто решил молчать и слушать, что говорит Иван.

«Гарри, ты не понимаешь многих вещей, которые творятся в нашей стране, но в этом нет твоей вины. Жизнь в этой стране не такая, какой она тебе может показаться. Крестьяне в деревнях умирают от голода, они бегут оттуда, а в них стреляют, все, что они зарабатывали тяжелым трудом долгие годы, — все это у них отнимают».

Гарри кивнул механически. Он просто не знал, что сказать на такое. Он хотел хоть как-то выразить свое сожаление, но не знал, как это сделать.

«В общем, не бери себе в голову», — вдруг сказал Иван, махнув рукой. Ему уже самому показалось, что он сказал слишком много. Он не хотел отягощать своего нового знакомого всей этой информацией.

«Хочешь, покажу тебе свое училище?» — неожиданно предложил Иван. В его глазах промелькнула искра.

«Но ведь сегодня воскресенье...»

«Студенческий театр сегодня открыт. Там как раз идет репетиция».

Почему бы и нет, подумал Гарри. Он уже почти замерз на этом холоде, и было бы действительно неплохо пойти в какое-нибудь теплое место.

«Ну хорошо, пойдём».

Они встали со скамейки и пошли в направлении училища. Главное здание Музыкального училища имени Глазунова, где Иван учился на актерском факультете, находилось в самом сердце Москвы. Это было красивое трехэтажное здание классического стиля.

«Мое училище — это одно из самых престижных учебных заведений, многие парни и девушки, которые хотят работать в театре или кино, пытаются попасть сюда», — говорил Иван с гордостью.

Становилось холоднее. Когда Иван говорил, из его рта выходил пар.

«Но попасть сюда не так-то и просто. Чтобы попасть сюда, нужно сдать экзамены, а главное — пройти прослушивание. Многие заваливаются уже на этом этапе. Стоя на сцене перед комиссией, ты исполняешь басню, песню, ну и еще пару литературных произведений. А затем тебе говорят — прошел ты или нет. Обычно они ничего не говорят, просто вывешивают список тех, кто прошел, снаружи аудитории, где происходило прослушивание. Я как сейчас помню — я так боялся проверить этот список после экзамена, боялся, что не найду своего имени там. Но оно там было!»

Иван улыбнулся. Было видно, что он гордился тем, что ему удалось поступить в училище. Гарри улыбнулся в ответ.

Наконец они подошли к желтому зданию — одному из корпусов училища, напротив которого стояла небольшая группа молодых людей.

«Представь, это была мечта моей жизни. Мои родители никогда не поддерживали меня, они вообще не хотели, чтобы я ехал в Москву. У меня есть старшая сестра — Маша, она первая уехала в Москву. Потом уехал и я. Им было очень сложно отпускать нас обоих. Но я все равно уехал. Теперь я и Маша живем вместе в одной комнате коммуналки».

Они остановились перед входом в училище.

«Сейчас мы зайдем во внутрь, просто попытайся не вести себя странно, хорошо?»

«У нас могут быть неприятности?»

«Конечно нет, — улыбнулся Иван. — К нам сюда даже зрители с улицы могут приходиться».

Они вошли в здание, поднялись по мраморной лестнице на втором этаже, прошли по концу плохо освещенного коридора и вошли в актовый зал. В дальнем углу зала была небольшая сцена, на которой происходила репетиция. Перед сценой находились несколько рядов зрительских сидений.

Иван скинул свое пальто на одно из сидений и жестом попросил Гарри сесть. Гарри покорно сел, но пальто не снял. Он до сих пор немного дрожал от холода и не спешил раздеваться. Иван поднялся на сцену, обменявшись рукопожатиями с другими студентами.

Гарри осмотрелся. Актовый зал действительно был похож на маленький театр. На сцене, освещенной рампами, стояло черное пианино, над которыми висели большие портреты Ленина и Сталина. Тут же висел транспарант: «Искусство принадлежит народу!»

Несмотря на то, что Гарри вначале показалось, что в зрительских креслах никого не было, когда он напряг глаза, он увидел, что в первом ряду сидел серьезного вида мужчина лет пятидесяти в коричневом пиджаке, подперев подбородок рукой. Вдруг заиграла музыка, и студенты на сцене закружились в танце. Мужчина вскочил со своего места и начал активно жестикулировать — показывая им, как нужно исполнять свою роль. Затем он выкрикнул что-то. Из-за музыки Гарри ничего не расслышал. Затем мужчина сел. Снова вскочил со своего места, скрестил руки на груди, выкрикнул что-то.

Ивана в этот момент нигде не было видно.

*Наверное, готовится к выступлению за кулисами.*

Через несколько минут музыка прекратилась. Студенты торжественно расступились, и на сцене вдруг появился Иван. Под аккомпанемент фортепиано Иван пел что-то оперным голосом, совсем не похожим на голос, которым говорил в обычной жизни.

*Этот парень определенно талантлив, — подумал Гарри. — И симпатичный. Он даже кажется еще симпатичнее в свете этих прожекторов и напевая эту странную песню.*

Репетиция продолжалась около получаса, и когда она наконец закончилась, студенты начали прощаться друг с другом. Мужчина в пиджаке также покинул актовый зал. Иван задержался на сцене на некоторое время, о чем-то разговаривая со своими товарищами. Затем он спустился со сцены. За ним следовал какой-то парень — и подошел к сидящему Гарри.

«Это Антон», — сказал Иван, кивая в сторону незнакомца, стоящего рядом.

Гарри и Антон пожали друг другу руки.

«А это Гарри, мой преподаватель по английскому. Мы с ним занимаемся уже некоторое время, и я думаю, у меня неплохо получается».

Иван подмигнул Гарри. Гарри все сразу понял.

«Он иногда будет приходить сюда, посмотреть на наши репетиции. Он тоже интересуется русским театром».

«Конечно, без проблем, — Антон кивнул. — А я и не знал, что ты учишь английский». На его плече висел чехол с каким-то музыкальным инструментом.

«Я же хочу быть известным по всему миру», — шутливо сказал Иван.

«Приятно познакомиться Гарри, — приветливо сказал Антон. — Но мне надо бежать. До встречи, товарищи!»

Он помахал обоим рукой и выбежал из зала.

«Ну как, тебе понравилось, как я пою?» — Иван повернулся к Гарри с улыбкой.

Чувствовалось, что между ними устанавливаются теплые отношения. Не дав Гарри ответить, Иван продолжил:

«Вот так я и живу... вся моя жизнь один сплошной театр, — говорил он, поднимая пальто с кресла и натягивая его на себя. — «Репетиции и так далее. В какие-то дни у меня вообще нет даже перерывов».

«Ну, это же хорошо. Это означает, что ты станешь известным актером после того, как закончишь училище», — сказал Гарри, поднимаясь с кресла. Он все также был в пальто и за все время сидения в зале так и не согрелся.

«Какой же ты все-таки наивный», — сказал Иван, вдруг посерьезнев. Он поправил воротник пальто. «Это не так-то и просто. После училища меня скорее всего отправят в какой-нибудь захолустный театр где-нибудь в Благовещенске».

Гарри нахмурился. Он не понимал, о чем говорит Иван.

«Знаешь, Гарри. Иногда в жизни приходится принимать вещи такими, какие они есть. Не всегда мы можем получить то, что хотим. Согласно законам нашей доблестной страны, после окончания училища я должен буду отработать те деньги, которые государство вложило в мою учебу... Ведь учусь я бесплатно. Даже несмотря на то, что тут был жесткий конкурс, — Иван театрально закатил глаза. — Конечно, мне бы хотелось работать в Большом, но для того, чтобы туда попасть — нужно иметь связи».

Они вышли на улицу, где было темно и холодно.

Иван вытащил сигарету из своего кармана и закурил. Он протянул Гарри пачку сигарет, но Гарри вежливо отказался. Положив пачку обратно в карман и выпустив клубок дыма, Иван продолжил:

«А вообще, если ты хочешь быть известным актером, то тебе необязательно быть талантливым. Иногда, когда актриса спит с режиссером, она может получить роль в театральной пьесе. Очень часто именно так актрисы и получают свою роль».

Он выпустил в воздух еще один клубок дыма, держа тлеющую сигарету между своих пальцев.

Комментарий Ивана несколько не смутил Гарри.

«Я думаю, так дела делаются во многих местах, не только в театре», — сказал он, пожав плечами.

«Да, согласен. А иногда даже актеры спят с режиссерами. Мужик с мужиком. Это, мне кажется, еще более частое явление».

Гарри вдруг остановился и посмотрел на Ивана взглядом непонимания и какого-то легкого подозрения.

*К чему он мне говорит это? Не будь дураком, Гарри, ты сам прекрасно знаешь, что он имеет в виду.*

«Да, да, — продолжал Иван, как ни в чем не бывало. — Я уже давно ничему не удивляюсь тут у нас в театре». Он снова затянулся и выпустил еще одно облако дыма. Затем он вдруг посмотрел прямо в глаза Гарри: «А ты сам что об этом думаешь?»

Гарри вдруг замер. Несмотря на то, что он был готов к подобному разговору, прямота Ивана все равно застала его врасплох.

«То есть как? Что ты имеешь в виду?» — сказал Гарри нахмурившись.

«Ничего, мне просто интересно», — Иван пожал плечами, вдруг подумав, что, возможно, он пытается завести разговор не с тем, с кем надо.

*Гарри, он хочет, чтобы ты ему что-то сказал на это. Ну, если он хочет, то я скажу ему. Я же сам этого хотел — познакомиться с такими же, как и я. Я специально пришел для этого в парк. Я просто не ожидал, что все будет происходить так быстро...*

Гарри также посмотрел Ивану прямо в глаза, неожиданно проявив твердость.

«Я думаю, это нормально».

«Ну это ведь замечательно», — сказал Иван с облегчением. Он уже несколько раз пожалел о том, что завел эту беседу, но теперь было ясно, что завел он этот разговор не зря: «Мне тоже нравятся парни и девушки, а если честно, когда я увидел тебя в парке, то ты мне сразу понравился. Я знал, что там сидишь на этой скамейке, на холоде не просто так».

Гарри улыбнулся. Он совсем не ожидал, что Иван вот так вот быстро во всем признается. Все происходило очень быстро.

«Знаешь, когда я тебя увидел, я подумал, что ты, наверное, такой же, как и я», — продолжил Иван. — Я сразу все понял, я ведь видел, как ты на меня смотрел и все такое. Я сразу понял, что ты такой же, как и я».

«Как и ты?»

«Ну да, гомосексуалист. Слышал о таких?»

Гарри молча кивнул.

*Гомосексуалист.* Вот как, оказывается, нужно правильно называть это на русском.

«Я понял, что я такой, когда мне было пятнадцать лет. Я тогда сильно испугался. В какой-то книге, медицинской энциклопедии, я вычитал, что у этой вещи есть название — гомосексуализм».

«Я знаю, что это такое», — сказал Гарри, сглотнув комок в горле.

Гарри обернулся по сторонам. Они шли по какой-то набережной, освещенной тусклым светом фонарей. Одни. Поэтому никто не слышал их разговор.

Гарри опять сглотнул комок в горле — ведь впервые в жизни он обсуждал эту тему с кем-то. С таким же, как и он.

«То же самое случилось и со мной... Я тоже сначала не мог понять, что же со мной происходило, пока не я не прочитал статью в газете...»

«Ну и славно. Теперь между нами все ясно и секретов нет», — Иван по-товарищески похлопал Гарри по плечу. «Теперь мы знаем, что мы одной крови», — добавил он с сарказмом.

Гарри немного расслабился. В конце концов, он ведь нашел то, что искал, — такого же, как и он.

Желудок Гарри неожиданно заурчал, напомнив, что он ничего не ел с полудня.

«Иван, если честно, то я очень проголодался. Ты, наверное, тоже голоден. Тут, наверное, есть какой-нибудь трактир поблизости или ресторан».

«Какой аристократ! — саркастически воскликнул Иван. — Боюсь, что я просто не могу себе такое позволить! Моя стипендия не позволяет мне вести столь роскошный образ жизни».

«Не волнуйся, это не проблема», — сказал Гарри, подумав, что денег у него в кармане хватит, что заплатить за ужин на двоих.

Лицо Ивана вдруг стало серьезным.

«Нет, Гарри, ты не понимаешь, для меня это проблема. Я не какой-то там паренек из деревни, который может вот так просто продаться за ужин». Было видно, что он немного обиделся.

«Извини, я не хотел...» — виновато сказал Гарри.

«Ничего страшного. Я просто не хочу в рестораны, это слишком буржуазно, — объяснил Иван. — А вообще, в этих ресторанах очень много офицеров ОГПУ в штатском, которые следят за такими иностранцами, как ты. И у меня могут быть неприятности. В стране не хватает еды, люди едят и покупают еду по карточкам. Жизнь для всех очень сложная, и только иностранцы, как ты, могут себе позволить обедать и ужинать в ресторанах... Внимание властей мне совсем ни к чему».

Гарри опять почувствовал себя неловко, потому что, несмотря на все свои социалистические принципы и скромные корни, его образ жизни по сравнению с образом жизни большинства советских людей действительно был буржуазным. Большинство советских людей не только ютилось в коммунальных квартирах, но и просто не имело возможности есть.

«Но есть один недорогой бар в самом центре Москвы, — вдруг сказал Иван. — На Тверской, мне там очень нравится. Еда там, конечно, так себе, а вот пиво — то, что надо. Отличное место для того, чтобы посидеть, выпить и забыть про все то дерьмо, которое происходит вокруг нас. У тебя ведь, наверное, совсем нет здесь друзей?»

Гарри отрицательно покачал головой.

«Я здесь с весны, но вся моя жизнь до настоящего времени — это одна работа».

«Ничего себе, бедняга, ты здесь совсем один. Но, ничего. Я познакомлю тебя с другими!»

Гарри улыбнулся. Его затея пойти в парк, к которой он поначалу отнесся скептически, неожиданно оказалась очень продуктивной. Иван бросил сигарету на тротуар и растоптал ее.

«Мне пора. Маша, моя сестра уже, наверное, заждалась меня. Мы с ней договорились, что я не буду задерживаться. Она всегда злится, когда я прихожу домой поздно. Ах да, запиши где-нибудь мой адрес и телефон. На всякий случай».

Гарри достал свой блокнот, который он всегда носил с собой в кармане — привычка корреспондента. Он записал адрес Ивана. Его руки уже немного озябли.

«Ты живешь один?» — спросил Иван.

Гарри кивнул.

«Один? Ты и вправду буржуй! Маша и я — мы делим небольшую комнату в коммуналке. Это настоящий ад, скажу я тебе. Соседи постоянно орут, ругаются, не дают спать... Но Маша и я — мы уже привыкли к этому. Когда я наконец стану известным актером, то мне дадут свою, отдельную квартиру, как и тебе».

«Когда мы увидимся?» — вдруг спросил Гарри.

«В следующее воскресенье. Тверская-Ямская, 2. До воскресенья я буду занят в репетициях».

Иван притянул Гарри к себе и обнял его на прощание. Гарри попытался не морщиться от резкого запаха табака. Сидя в пустом трамвае и задумчиво, вглядываясь в темноту на Московских улицах, Гарри впервые почувствовал настоящую радость.

*Как хорошо, что я приехал сюда. В СССР. Я бы никогда не смог бы ни с кем вот так вот познакомиться в Шотландии.*

Но Гарри даже и не догадывался, что его энтузиазм и радость были преждевременными. И что совсем скоро его радость исчезнет.

## Глава 4

Вернувшись домой, Гарри никак не мог уснуть. События прошедшего воскресенья и знакомство с Иваном не выходили из головы всю последующую неделю.

Иван очаровал Гарри. Гарри, у которого никогда не было никаких романтических отношений, а уж тем более с другим парнем, просто не мог выкинуть своего нового знакомого из головы.

*Вот это перемены, Гарри, вот это перемены. Совсем недавно ты пытался оттолкнуть все эти мысли, желания подальше от себя. Ты думал, что это ненормально, опасно. Ты даже обещал себе, что никогда, помнишь, никогда не позволишь себе дать своим чувствам и желаниям свободу. А сейчас — вот тебе и на. Влюбляешься как девчонка. В другого парня.*

*Ну и что.*

*Жизнь не должна быть испытанием. Жизнь не должна быть просто работой. Да, работа тоже была важной частью жизни, но она не должна была быть самой главной вещью. Жизнь также могла принести удовольствие. Радость. От дружбы. От тепла. От другого человека. Особенного человека.*

*Да, я не такой как все. Иван тоже. Только из-за того, что мы такие, как есть, гомосексуалисты. Нет, мне не нравится это слово... Хотя какая разница, как это все называть. Если мы не такие, как все, то это не значит, что мы должны жить в страдании и несчастье.*

*Нет ничего ужасного в том, что у тебя чувства к другим парням. Все твои давние попытки задушить, затушить твои чувства приносили тебе больше несчастья... Зачем все это было нужно?*

*Как зачем, Гарри? Не забывай, ты родился в Шотландии. Шотландия — не такая прогрессивная страна, как СССР. Ты просто*

*хотел выжить. Но сейчас ты можешь быть таким, какой ты есть. Тебе не нужно больше убивать в себе твои настоящие чувства.*

*Сидя в своем офисе, Гарри с нетерпением ждал воскресенья.*

*Пора подумать о работе, Гарри. Ты здесь для того, чтобы работать. Мысли о твоей личной жизни не должны и не могут быть важнее твоей работы. Да и вообще. Не давай своим чувствам так разыгрываться. В конце концов, вы только познакомились. Да, он сводил себя в свой театр, но ведь это совсем ничего не означает.*

*Но он мне понравился. И я ему тоже. Я это знаю.*

*Черт побери, Гарри. Настоящий революционер не может ставить личное превыше всего. Пора работать Гарри, пора.*

*А что, если я пойду и встречу его после училища?*

*Гарри, не будь идиотом. Он же сказал, что будет занят репетициями всю неделю. Зачем его беспокоить? Ну, а что, если я просто незаметно пройду в этот актовый зал, и просто понаблюдаю... Ведь он, наверное, будет петь...*

*Гарри, нет. Это не самая лучшая идея. Просто подожди. Подожди до воскресенья. Это не так долго. Но ведь сегодня только понедельник... Займись работой, в конце концов!*

Гарри заставил себя ждать. Время шло очень медленно. Дни тянулись один за другим несмотря на то, что Гарри пытался работать как можно больше. Но, с другой стороны, ему нравилось, что в его жизни появилось что-то, чего он с нетерпением ждет. До встречи с Иваном он ненавидел воскресенье. Но теперь он ждал воскресенье с нетерпением.

И вот воскресенье наконец настало. В назначенное время, во второй половине дня, Гарри уже нашел тот самый трактир, о котором ему говорил Иван. Трактир располагался в полуподвальном помещении в одном из здании на Тверской. Несмотря на то, что в стране действительно были проблемы с продовольствием, и многие люди жили,

используя карточки, в столице все же работали рестораны и трактиры. Трактир, в котором Иван предложил Гарри встретиться, назывался «Веселый сверчок».

У трактира не было вывески, поэтому Гарри понадобилось почти полчаса, чтобы найти туда вход. Через ничем не примечательную дверь, находящуюся в углу ничем не примечательного дворика, Гарри спустился по узкой лестнице вниз подвала. Он чуть не поскользнулся — каменные ступени были избиты и изглажены миллионами ботинок посетителей, которые были в этом трактире еще в дореволюционное время. Держась за деревянные перила, Гарри аккуратно спустился в подвальное помещение. Здесь пахло трактирной едой и пивом и стоял гул посетителей.

Свет от газовых ламп на стенах был очень слаб, и в заведении царил полумрак. Несмотря на это, здесь было много посетителей. Они сидели за мощными дубовыми столами, наклоняясь друг к другу поближе, чтобы услышать друг друга. В дальнем углу помещения Гарри разглядел небольшую сцену, на которой стояло старое черное пианино. Официанты в белых рубашках и серых фартуках кружили над столами гостей заведения.

Глаза Гарри наконец привыкли к полумраку, и он смог разглядеть помещение получше. На каменных стенах помещения висели большие странного вида картины, с изображением пышнотелых женщин и грузных мужчин с пенящимся пивом в массивных чашках.

*Эти картины совсем не похожи на социалистическое искусство. Наверное, они висят здесь с дореволюционного времени.*

Да и вообще, Гарри вдруг подумал, что сам бар никак не похож на советские заведения, которые он посещал. «Веселый сверчок» был похож на типичный шотландский паб, которые Гарри никогда не любил. Не любил, потому что там собирались пьяные рабочие, изрыгая неприличности о женщинах.

Он снова огляделся и тут же заметил знакомое лицо с поднятой рукой за столом в левом углу помещения. Гарри тут же улыбнулся.

*Наконец-то.*

«Это мое любимое место», — Иван пытался говорить громче, пока Гарри стягивал свое пальто и садился на стул. — Здесь я могу отдохнуть от всего этого большевистского мусора. Очень радует, что такие места еще есть... Без всей этой серости и посредственности».

Иван не боялся говорить такие вещи — ведь его все равно никто бы не услышал. Даже Гарри, которые сидел напротив, должен был напрячься, чтобы услышать Ивана.

«Сюда, как видишь, приходят разные люди. Солдаты, студенты, другие официанты из других заведений... Но в основном, как видишь, тут студенты. Этот бар был раньше борделем, но после революции было решено переделать это место во что-то более приличное», — Иван ухмыльнулся.

Испарина прокатилась по лбу Гарри. В помещении было душно. Гарри хотел положить свои руки на стол, но убрал их на колени обратно — поверхность стола была липкая и грязная.

«Две чашки пива нам! — Иван крикнул официанту, мужчине средних лет с усами, который кивнул и тут же направился в направлении барной стойки. — А вообще это место было раньше намного популярнее — я помню, однажды ночью здесь было так много людей, что столов на всех не хватило. Многие просто стояли».

Через несколько минут перед ними снова возник официант с подносом в руках. На подносе стояли две стеклянные кружки с пивом, которое пенилось и переливалось через края. Официант с шумом поставил их на стол.

«На здоровье Гарри!» — Иван поднял кружку и глотнул пива, вытерев губы рукой. Отглотнув еще, он громко поставил чашку на стол.

Гарри также отглотнул, пытаясь не морщиться. Пиво было горьким. Ему не нравилось пиво, да и вообще он не особо-то и пил.

«Бары в Шотландии такие же?» — спросил Иван, оглядывая бар. Он уже привык к тому, что Гарри в основном молчал и только отвечал на его вопросы.

«Наверное», — пожал плечами Гарри.

*Опять ты за свое, Гарри. Почему бы тебе не сказать фразу подлиннее? Он так быстро от тебя устанет.*

«Вообще, если честно, в Эдинбурге у меня не было много свободного времени... Да и друзей тоже. Я был в пабах только несколько раз и то, потому что надо было по работе».

«В Москве еще осталась парочка хороших мест, но после революции много хороших мест просто исчезло... По крайней мере, так говорят мои друзья, люди постарше. А еще раньше было очень много мест, где нашему брату было легче заводить знакомства».

Иван опять бросил Гарри странный взгляд.

*Нашему брату.*

«Раньше можно было встретить много интересных ребят, таких, как мы, можно было знакомиться... Но сейчас всем страшно. Никто не знает, чего ожидать от большевиков. Даже вот в этом баре можно было встретить много таких, как мы. Но сейчас, как видишь, здесь всякие кадры заглядывают...»

Иван игриво мигнул в сторону толстопузого мужчины, лицо которого было красным как помидор и вздутым от количества выпитого пива. С полузакрытыми глазами он постоянно икал и, казалось, вот-вот скатится со стула под стол.

Иван и Гарри посмеялись про себя.

Неожиданно посетители за столами захлопали. На сцене появились четыре музыканта, которые вытащили контрабасы и саксофоны и заиграли веселую музыку, похожую на джаз.

«Хочешь заказать что-нибудь?» — почти срываясь на крик, спрашивал Иван. Музыка было перекричать намного сложнее, чем гул посетителей.

«Нет, пока нет», — Гарри покачал головой.

Иван подвинул свой стул ближе к Гарри, чтобы не кричать через стол.

«Скажи мне, как твои родители относятся к твоему маленькому грешку?»

«Какому грешку?» — казалось, Гарри слышал это слово впервые.

«Ну, твои родители, знают, что ты не такой, как все?» — Иван потянулся к кружке и сделал еще один глоток пива.

Гарри оглянулся по сторонам, опасаясь, что их услышат. Затем его взгляд встретился с глазами Ивана, который своим выражением лица дал ему понять, что бояться не стоит. Громкая музыка и продолжающийся гул посетителей были достаточными для того, чтобы заглушить любой разговор.

«Они ничего обо мне знают, я им не рассказывал». Гарри тоже сделал глоток пива и, немного поморщившись, поставил кружку обратно на стол.

*Как вообще это можно пить?*

«Мои тоже не знают... И не узнают. Жизнь и так их заметно потрепала... Такая информация им пока точно не нужна. Да я и вообще не знаю, когда снова увижу отца».

Гарри тут же вспомнил, что отец Ивана был арестован.

«Когда Маша, моя сестра, узнала, что я резвлюсь с парнями, она была очень зла. Даже попросила меня больше этого не делать. И я даже пытался дать ей какие-то дурацкие обещания. Но потом я понял, что мне будет очень сложно избавиться от этого порока. Я даже пытался ей объяснить, что это не так-то и просто. Но она не хотела ничего слышать. Она до сих пор пытается контролировать меня — когда я поздно прихожу домой, постоянно устраивает мне допросы... ха-ха-ха. Похлеще ОГПУ. Старшая сестра все-таки».

«Как она узнала?»

«Ну, я просто не был достаточно осторожным. Однажды, когда ее не было дома, я притащил в нашу комнату парня. Представь себе, мы вот только-только начинаем, и в комнату заходит Маша. В тот момент я просто хотел провалиться сквозь землю. Она, конечно, все поняла. Она не стала скандалить, потому что наши сожители по квартире могли услышать. Парня пришлось выпроводить, а потом у меня состоялся очень долгий, нудный и неудобный с ней разговор обо всем этом. Вот я и пообещал ей потом. Больше ни-ни».

Музыка продолжала играть.

«В Шотландии очень сложно быть таким, — сказал Гарри. — Там это преступление. Там я преступник. А здесь, в СССР, нет. Здесь в СССР нет наказания за такие вещи...»

«Да ладно?» — Иван не мог скрыть своего удивления. Он действительно не знал об этом. Он никогда не задумывался, есть ли в СССР уголовное наказание за половые отношения между двумя мужчинами, но где-то в глубине души он понимал, что, возможно, что-то подобное существует.

«Я серьезно. Когда я обнаружил, я сам был удивлен. В СССР не существует дискриминации по отношению к таким, как мы. После революции товарищ Ленин отменил все царские законы, включая законы,

запрещающие мужеложство... В новом Уголовном кодексе СССР такого наказания просто нет».

Иван театрально закатил глаза. Гарри действительно уважал советскую власть. И Ивана это немножко раздражало.

*Как же мало этот иностранец понимает про жизнь в СССР, — подумал про себя Иван. — Если бы он не был таким симпатичным, то я бы давно уже не сидел тут с ним.*

«Ты звучишь, как наше советское радио и вся та пропагандистская ерунда, которую мне приходится слышать каждый день...» — неодобрительно покачал головой Иван.

«Но ведь это правда... — Гарри неожиданно проявил твердость. — В Шотландии такие законы есть, а здесь нет...»

«Ну хорошо, допустим. А ты откуда об этом всем знаешь?»

«Перед тем как приехать сюда, я подробно изучил действующий советский Уголовный кодекс, а потом сравнил его с царским».

«А-а-а, теперь я понимаю, что привело тебя сюда. Ты пришел сюда ради свободной любви, не так ли?» — Иван громко рассмеялся. Он сделал последний глоток, опустошив кружку. Затем огляделся в поисках официанта.

Внезапно за столом Гарри и Ивана появился невысокий светловолосый мужчина в темном пальто лет тридцати с небольшим.

«Приветствую», — сказал незнакомец.

«О, Пашка, друг мой», — сказал Иван, вставая из-за стола и обнимая незнакомца. Затем, положив руку ему на плечо, он повернулся к Гарри: «Это Павел, учится на медицинском. Мой очень хороший друг».

«Добрый вечер, Павел», — вежливо сказал Гарри. Он был не уверен, услышал ли его Павел.

«А это Гарри, мой друг из Шотландии, о котором я тебе уже рассказывал». Иван повернулся к Павлу.

Павел кивнул, снял пальто и положил его на стул. Затем он жестом подозвал официанта и попросил принести пива.

«У меня был очень интересный разговор с моим шотландским другом», — кричал Иван сквозь музыку.

Павел вскинул брови.

«О гомосексуализме, представляешь?» — сказал Иван.

Павел не выказал удивления при этих словах.

«А что о нем говорить-то?» — сказал с каким-то безразличием Павел.

«Ну, мой друг Гарри, который, кстати, работает в англоязычной газете "Moscow Daily News", только что сообщил мне, что гомосексуализм не является уголовным преступлением в нашей стране», — продолжал Иван.

«Интересно, интересно, — сказал Павел. — А я, наоборот, всегда думал, что в нашей стране заниматься такими вещами — это преступление».

«Да, я тоже так думал, но оказывается, что это не так. Гарри утверждает, что наша страна в этом отношении одна из самых либеральных в мире, верно, Гарри?»

Иван бросил на Гарри саркастический взгляд.

«Верно», — кивнул Гарри. Он совсем не понимал сарказма Ивана.

«Представляешь, даже в Шотландии, откуда Гарри родом, таких людей, как мы, преследуют и отправляют в тюрьму», — продолжил Иван.

«Ну что ж, выпьем за нашу свободу!» — Павел, улыбаясь, поднял кружку пива, которая была принесена официантом несколькими секундами ранее.

Сделав глоток, Павел наклонился ближе к Гарри.

«В целом я бы не питал особых иллюзий по поводу большевиков и их терпимости к нам. Мне вообще сложно поверить в это».

«Да, я говорил ему то же самое, что мне тоже трудно в это поверить, — сказал Иван Павлу. — Но раз сейчас мы не находимся в тюрьме, значит, это правда», — заключил Иван.

«Я думаю, что все это вопрос времени, и ситуация станет еще лучше», — сказал Гарри с надеждой в голосе.

«Гарри, я вижу, что ты ярый сторонник большевизма», — заметил Павел с иронией в голосе, опасливо оглядываясь по сторонам. Но несмотря на то, что музыка временами становилась тише, — сидящим за соседними столами их разговор все равно было бы сложно услышать.

«Я действительно верю, что советское правительство лучше и эффективнее, чем правительство в моей стране...» — продолжил Гарри.

«Да? Скажи это моему отцу, которого обвинили в контрреволюционном вредительстве просто потому, что он не хотел вступать в колхоз, — резко сказал Иван. — А еще расскажи это тем, кто бежит из деревень из-за этой чертовой коллективизации».

Иван покраснел.

*Лучше следи за тем, что я говоришь,* — сказал себе Гарри.

«Мне очень жаль», — тихо сказал Гарри, вдруг снова осознав, что его постоянные хвалебные комментарии в адрес советской власти раздражали Ивана.

Все трое какое-то время молчали. Музыка продолжала играть.

«Я очень надеюсь, Гарри, что твои надежды и ожидания по поводу будущей счастливой жизни гомосексуалистов в нашей стране оправдаются, — осторожно сказал Павел. — По крайней мере, мне самому хотелось бы в это верить. Наше общество до сих пор очень плохо относится к гомосексуалистам. Кстати, я сам до недавнего времени очень негативно относился к собственным наклонностям, несмотря на то что, как себя помню, всегда был таким. Представляешь, я даже однажды женился».

Музыканты прекратили играть. Зал взорвался аплодисментами, оживленный гомон наполнил комнату.

«Но, как ты сам себе можешь представить, мой брак не был счастливым, — продолжил Павел. Теперь можно было лучше услышать, что он говорил. — Когда мне было девятнадцать лет, мои родители женили меня, да, я серьезно — они женили меня. И я не возражал против этого, если честно. Тогда я думал, что, если человек не женат, его жизнь будет несчастной. И знаешь, что из всего этого вышло? Жена меня очень любила, и я даже надеялся, что привыкну к ней. У нас даже был половой акт, но с моей стороны это было сделано без необходимой страсти... сухо. Я не хотел, чтобы она страдала, и изо всех сил старался дать ей все, хоть немного того, чего она хотела, но все это было, конечно, отвратительное и нестерпимое притворство. И с течением времени мне становилось всё противнее...»

Павел замолчал, в глазах его была грусть.

«Я всеми силами старался убедить ее, что такова моя природа, что она должна с этим смириться. Я даже не запрещал ей заводить романы с другими, потому что в глубине души был рад, что она мне изменяет. Я хотел бы, чтобы она была мне другом, а не женой, но это было невозможно. Она не могла меня понять, и ей было трудно... Я уверен, что во многих уголках нашей страны таких, как мы, просто женят или они просто сами женятся, молча смиряются со своей судьбой...»

«Это ужасно», — сказал Гарри едва слышным голосом, впечатленный историей Павла.

«Да, по крайней мере мы все живы и здоровы, — сказал Павел, стараясь звучать веселее. — И, честно говоря, я понятия не имел, что такие люди, как мы, не преследуются по закону. Я всегда думал, что мой образ жизни в любом случае преступен... порочен, и если кто-то об этом узнает, то какие-то проблемы с законом у меня могут и быть. Хотя, слава богу, ни у кого из моих друзей никогда не было проблем с законом...

«Кстати, в жизни Пашки сейчас не все так плохо, — поддразнил Иван. — У него даже есть муж!»

«Да, у меня действительно есть друг Алексей, с которым я живу, и мы почти семья. Мы вместе уже несколько лет — делим комнату, в коммуналке, как и все. Сейчас тяжелые времена для всех, люди сбиваются в кучу, как скот, в крохотных, тесных комнатах. Нам с Алексеем повезло — мы так и живем вдвоем, без подселенцев».

*Люди живут в таких ужасных условиях, а у меня одного такая большая квартира,* — Гарри пристыдил себя в очередной раз.

«А соседи?» — спросил Гарри.

«А что соседи? — Павел пожал плечами. — Никто не удивляется, видя двух мужиков, живущих вместе. Жилищный вопрос в стране стоит очень остро, и поэтому лишних вопросов нам никто не задает. Вот так мы и познакомились... Когда умерла моя мама, Лешу почти сразу поместили в мою комнату. Сначала нам было трудно привыкнуть друг к другу, а потом я понял, что он такой же, как и я. Он тоже это понял. А потом у нас начались отношения. Вот так и живем».

«Да, хоть какая-то польза от этих коммуналок!» — сказал Иван, которому уже наскучил монолог друга. Он опустошил вторую кружку пива, с громким звуком поставил ее на стол и икнул.

Они просидели в трактире еще два часа, и за это время Иван выпил еще несколько кружек. Около десяти часов Павел встал из-за стола, надел пальто и протянул Гарри руку.

«Было приятно с тобой поговорить, Гарри, ты очень интересный парень. Давай дружить», — сказал он.

Гарри поднялся со стула и пожал руку Павлу.

«Запиши мой номер телефона», — сказал Павел. Гарри записал номер, и, пожав Ивану руку, Павел направился к выходу.

«Думаю, пива на сегодня с меня хватит, — икая, сказал Иван Гарри. — Хочешь прогуляться?».

«С удовольствием», — сказал Гарри, который был совершенно трезвым. Он понимал, что следующая его встреча с Иваном, учитывая его плотный репетиционный график, произойдет не раньше следующего воскресенья, а может быть, даже позже. Поэтому он обрадовался предложению Ивана.

Расплатившись и одевшись, Павел и Гарри вышли на улицу, где уже было темно и холодно.

«Сегодня вечером я покажу тебе кое-что интересное», — загадочно сказал Иван, закуривая сигарету у входа в трактир.

## Глава 5

«Пока Паша живет своей скучной семейной жизнью, я покажу тебе, как живут люди, не обремененные браком», — сказал Иван с уже знакомой Гарри озорной ухмылкой. Быстро выкурив сигарету, он потянул его за собой.

Они шли по темным улицам мимо тусклых уличных фонарей. Некоторые из фонарей вообще не горели — городские власти сэкономили электроэнергию для заводов и промышленности. Под ногами их хрустал снег и тонкий лед на тротуарах.

Вскоре они оказались в парке, гораздо большем, чем тот, где они впервые встретились. У входа в парк возвышался какой-то памятник (Гарри не мог разглядеть надпись в темноте, а Иван затруднялся сказать, кто это был). По бокам парка, через дорогу, стояли многоквартирные дома. Несколько фонарных столбов слабым светом освещали стоящие тут и там скамейки. Поскольку было уже поздно и довольно холодно, парк был пуст.

Гарри вздрогнул при очередном порыве холодного ветра.

*Зачем мы здесь? Мне холодно.*

Остановившись у одной из скамеек, Иван жестом пригласил Гарри сесть.

«Здесь холодно», — возразил Гарри, съежившись в своем пальто.

«Мы здесь ненадолго, так что давай садись», — скомандовал Иван.

Гарри подчинился, а Иван сел рядом с ним. Так они сидели на скамейке около трех минут. Гарри что-то бормотал себе под нос, как вдруг Иван жестом призвал его к тишине, кивнув в сторону ворот парка в нескольких метрах от него.

Гарри посмотрел в сторону, куда кивал Иван. Вдали, у самого входа в парк, возник хромающий силуэт, постепенно обретавший более четкие очертания. Это был высокий молодой человек в военной форме, и в отличие от большинства солдат на улицах, которых Гарри до сих пор видел, он выглядел неуверенным в себе. Он нервно оглядывался по сторонам, словно боялся, что за ним следят. Осторожно проходя мимо Гарри и Ивана, он посмотрел на их искоса.

Гарри с интересом наблюдал за тем, что произошло дальше. На некотором расстоянии от них солдат остановился у небольшой постройки, осторожно оглядываясь по сторонам. Затем он исчез в темноте — Гарри так и не понял, вошел ли он внутрь постройки, либо просто растворился в темноте.

«В тех кустах есть туалет, очень популярный среди... ну, ты сам понимаешь, — шепотом объяснил Иван. — А этот солдатик, судя по всему, один из нас. Приходит сюда то ли в поисках мужской любви, то ли предложить себя за деньги. Жизнь сейчас трудная, поэтому тех, кто продает себя, становится больше».

Иван резко замолчал, слегка ткнув Гарри локтем в бок и снова кивнув в сторону входа в парк. Гарри повернул голову и увидел еще один силуэт у входа в парк. Это также был молодой человек, но не в военной форме. Он шел более уверенной походкой в сторону туалета. Он даже не посмотрел в сторону Ивана и Гарри, проходя мимо них. Он подошел ко входу в туалет и совершил аналогичный ритуал — несколько раз огляделся и исчез внутри.

«Смотри, смотри... никто из них точно не выйдет из туалета хотя бы десять минут», — уверенно сказал Иван Гарри.

«Что они там делают?» — наивно спросил Гарри.

«Что еще там можно делать? — Иван усмехнулся. — Но лично я стараюсь так не делать... не заниматься этим в туалетах. Мне нравится

знакомиться с людьми, и все. А заниматься такими делами в туалетах просто опасно. Наши власти сейчас борются за чистоту нравственности наших граждан и, если туда нагрянут органы и поймают их с поличным, то у них точно будут проблемы».

«Почему они не могут сделать это дома?» — продолжал удивляться Гарри.

«Гарри, проснись, ты в СССР! Не у всех тут есть отдельная квартира. Большинство, как и я, живут в коммуналках, делят комнаты по три-четыре человека... Забыл, о чем мы говорили несколько минут назад?»

Гарри снова мысленно отругал себя за необдуманный комментарий. Хотя его пребывание в СССР длилось уже несколько месяцев, он все еще не мог привыкнуть к некоторым реалиям жизни в этой стране.

«Вот поэтому все бегают из одного туалета в другой, — продолжил Иван. — Говорят, в дореволюционные времена можно было совокупляться в банях. Но не сейчас. Большевики всю эту лавочку прикрыли».

Прошло около пятнадцати минут. К тому времени холод уже проник во внутрь пальто Гарри, но он все равно был снедаем любопытством. Внезапно из туалета, очертания которого виднелись в темноте — ведь глаза Гарри уже привыкли к мраку, — появился мужчина, возясь со своим ремнем. Он украдкой огляделся и поспешно исчез в темноте. Через некоторое время солдат, которого Иван и Гарри увидели первым, также возник из туалета и тоже исчез.

Иван повернулся к Гарри, победно улыбаясь.

«Видишь? В этот раз они не попались. Им повезло, — сказал Иван. — Ладно, уже поздно. Мне нужно идти. Уже холодно, да и Маша не любит, когда я возвращаюсь домой поздно. Она наверняка будет

спрашивать меня, где я был, с кем я был и что делал... От меня воняет пивом — придется придумать оправдание».

*Скажи уже что-нибудь, Гарри. Все следующую неделю он будет на репетициях. У него просто не будет на тебя времени. Когда ты еще сможешь его увидеть?*

*В лучшем случае тебе придется ждать до следующего воскресенья... Нет, это слишком долго.*

*А если он вообще не захочет меня больше видеть? Да, он может быть резким, но черт возьми, он мне нравится...*

«Хочешь, покажу, где я живу?» — сказал вдруг Гарри, удивляясь своей прямоте.

Иван посмотрел Гарри в глаза, также пораженный его предложением.

*Может я поспешил?* — Вдруг подумал про себя Гарри. — *Он, наверное, сейчас подумает, что я... Да какая уже разница, что он подумает.*

«А почему бы и нет...?» — вдруг сказал Иван.

Гарри улыбнулся. Иван улыбнулся в ответ. За все то короткое время знакомства с Иваном, Гарри был впервые доволен тем, что сказал.

*Значит, я ему тоже нравлюсь,* — заключил Гарри про себя.

Они прыгнули в трамвай, а через полчаса уже стояли перед пятиэтажным зданием, в котором жил Гарри. В окнах некоторых квартир горел свет.

В хорошо освещенном подъезде их встретил консьерж, товарищ Антонов, хромой мужчина лет шестидесяти, которого Гарри лично знал и с которым здоровался каждый день. Антонов помнил каждого жителя по имени, и Гарри не был исключением. Как и многие другие советские

люди, с которыми Гарри довелось иметь дело в Москве, товарищ Антонов почти никогда не улыбался.

Антонов подозрительно посмотрел на Ивана, который не издал ни звука.

«Это товарищ, мы по работе... — неловко объяснил Гарри. Он пытался звучать как можно увереннее, понимая, что Антонов хочет знать цель визита пришельца. — Я совершенно забыл, что мне надо сдать статью завтра. И мой товарищ мне поможет». Гарри кивнул в сторону Ивана.

Антонов еще раз окинул Ивана недоверчивым взглядом. Затем он кивнул, но дав понять, что все в порядке и им можно проходить. Звук их шагов эхом отдавался от стен крыльца, пока они шли к лифту.

«Он как-то подозрительно на нас посмотрел, — сказал Иван в лифте. — Ты уверен, что тебе можно приводить сюда людей?»

«Конечно, уверен!» — несмотря на свое бахвальство, Гарри не был уверен в этом на сто процентов.

*Как же я изменился с того времени, как стал здесь жить. В Шотландии я бы никогда не осмелился пригласить парня в свою квартиру. А сейчас я веду парня к себе домой. Парня, с которым я только что познакомился и о котором мало чего знаю.*

*А что, если Антонов расскажет все Бородину? Что скажет Бородин, когда узнает о моем «интервью»? Ну а с другой стороны, кого это волнует? Ведь это не противозаконно. Почему я не могу пригласить парня в свою квартиру?*

*Но Иван все же прав, Антонов очень подозрительно на нас смотрел. Завтра он будет задавать вопросы... Но даже если он и будет это делать — то это будет завтра!*

«Ух ты, какие хоромы! — воскликнул Иван, когда Гарри включил свет в прихожей. Сняв свои ботинки и отдав Гарри пальто, он прошел

вовнутрь квартиры. — Я никогда раньше не был в такой большой квартире, сказать по правде. Хотел бы я жить в такой роскоши. Очень буржуазно, товарищ Уайт».

*Откуда он знает мою фамилию?*

*Потому что ты показал ему свое удостоверение, Гарри.*

*Что за дурацкая паранойя?*

«Это не моя квартира, а служебная», — виновато сказал Гарри, понимая, что его квартира была действительно велика для одного человека.

«Не смущайся, товарищ Гарри буржуа», — поддразнил Иван, неловко опираясь одной рукой о стену. Он был под влиянием выпитого пива.

«Если ты хочешь выпить еще немного, то у меня тут ничего нет из выпивки...» — виновато сказал Гарри.

«Кто сказал, что мне нужна выпивка?» — игриво удивился Иван, приближаясь к Гарри.

Они никогда не стояли так близко друг к другу. Лицом к лицу. Расстояние между ними и их лицами было несколько сантиметров. Гарри даже почувствовал едкий запах пива, который исходил от Ивана. Но запах его совсем не волновал. Он знал, что сейчас произойдет что-то важное. Что-то, чего он хотел так долгое время. Гарри смотрел на Ивана глазами, призывающими к действию.

Иван, в свою очередь, оценивающе смотрел на лицо Гарри. Хорошая кожа, пухлые губы. В этом иностранце было что-то чертовски привлекательное.

*Ну давай же, сделай что-нибудь,* — умолял про себя Гарри, не в силах сдерживать свое желание.

Словно уловив мысли Гарри, Иван взял его за плечи и притянул к себе. Их губы слились в поцелуе. Вернее, Гарри послушно открыл свой рот, позволяя Ивану делать с ним то, что тот захочет. Его сердце бешено билось, и ощущение приятного тепла разлилось по всему телу. Он никогда никого не целовал. Никогда. Он закрыл свои глаза от удовольствия. Даже запах сигарет и пива, исходивший от Ивана, не беспокоил его в этот момент.

*Как же хорошо, черт побери,* — пронеслось в голове у Гарри.

Затем Иван слегка отстранился, продолжая держать Гарри в руках.

«Тебе нравится?»

«Да. Очень... Я никогда...» — бормотал Гарри, не в силах полностью открыть глаза.

«Никогда? — Иван широко улыбнулся. — Тогда мне придется тебя всему учить...»

Губы Ивана снова сомкнулись на губах Гарри, который снова закрыл глаза, наполненный неконтролируемым желанием. Приливы тепла и наслаждения пронзали его тело.

Держась друг за друга, им удалось дойти до спальни, где они плюхнулись на кровать. Он также неуклюже стянули с себя одежду. То, что последовало за этим, было одним из самых счастливых и сладких моментов в жизни Гарри. Все это продолжалось около получаса. Когда все закончилось, Иван отклонился от Гарри, неровно дыша.

«Ну, что? — прошептал он. — Понравилось?»

Дыхание Гарри также было прерывистым, а сердце все еще бешено билось. Он просто кивнул. Конечно, ему это понравилось. Они пролежали в постели в объятиях друг друга вот так еще около получаса. Иван рассказывал Гарри о своей жизни в Москве, о своих встречах с мужчинами. А тот его просто слушал. Так как до настоящего момента Гарри даже никого не целовал, ему нечего было рассказать.

Слушая Ивана, Гарри вдруг понял, что его настоящая жизнь только-только начиналась. Да, ему было двадцать пять лет. Ему многое нужно было наверстать. Он действительно многое упустил.

«А тебе? — вдруг спросил Гарри. — Тебе понравилось?»

Иван улыбнулся.

«Чувствуется некоторая неопытность, — оценивающе сказал Иван. — Но ничего, скоро ты всему научишься. Очень быстро научишься и потому сможешь использовать эти навыки с другими парнями», — неожиданно сказал Иван, прозвучав немного отстраненно.

Внутри Гарри все перевернулось.

«Другие парни? Зачем? Разве я сейчас не с тобой?»

Иван вздохнул и на мгновение пожалел, что заикнулся о других парнях. Говорить об этом не было никакой необходимости.

«Гарри, не глупи. Мы с тобой не женаты, как Пашка», — он звучал все так же отстраненно.

«Но ты мне нравишься, Иван», — сказал Гарри с чрезвычайной серьезностью.

Иван засмеялся, и взъерошил волосы Гарри.

«Гарри, ты такой забавный. Ты так многого еще не понимаешь... Не понимаешь, как здесь, в СССР, устроена жизнь».

Иван сел на кровати, прислонившись спиной к стене. Взгляд Гарри задержался на его теле, блестящем от пота. Ему вдруг снова неожиданно захотелось прикоснуться к Ивану. Но это был не самый подходящий момент.

«Ну тогда объясни мне», — сказал Гарри, отгоняя свое желание.

«Ха-ха, Гарри. Мне так нравится твой акцент. Черт возьми, русский — это такой сложный язык, но ты говоришь на нем просто

отлично!» — сказал Иван, неловко пытаюсь сделать их разговор менее напряженным.

«Расскажи мне, что не так с СССР? Чего я тут не понимаю?» — Гарри упрямо пытался вернуть разговор к предыдущей теме.

Иван вздохнул. Этого серьезного разговора было действительно не избежать.

«Все просто Гарри. Таким, как ты и я, тут, в СССР, не место», — сказал Иван.

«Таким, как ты и я, не место в Шотландии, — возразил Гарри. — А здесь, в СССР, как раз все наоборот. Знаешь, когда я получил приглашение работать в СССР, я долго все обдумывал... Да, жизнь здесь не идеальна, люди работают день и ночь ради будущего, забывая о настоящем... Но я знаю точно одно — таким, как я и ты, здесь намного лучше. Мы можем жить свободно, без страха, что нас арестуют».

«О чем ты говоришь, Гарри? — на его лице было полное непонимание. — Очнись, Гарри, ты живешь в другой реальности. Таких, как ты и я, здесь презирают. У нас нет никакой свободы».

«Возможно, кто-то и презирает, — согласился Гарри. — Но, по крайней мере, нас никто здесь не арестует. И это лишь начало. Я уверен, что отношение к таким, как ты и я, со временем изменится. Это молодая страна, и все лучшее еще впереди».

«Черт возьми, ты такой наивный, Гарри», — театрально закатив глаза, сказал Иван.

«Да, я иностранец, и могу быть в некоторых вопросах наивным, но я точно знаю, что в СССР таких, как мы, не преследуют. А в Шотландии — преследуют. Там у меня бы никогда не было даже малейшего шанса встретить такого же, как и я... Безопасно, без последствий... Там в Шотландии, я никогда не встречался с парнями, никогда не приводил их к себе домой, как сейчас...

В воздухе повисла тишина. Да, Гарри звучал очень сентиментально, но Ивана это не волновало. Ему это даже нравилось.

«Не хотел бы тебя разочаровывать Гарри, но я не думаю, что таким, как мы, в ближайшее время в СССР будет хорошо жить, — вздохнул Иван, взяв Гарри за руку. — Мы гомосексуалисты! Г — О — М — О — С — Е — К — С — У — А — Л — И — С — Т — Ы! Мы другие, понимаешь? Мы обществу не нужны. В обществе для нас нет места».

«Нет нужны. Мы тоже можем приносить пользу обществу...» — возражал Гарри.

«Ах, да? Ну и чем же?»

«То, чем мы занимаемся, уже полезно для общества. Ты — актер, а я — корреспондент. Я, например, работаю в престижной газете, я помогаю СССР привлечь квалифицированных работников, я пишу тексты, корректирую...» — рассказал Гарри.

«Кому нужны твои тексты, Гарри?» — усмехнулся Иван и небрежно добавил: «Ты гомосексуалист, твой начальник вообще знает об этом?»

Гарри отрицательно покачал головой.

*Может быть, и знает, но мы никогда не поднимали эту тему, —* подумал Гарри про себя.

«Вот если бы твой начальник знал, что ты гомосексуалист, то он бы давно уволил тебя, потому что для него, скорее всего, ты недочеловек. Урод...»

«Что ты такое говоришь...»

*Нет, товарищ Бородин придерживается прогрессивных взглядов, — не соглашался про себя Гарри. — Он никогда не уволил бы меня просто за то, что я не такой, как все.*

«Я вот что тебе скажу, Гарри. Я часто вспоминаю свои разговоры с Машей, своей сестрой... И знаешь, когда она предупреждала меня, что

мой образ жизни никогда не приведет ни к чему хорошему, что когда-нибудь я буду раскаиваться за то, что делаю... Она также говорила мне, что я умру несчастным и бездетным. Что у меня не будет семьи. Я часто думаю об этом и все больше и больше осознаю, что не хочу такой судьбы».

«О чем ты говоришь, Иван? Ты можешь подружиться с парнем и жить с ним точно так же, как сожительствуют мужчины и женщины...»

«Ха-ха-ха, и кто в такой паре будет женой, а кто мужем? — с холодным сарказмом ухмыльнулся Иван. — Представляешь, идем мы такие, два мужика, за ручку по Арбату, а по субботам идем в обнимку на танцы в Дом Красной Армии».

Иван потянулся к лежавшим на полу брюкам и порылся в кармане. Ему давно хотелось закурить.

«Черт, сигареты закончились», — сказал он, глядя на пустую пачку в руке.

Гарри сидел молча. Слова Ивана ранили его.

«В общем, я часто об этом думаю и все чаще прихожу к выводу, что все это мне скоро придется бросить, — сказал Иван, снова откинувшись спиной к стене. — Я заведу себе жену, у нас будут дети».

«Но ты же не любишь женщин...» — Гарри не мог поверить своим ушам.

«С чего ты взял? — удивился Иван. — Очень даже люблю. Может, не люблю, но они мне нравятся! Мне нравится их красота, лицо, даже тело... Не так, как мужская красота, конечно. По крайней мере, брак с женщиной будет прочным и долгим. А самое главное — мне не придется жить в одиночестве. Ну, может быть, я буду иногда изменять жене с мужиками... но все же изменяют».

Гарри неодобрительно покачал головой.

«С чего ты взял, что тебе придется жить в одиночестве... Павел, твой друг, разве его пример тебя не воодушевляет? Ведь он тоже пытался жить "нормальной жизнью", и что из этого вышло? И он, и его жена только причинили друг другу страдания... Ни ему, ни жене это было не нужно.

«Я не Пашка, и у меня все будет по-другому, — отрезал Иван, недовольный таким сравнением. — И вообще, раз общество нас отвергает, то мне ничего больше не остается делать... Я буду жить так, как хочет общество. Но ты, по-видимому, Гарри, другого мнения. Тебе вполне нравится быть таким, какой ты есть, не так ли?»

«У меня просто нет выбора, я такой, какой есть... и я слишком долго сопротивлялся своей природе», — сказал Гарри, пожав плечами.

«Природа? О чем ты говоришь? Это никакая не природа...» — пренебрежительно сказал Иван.

«А что же это тогда?»

«Не знаю, это порок, может, болезнь, — растерянно ответил Иван. — Знаешь, я даже подумывал пойти к врачу. Может быть, он вылечил бы меня и помог жить нормальной жизнью, как другие нормальные люди...»

«Это природа, Иван, — настаивал Гарри. — Таких людей, как мы, можно найти в любом обществе. Неужели ты считаешь, что все они больны?»

*А с чего ты взял, что таких, как мы, можно найти в любом обществе? — внезапно подумал про Гарри. — Да и вообще: с чего ты взял, что это не болезнь? В Шотландии таких, как ты, считают извращенцами. Больными людьми. Иван, возможно, прав. А вдруг это и вправду болезнь? Почему я с такой уверенностью утверждаю обратное?*

«Не знаю... Честно говоря, я хочу нормальной жизни, — сказал Иван с грустью в голосе. — Я хочу детей, нормальную семью, я не хочу жить так... как педераст. Как же мне надоело все это, вся эта нищета, вся эта разруха, эта... болезнь. В любом случае, Гарри, ты интересный парень, несмотря на твою странную веру в наше общество. Мне нравится проводить время с тобой. И, честно говоря, я никогда не встречал в своей жизни иностранца... мы можем встречаться чаще, если хочешь. И, возможно, со временем ты найдешь себе другого парня, которому захочется чего-то более серьезного».

Эти слова ранили Гарри еще глубже. За то короткое время, которое они провели вместе, Гарри успел привязаться к нему. Но что Гарри мог сделать? Иван был прав — жизнь гомосексуалов все равно была нелегкой. Даже в СССР. Хотя бы просто потому, что они были меньшинством и возможности для знакомства у них было намного меньше.

«Хорошо, пусть будет так», — сдался Гарри. Он уже не видел особого смысла продолжать разговор. Ивана было не переубедить. По крайней мере на данный момент. Да и весь этот разговор также посеял сомнения в Гарри в своих убеждениях.

«Знаешь, Гарри, в Москве очень много парней, которые, как и ты, не против полностью отдаться этому образу жизни... сожительствовать с другими парнями... без семьи, без детей, — продолжал Иван. — А я так не могу. Я не из Москвы, в конце концов, и поэтому не приемлю такой образ жизни. Да, я знакомлюсь на улицах, но все равно знаю, что скоро мне придется все это бросить. И вообще, меня, может быть, после учебы отправят обратно в Сибирь...»

«Я понимаю, — сказал Гарри, пытаюсь смириться со всем тем, что он только что услышал. — Давай не будем думать об этом, мы можем просто встречаться, просто так, без каких-либо планов на будущее».

*А мне бы хотелось иметь планы на будущее,* — вдруг пронеслось в голове Гарри.

«У тебя просторная квартира, ты можешь приводить сюда других парней», — сказал Иван, оглядев комнату.

Слова Ивана о других парнях начали немного раздражать Гарри.

«Ты мне нравишься, зачем мне приводить сюда кого-то еще? — выпалил он. — Я только не понимаю одного — ты сам показал мне тот туалет в парке... еще несколько минут назад ты рассказывал мне о своих встречах с другими... ты всегда говоришь "мы", "такие, как мы"... Я думал, ты давно смирился с тем, кто ты есть. Мне даже казалось, что ты гордишься тем, что ты не такой, как все».

«Горжусь? — изумился Иван. — Ты меня неправильно понял, Гарри. Я не испытываю гордости. Совсем. Иногда я сам себя не понимаю. Иногда мне противны все эти туалеты, скитания по паркам... поиски парней. Иногда я подолгу ни с кем не встречаюсь. А иногда наоборот — бывают моменты, когда я просто не могу устоять перед желанием — несколько вечеров подряд хожу в эти парки, туалеты, чтобы кого-нибудь найти. Иногда я даже ловлю себя на мысли, что у меня какая-то зависимость. Меня это иногда пугает. После нескольких встреч я останавливаюсь, говорю себе, что моя болезнь зашла слишком далеко».

*Возможно, он прав,* — с грустью про себя подумал Гарри.

«Мне пора идти, — сказал Иван, спрыгивая с кровати. — Спасибо за вечер, Гарри. На этой неделе я буду занят репетициями, но на следующей неделе мы сможем встретиться снова. Давай ещё раз встретимся у тебя... Если консьерж внизу, конечно, не против».

Иван опять игриво улыбнулся.

*Товарищ Антонов, — вспомнил Гарри. — Завтра мне придется объясняться. Надеюсь, он не расскажет Бородину об Иване, иначе у меня могут возникнуть проблемы.*

Гарри кивнул в ответ — конечно, он хотел видеть Ивана снова. Но их разговор оставил в нем неприятный осадок.

Иван начал натягивать брюки.

«У тебя даже есть свой телефон! — сказал Иван, глядя на висевший на стене в коридоре аппарат. — А у нас только один телефон на всю квартиру, представляешь? Постоянно очередь к нему. Кто-то постоянно болтает. Толком нормально не позвонить. Это так раздражает... Я бы, конечно, дал тебе номер своего телефона, но лучше скажи мне свой, а так запомню».

«Почему ты не можешь сказать мне свой номер?» — с недоверием сказал Гарри.

Иван пожал плечами, застегивая пуговицы рубашки.

«Хорошо, я дам тебе свой номер, на всякий случай. Но не звони мне. Звони, только если произошло что-то срочное, что-то серьезное, о чем мне действительно нужно знать. Понял? — предупреждал Иван. — Если ты позвонишь и Маша возьмет трубку, она снова начнет приставать ко мне с вопросами... Мои похождения с парнями ее очень бесят».

Через несколько секунд номер Ивана уже был в записной книжке Гарри.

«До вторника», — сказал Иван, исчезнув за дверью квартиры.

Той ночью, лежа в постели, Гарри никак не мог перестать думать о разговоре с Иваном. У Гарри было много разных мыслей и очень смешанные чувства по поводу того, что Иван ему говорил.

В течение следующих двух дней Гарри никак не мог сосредоточиться на работе. Сидя за столом в офисе, он сжимал в руках бумаги, чтобы сфокусироваться на них и забыть о разговоре с Иваном.

*Я должен взять себя в руки. Нельзя же быть таким сентиментальным.*

*Но разве ты сам не хотел этого? Разве не в этом был смысл приезда сюда? Вот ты и нашел кого-то, на кого можешь направлять свои сентиментальные мысли.*

*Возможно, это и правда болезнь, как говорит Иван. Может быть, это какая-то особенно коварная болезнь... Болезнь, которая заставляет тебя думать, что с тобой все в порядке.*

*Может быть, я вправду болен. Ведь не зря же в Шотландии считают, что это болезнь. И преступление.*

Гарри вдруг вспомнил ту статью в газете, которая попала ему на глаза в пятнадцать лет. В ней четко говорилось, что мужчины, которые любят друг друга, — преступники и больные люди. Со временем Гарри удалось убедить себя в том, что это не так, конечно. Но где-то в глубине души он все еще сомневался. И теперь разговор с Иваном заставил эти сомнения возникнуть в его голове с большей силой.

А почему бы мне не пойти к врачу и спросить, болезнь ли это?

*Врач? Гарри, ты серьезно? —* думал он про себя.

Ну а почему бы и нет. Разговор с врачом, конечно, будет неловким. Ведь я никогда никому не открывался. Кроме Ивана. Но ведь Иван сам такой, поэтому мне было намного легче. Я сразу понял, что он такой же, как я, и поэтому мне было совсем несложно ему признаваться.

*«Здравствуйте, доктор, я гомосексуалист. Не могли бы вы мне помочь? Я только что впервые в жизни имел половые отношения с советским парнем и вдруг подумал, что со мной может быть что-то не так...»* — Гарри представил разговор с доктором.

*Ну хорошо, это действительно может быть очень неудобный разговор. Ну а если выяснится, что это все-таки не болезнь? Тогда я наконец смог бы забыть об этой теме и в разговоре с Иваном уже наверняка утверждать, что такие, как мы, — не больные, а нормальные люди.*

*Убедить Ивана? С чего ты взял, что он захочет видеть тебя снова?*

*Нет, речь не об Иване. Я должен сам знать наверняка. Только зная правду, я смогу успокоиться. Если это не болезнь — то замечательно. Если это все-таки болезнь, то, возможно, есть какое-то лечение. Кто знает. После визита к врачу мне все станет ясно. Визит к врачу поможет развеять мне мои сомнения. Раз и навсегда.*

## Глава 6

У себя на родине, в Шотландии, Гарри бы никогда не пришло в голову обратиться к врачу с подобной проблемой. Ведь ни к чему, кроме неприятностей, это бы точно не привело. Более того, это было опасно. Гарри прекрасно помнил ту статью из Эдинбургской газеты, в которой говорилось о двух пойманных мужчинах.

*Если бы я пошел к шотландскому доктору с таким вопросом, то доктор мог бы преспокойно вызвать полицию... Меня бы отправили в психиатрическую лечебницу, и оттуда мне точно уже было бы не выбраться... Доктор бы опубликовал обо мне статью, которую потом прочитали бы Мэри и Патрик...*

Затем Гарри усилием воли попытался остановить негативный ход мыслей.

*Нет. Мне не о чем беспокоиться. Я не в Шотландии. Я в СССР.*

*В Советском Союзе нет законов, которые бы ущемляли права таких, как я. Тут нет законов, по которым меня можно было бы преследовать. И даже если советский врач решит, что я болен, он не будет никому об этом сообщать. Нет, он не будет звонить в органы — им нет до меня никакого дела. Он, вероятно, предложит лечение. И это лечение мне поможет.*

Гарри посмотрел на себя в зеркало.

*А что, если это действительно болезнь? Может быть, это и правда патология? После знакомства с Иваном я стал как будто одержим. Я постоянно думаю о нем. Я не могу остановиться. Я даже не могу сосредоточиться на работе. Дома, в Шотландии, я мог себя контролировать и хорошо справлялся со своей работой... Вот-вот Бородин скажет мне, что недоволен мной. И все из-за того, что я думаю о парне. Разве это не патология?*

*Может быть, даже и лучше, если выяснится, что это болезнь. Если это болезнь, то наверняка есть и лечение. В Советском Союзе точно есть. Лекарство поможет мне избавиться от всех навязчивых мыслей. Я смогу мыслить более ясно.*

*Но где мне найти врача? Где мне найти специалиста по этой проблеме?*

*Какие специалисты занимаются этой проблемой? Думай, Гарри. Ты же умный парень. Если все это идет от головы, в моей психике, то, значит, мне нужно найти психиатра. Или невролога.*

*Я знаю, где. Больница Кащенко.*

Гарри часто читал об этой больнице в советских газетах, об исследованиях и лечении душевнобольных, которые там проводились.

Раздобыв номер телефона больницы (для Гарри это было совсем несложно — ведь он был корреспондентом важной советской газеты), он позвонил в регистратуру в четверг утром из дома. Хриплый женский голос на другом конце провода сообщил ему, что следующий прием возможен только через неделю, в понедельник. Гарри ничего не оставалось делать, как согласиться на этот день. Он мог подождать. До понедельника оставалось всего четыре дня. И в воскресенье он встретится с Иваном.

Он встретится с Иваном, и это было важнее всего. Мысли об этом давали Гарри прилив радости.

Когда Гарри вернулся с работы домой в пятницу, было около девяти часов вечера. Он снял пальто и прошел в спальню. Неожиданно в прихожей зазвонил телефон.

*Наверное, Бородин, — подумал Гарри. — Что ему нужно, ведь я только с работы?*

Гарри не особо хотел разговаривать со своим начальником — в тот вечер он был очень уставшим, и ему просто хотелось лечь спать. Гарри лениво поплелся в прихожую и снял трубку.

«Это Ваня», — услышал он на другом конце провода.

Усталость Гарри тут же как рукой сняло. Он улыбнулся и прочистил горло, пытаясь звучать как можно бодрее. Иван мог звонить ему, когда угодно. Гарри всегда был рад слышать его.

«У меня мало времени, — шептал Иван. — Не хочу, чтобы меня слышали соседи. Так вот, на этой неделе я, наверное, буду занят. Я буду занят даже в воскресенье. У меня не получится увидеть тебя на этой неделе, Гарри».

Внутри Гарри все перевернулось. Улыбка тут же исчезла с его лица. Несмотря на это, он пытался отвечать ровным голосом, чтобы не демонстрировать Ивану свое разочарование. Он сглотнул комочек в горле.

«Хорошо, тогда мы встретимся на следующей неделе, так?» — Гарри пытался звучать как можно менее ненавязчиво. Он совсем не хотел показывать свои чувства.

*Говори так, как будто эта новость не произвела на тебя особого впечатления.*

«Я позвоню тебе, и мы...» — начал Гарри.

«Нет, — отрезал Иван. — Я прошу тебя — не звони мне. Я сам тебе позвоню, если будет надо. Хорошо?»

«С кем ты там опять болтаешь?» — послышался женский голос на конце провода Ивана.

*Скорее всего, его сестра,* — подумал Гарри.

«Мне пора, — сказал Иван. — Я позвоню тебе сам».

Раздался щелчок, за которым последовали короткие гудки. Гарри простоял минуту с трубкой в руках и затем повесил ее.

*Может быть, это конец.*

*Ты ему просто надоел. Нет, может быть, он действительно будет занят. Он же говорил тебе, что театр — это его жизнь. Вы знакомы всего неделю или две, естественно, театр для него важнее всего. И уж тем более, Гарри, ты знал, что возможность того, что у вас не получится увидеться в это воскресенье, все-таки была...*

*Может быть, оно даже и лучше. В понедельник я встречу с врачом. Я получу ответы на все вопросы. И уже на следующем свидании с Иваном, когда разговор снова пойдет на ту самую тему, мне будет, что ему сказать. По крайней мере, это будет интересный разговор. После встречи с врачом у меня будет больше ясности. Я буду знать, как дальше быть. Если это болезнь, то я покончу с этой болезнью...*

В выходные Гарри погрузился в работу, и у него даже получилось отвлечься от мыслей об Иване. Иногда он поглядывал на молчащий в прихожей телефон, в надежде на то, что тот зазвонит снова и что Иван скажет ему, что освободился и хочет его увидеть. Но это так и не произошло.

Наступил понедельник. Гарри был записан на девять часов утра (еще в пятницу он предупредил Бородина о том, что будет на работе в понедельник позднее обычного).

По дороге в больницу, которая находилась на юго-западе Москвы, Гарри опять начали одолевать сомнения по поводу правильности решения рассказать обо всем доктору. Незнакомому доктору.

*Может быть, врач даже не знает, что такое гомосексуализм? А если даже и знает, как мне ему об этом сказать? Я сам боюсь произносить это слово.*

*Брось это, Гарри. В СССР высококлассные специалисты. Они уже наверняка не раз слышали об этой проблеме, и ты никого там не удивишь. Просто расскажи доктору обо всем и послушай, что он тебе скажет.*

В приемной двухэтажной больницы из красного кирпича за стойкой регистрации сидела полная женщина. Там же он внес плату за прием. Да, социалистическая медицина была бесплатной, но не для иностранцев. Полная женщина в белом халате и белой шапочке в регистратуре выписала Гарри карточку пациента и, протянув ее Гарри, с сочувствием покачала головой:

«Такой молодой и уже тревожный. Но у нас много молодых людей сюда приходят в наши дни, к сожалению. Но ничего, Михаил Эдуардович — очень хороший специалист, он поможет вам справиться с нервозностью».

*Она думает, что я пришел сюда из-за проблем с нервами. Пускай будет так. Даже лучше — мне не нужно лишнее внимание, —* думал Гарри.

«Кабинет номер шесть, второй этаж», — сказала женщина в регистратуре, указывая Гарри в угол коридора, откуда была видна лестница, ведущая на второй этаж. Доктор опаздывает, вы там присядьте на скамейку и подождите».

Коридор на втором этаже был тускло освещен. На стенах висели портреты мужчин и женщин в белых халатах — выдающихся врачей, психиатров и неврологов. В воздухе также висел запах краски.

Пройдя немного по коридору, Гарри остановился напротив двери с номером шесть и с табличкой с именем врача: Берг Михаил Эдуардович, невропатолог. Гарри постучал в дверь — просто проверяя, действительно ли доктор отсутствовал. Ответа не последовало, и тогда он сел на неудобную деревянную скамейку.

Гарри достал газету «Правда» и начал читать. Затем он взглянул на часы. Полдесятого. Бородин ждал его в офисе к двенадцати. Но Гарри не слишком беспокоился о том, что он мог опоздать. Больше всего его беспокоило то, о чем он будет разговаривать с врачом.

Просидев на скамейке еще минут десять, Гарри встал и подошел к стене с портретами. Лица людей на стенах были не улыбочивыми, напряженными и серьезными. Гарри вздрогнул при мысли о том, как бы отреагировали эти врачи на его признание. Затем его мысли вернулись к предстоящему приему.

*Он, наверное, даже не станет меня слушать. Возможно, он просто нахмурится и будет меня напряженно слушать. А может, даже вышвырнет меня из кабинета с позором! Но помни, Гарри, что бы он ни сделал, тебя никто не арестует.*

*Итак, что я собираюсь ему сказать? Надо хорошенько все продумать. У тебя еще есть время. Какие вопросы мне следует задать? Как мне начать разговор? Ну, я просто скажу ему, что я был таким с ранних лет. Что пришел сюда, потому что знал, что таких, как я, здесь не преследуют. Я расскажу ему об Иване. А потом спрошу, что мне делать? Спрошу его, болезнь ли все это или нет. И если это болезнь...*

Гарри вздрогнул.

*...если да, то я спрошу у него совета. Я спрошу его, может ли он меня вылечить. Может быть, есть какая-то психотерапия или что-то в этом роде. Но помни: что бы ни случилось, я не окажусь в тюрьме.*

Прохаживаясь взад и вперед по коридору, Гарри наконец снова сел на скамейку. Затем опять встал. Снова подошел к портретам. Он не мог сидеть на месте; его ноги дрожали, а ступни тряслись от нервов. Он снова взглянул на часы. Десять пятнадцать.

*Где же доктор?*

Внезапно в конце коридора появилась фигура. Невысокий, полный мужчина лет шестидесяти в очках, в белом халате, прихрамывая, приближался к Гарри. В правой руке он держал потрёпанный коричневый портфель.

«Прошу прощения, — кашлянул доктор, приближаясь. — Знаете, пациентам нужно внимание. У нас обход каждое утро, вот я и задержался. Долго ждете уже, молодой человек?»

Доктор улыбнулся и порылся в кармане халата.

Гарри вежливо встал, как всегда. Увидев дружелюбное выражение лица доктора, он вздохнул с облегчением. Доктор не был похож ни на одного из суровых людей на портретах.

Повернув ключ в скважине и открыв дверь, Берг дружелюбным жестом пригласил в кабинет. Гарри слегка поклонился и вошел.

Внутри Гарри осмотрел комнату: тускло окрашенные стены, письменный стол, книжный шкаф, три портрета каких-то известных советских врачей на стенах, кресло напротив стола и цветы на подоконнике. Ничего особенного.

*Все эти комнаты выглядят одинаково, —* подумал Гарри.

Проследовав во внутрь кабинета, Берг пригласил Гарри сесть в кресло напротив своего стола, а сам уселся за свой стол, тяжело дыша. Стул Гарри казался гораздо удобнее, чем деревянная скамейка в коридоре. Он протянул доктору свою карточку пациента, заметно нервничая.

Бергу в свою очередь показалось, что Гарри избегал с ним зрительного контакта. Гарри заметно нервничал, и это было трудно не заметить. Берг добродушно улыбнулся, проворковав:

«Молодой человек, не стоит так волноваться, я не кусаюсь. Как мы будем говорить, если вы так волнуетесь? Меня зовут доктор Берг».

Он взял карточку и, увидев пустые строки под именем Гарри, заключил:

«Вы здесь впервые не так ли?»

Гарри кивнул.

*Возьми себя в руки. Это же просто доктор. Это же не полицейский. Ты же не в полицейском участке где-то в Шотландии.*

Берг задал Гарри несколько вопросов — дату рождения, рост, вес. Гарри охотно отвечал.

Затем доктор Берг внимательно посмотрел на Гарри.

Сидящий перед ним молодой человек был приятной наружности и был одет со вкусом — пиджак, рубашка, брюки без складок. У него также было невероятно доброе выражение лица. Но он явно нервничал. Хотя в этом для доктора было мало неожиданного. Большинство пациентов, которых он видел у себя в кабинете, нервничали и стеснялись.

Гарри также не проявлял признаков какого-либо серьезного психического заболевания. Берг продолжил заполнение карточки и, закончив, добродушно улыбнулся.

«Должен сказать, молодой человек, иногда у меня бывают пациенты из других стран и да, они мне многое рассказывают. Мне всегда интересно послушать, как там живется в других странах, особенно когда речь идет о медицинских разработках. Ну да ладно. Что привело вас в Москву? Работа, я полагаю?»

Голос Берга был мягким и располагающим к беседе.

«Да, доктор. Я работаю корреспондентом "Москоу Дэйли Ньюс". Наша газета издается на английском языке и предназначена для иностранных граждан, работающих в СССР».

Доктор Берг сделал пометку на карточке Гарри.

*Он собирается записывать все, что я говорю? Напишет ли он о том, что я гомосексуалист? Передаст он эту информацию кому-нибудь еще?*

Сердце Гарри забилось быстрее. Он вдруг подумал, что, возможно, посещение врача было не такой уж хорошей идеей.

Видя, растущее беспокойство на лице Гарри, доктор Берг отложил ручку и убрал карточку.

«Молодой человек, прошу вас, не волнуйтесь. Позвольте уверить вас — что бы вы ни сказали здесь, все останется строго конфиденциальным. Эти карточки предназначены только для нас, врачей. Но для вашего спокойствия я не буду делать заметок, так что вы можете быть совершенно спокойны и рассказать мне, что вас беспокоит».

Гарри проглотил комок в горле и кивнул, как бы неловко благодаря доктора за понимание.

«Вам нравится ваша работа?» — Берг повторил вопрос, стараясь звучать как можно дружелюбнее.

Вопрос немного озадачил Гарри, но вытащил его из мрачных мыслей и тревог.

«Конечно, я всегда хотел быть корреспондентом, и работа в СССР всегда была моей большой мечтой».

Доктор Берг одобрительно кивнул, радуясь, что его пациент постепенно открывается для разговора. Он знал, как важно сначала успокоить своих пациентов, прежде чем обсуждать их медицинские

проблемы. Эта тактика работала для всех пациентов, и Гарри не был исключением.

«Ваш русский язык тоже меня впечатляет. Не каждый день я встречаю иностранцев, говорящих по-русски так же бегло, как вы, молодой человек».

После еще нескольких общих вопросов о работе доктор поинтересовался: «Ну, не будем терять время. Чем я могу вам быть полезен? Какие у вас жалобы?»

Хоть доктор Берг и казался милым, и Гарри хотелось тут же выпалить мучивший его вопрос: «Является ли гомосексуализм болезнью?» — Гарри решил не терять бдительности. Нужно было быть осторожным. Первые впечатления могли быть обманчивыми.

«Доктор, я чувствую себя несчастным...» — сказал Гарри, глубоко вздохнув.

Отчасти это было правдой. Разговор с Иваном действительно оставил в нем неприятный осадок.

«Как так, молодой человек? — сказал доктор, слегка наклонившись вперед. — Вы только что сказали, что работа приносит вам счастье. И это самое главное. Труд облагораживает человека, помогает прожить счастливую жизнь и не поддаться хандре».

На секунду Гарри подумал, что ему не удастся плавно вести разговор в желаемом направлении. Он вдруг усомнился, стоит ли вообще исповедоваться врачу.

*Я просто расскажу обо всём этом в общих чертах и уйду. Нет смысла ему что-либо говорить. Вероятно, он ничего не знает о таких вещах. Но он добрый на вид, может, он не будет меня осуждать за то, какой я есть.*

«Да, конечно, работа очень важна, она мне очень помогает, и мне это очень нравится», — сказал Гарри, оправившись от своих блуждающих мыслей.

«Тогда в чем же дело, молодой человек?» — мягко спросил доктор.

Гарри опустил глаза в пол.

«Кто-то разбил ваше сердце?»

*Можно сказать и так,* — подумал про себя Гарри.

Гарри вздрогнул и заерзал на стуле, что сразу заметил Берг. Доктор дружелюбно улыбнулся, довольный тем, что ему удалось так быстро добраться до корня проблемы. Догадаться было нетрудно. Большинство молодых людей возраста Гарри, которые приходили к Бергу и жаловались на отсутствие ощущения счастья в жизни, на самом деле страдали от безответной любви или имели какие-то проблемы в личной жизни.

Берг всем лицом пытался показать, что готов выслушать и совсем не собирается осуждать Гарри. Он хорошо знал, что говорить о делах сердечных для многих было трудной задачей. А уж тем более с врачом, которого они видели впервые.

«Видите ли, молодой человек, любовь, как и работа, занимает важное место в нашей жизни. Одно другому не мешает. Да и вообще, эти две вещи дополняют друг друга, а потому стоит серьезно относиться и к работе, и к личной жизни. Тем более в вашем возрасте. Как зовут вашу девушку?»

Гарри сглотнул. Во рту у него пересохло.

«Смелее, молодой человек; вы знаете, сколько любовных историй я слышал на своем веку?»

«Доктор, у меня ее никогда не было», — признался Гарри, не решаясь поднимать глаза. Он надеялся, что его краткий ответ

поможет доктору догадаться о причине отсутствия девушки и что Гарри не придется произносить свое признание вслух.

*Может быть, он и так все поймет. Без особых объяснений, —* думал про себя Гарри.

«У вас вся жизнь впереди, молодой человек, так что не беспокойтесь об этом, — успокаивающе заметил доктор. — Мне также потребовалось много времени, чтобы познакомиться с моей женой...»

«Доктор, я гомосексуалист!» — Гарри наконец выпалил и сразу замолчал.

На этот раз он посмотрел доктору в глаза. Неожиданно для себя.

Берг остановился на полуслове. Он не ожидал такого поворота. Он ни на секунду не предполагал, что Гарри может испытывать сексуальное влечение к мужчинам. Он также не ожидал, что Гарри был знаком с этим медицинским термином. В тех редких случаях, когда мужчины приходили к Бергу с подобными проблемами, они обычно использовали такие слова, как «грех», «болезнь» и даже грубые слова типа «педераст». Но практически никто из них не знал, что их проблема имела правильное, медицинское название — гомосексуализм. Очевидно, Гарри был достаточно просвещен в этом вопросе.

В воздухе на несколько секунд повисла тишина.

«Что ж, молодой человек, я хочу вам кое-что сказать по этому поводу, — сказал доктор, откашливаясь. — Во-первых, хочу вас заверить, что в этом явлении нет ничего постыдного или криминального. Кстати, в отличие от царских времен, когда гомосексуализм преследовался по закону, в СССР таких, как вы, не преследуют».

«Да, доктор, я знаю об этом и решил приехать сюда именно по этой причине», — Гарри вдруг испытал огромное облегчение. Ему даже удалось разговориться.

«В Шотландии, откуда я родом, гомосексуализм является уголовным преступлением... И, по правде сказать, когда я узнал, что в СССР нет преследования гомосексуалистов...»

«Могу себе представить», — понимающе кивнул доктор.

Выражение легкого шока уже исчезло с его лица.

«С детства я чувствовал, что я не такой, как все. Я пытался это подавить, забыть об этом, но в конце концов я понял, что не смогу жить по-другому, что мне придется с этим жить. И знаете, мне тяжело это делать до сих пор».

Доктор понимающе кивнул.

«Конечно, понимаю; вы не первый пациент, который пришел ко мне с этим вопросом, — сказал он. — Я также хотел бы заверить вас, что вы пришли в нужное место. Я прекрасно понимаю, что вы чувствуете».

«Это очень хорошо», — тихо сказал Гарри, нервно глядя свою карточку пациента на столе Берга.

Поняв причину беспокойства Гарри, Берг открыл ящик стола и засунул туда карточку. Он не собирался делать никаких записей.

«Так какова цель вашего визита? Что именно вас беспокоит в вашем влечении к мужчинам?»

«Доктор, я не знаю... я думал, что, возможно, это можно вылечить. Может быть, вы могли бы мне помочь».

Гарри снова потупил глаза в пол.

Сердце Гарри также бешено билось, отдаваясь пульсом в ушах.

Доктор поправил очки на носу и, нахмурившись, сказал:

«Зачем вы хотите это лечить? Вы, по всей видимости, Гарри, умный и начитанный молодой человек — почему к вам в голову приходят такие странные мысли?»

Гарри просто не знал, что сказать.

«Лично я не думаю, что это болезнь, — продолжил Берг. — Как я вам уже говорил, у меня уже были пациенты с похожей проблемой, что и у вас, но...»

«И как вы их лечили?» — перебил его вдруг Гарри.

Доктор снова замолчал, вздохнув, видя, что молодой человек не хочет его слышать. Он не винил Гарри за ошибочное убеждение в том, что гомосексуальность — это болезнь. Молодой человек совсем не был в этом виноват. Во всем было виновато общество. На протяжении веков утверждалось, что такие люди, как Гарри, были преступниками и психически больными. И те ошибочные представления, которые сейчас были в голове у Гарри, были печальным результатом этого.

«Молодой человек, вы упорно отказываетесь верить в то, что это явление не является болезнью и, следовательно, не имеет лечения. Своим пациентам, пришедшим ко мне с этой проблемой, я ничего не прописывал и никакого лечения я им не давал. Я обычно говорю им то же самое, что и вам. Я им говорю, что гомосексуализм — это нормальный, естественный вариант полового желания человека, поэтому лечить и менять его нет смысла. Особенно в нашей стране. Советское правительство ничего не имеет против мужчин, испытывающих сексуальные чувства к другим мужчинам. Если вы — честный коммунист, работаете и приносите пользу обществу, то никого не волнует, любите вы мужчин или женщин. Вы понимаете?»

*Какое облегчение. Разве не это я хотел услышать?*

*Это не болезнь.*

*Я не больной, не неправильный или неестественный.*

Гарри немного успокоился.

«Вы сделали правильный выбор — вы приехали в СССР из капиталистической страны, где таких, как вы, преследуют, —

продолжил Берг. — Будьте уверены, здесь с вами ничего плохого не произойдет».

*И я могу рассказать об этом и Ивану.*

«Ваши мысли, молодой человек, о том, что вы как-то не вписываетесь в это общество, что у вас, извините, извращенное половое влечение, это все результат давления общества, в котором вы живете. И я, как специалист, прекрасно это понимаю... Действительно, быть гомосексуалистом непросто. И это все потому, что традиционно такие отношения всегда были чем-то, что общество никогда не одобряло. Но, к счастью, в Советском Союзе уже ведется работа по искоренению этих ошибочных взглядов. Советская власть начала свое существование с самого главного — искоренения царских законов, по которым таких, как вы, преследовали. Поэтому я хочу вас заверить, что вам не нужно лечиться от гомосексуализма».

«Спасибо, доктор... Я думаю, что мои переживания, мое желание лечиться вызваны... Как бы мне это объяснить... Видите ли, совсем недавно я познакомился с парнем, и...»

«Что ж, это чудесно, — добродушно перебил его доктор Берг. — А вы говорили, что у вас никого нет...»

«Но не все так хорошо, как вам может показаться. Его зовут Иван, и он считает, что такие, подобные отношения между двумя мужчинам невозможны... Он говорит, что все эти отношения ненормальны. Неделю назад, во время очередной встречи, он признался мне, что планирует прекратить заниматься подобными вещами. Он сказал, что хочет иметь нормальную семью, детей... И мне интересно, стоит ли мне тоже...»

Доктор решительно покачал головой.

«Гарри, в этом и заключается вся проблема. Тот факт, что советская власть больше не преследует гомосексуализм в нашей стране,

не означает, что все гомосексуалисты будут автоматически счастливыми», — сказал Берг.

Ему действительно хотелось, чтобы Гарри понял его мысль.

«Обществу недостаточно прекратить преследовать гомосексуализм... Отмена уголовного наказания за гомосексуализм — это решение только одной проблемы. Другая проблема заключается в том, что многим гомосексуалистам очень сложно себя принять... принять и понять свой образ жизни, — продолжил Берг. — Ваш друг Иван — жертва негативных социальных стереотипов о гомосексуализме. Он так же, как и многие, впитал в себя мысль о том, что двое мужчин не могут иметь семью. Что отношения между двумя мужчинами — это всего лишь "половые акты". Но тот факт, что вы пришли сюда, а также то, как вы говорите об Иване, доказывает только одно — у вас к нему чувства... вы, возможно, влюблены, и ваши отношения — это не просто половой акт... Обществу еще только предстоит понять, что любовь может случиться и случается между людьми независимо от их пола.... Но должно пройти время. Но мы на правильном пути, и вы находитесь в правильном месте, молодой человек; СССР — одна из немногих стран, где такие люди, как вы, могут жить свободно».

Гарри смущенно улыбнулся. Он совсем не ожидал такой реакции от врача.

«Отношения между двумя мужчинами-гомосексуалистами, если они сожительствуют, во многом похожи на отношения между мужчиной и женщиной в браке, — добродушно объяснял Берг. — На самом деле принципиальных различий здесь нет. А мужчины-гомосексуалисты, как я вам уже говорил, тоже могут любить друг друга. Я говорю вам это как врач».

*Вот что я хотел услышать.*

«И вообще, я думаю, не стоит вам давить на молодого человека, с которым вы встречаетесь. Как долго вы встречаетесь?»

«Думаю, около трёх недель», — сказал Гарри, пытаясь вспомнить дату его первой встречи с Иваном.

«Ну вот, видите? Этого недостаточно даже для того, чтобы возникла настоящая дружба. Постарайтесь сначала узнать его поближе. И здесь у вас есть такая возможность, в СССР, ведь вы можете делать это без страха. Позвольте мне спросить вас, были ли у вас раньше подобные отношения? С мужчинами?»

Гарри покачал головой.

«Ну, вы видите, — повторил доктор Берг. — Поэтому вы обо всем этом так и переживаете. Когда вы станете старше, а вы еще очень молоды, у вас получится контролировать чувства еще лучше, чем сейчас. А пока не торопитесь и дайте время себе и своему другу».

«Спасибо, доктор», — сказал Гарри с явным облегчением, вставая со стула.

«Пожалуйста, молодой человек. Если у вас будут еще какие-либо вопросы, приходите, буду рад вам помочь. И помните — вы совершенно здоровы».

## Глава 7

Гарри наконец почувствовал облегчение. Сидя в трамвае по пути в редакцию, он смотрел на людей, спешащих по улицам и толпящихся у магазинов, прокручивая в памяти разговор с доктором Бергом и вспоминая все те вещи, которые тот сказал ему.

*«Вы сделали правильный выбор — приехали в СССР из капиталистической страны, где таких, как вы, преследуют...»*

Если советский врач из государственного учреждения утверждал, что гомосексуализм не является болезнью, то это, должно быть, действительно так и есть.

*Я не больной. Нет у меня никакой болезни. Прогрессивное советское общество не имеет ничего против таких как я. Я все сделал правильно. И доктор Берг не может ошибаться. Мне просто придется привыкнуть к мысли, что я нормальный человек. Да, я всегда думал, что это болезнь. Что со мной что-то не так. Но пришло время покончить с этими мыслями. Я сделал то, что всегда хотел сделать. Я наконец-то поговорил об этом со специалистом. Но с этого момента мне придется изменить свое мышление и отношение к себе. Отныне я нормальный и здоровый человек.*

Мысли Гарри тут же переключились на Ивана.

*Я расскажу обо всем Ивану. Скажу ему, что он был не прав. Скажу, что врачи не считают нас больными. Он очень сильно удивится, когда услышит это. Ведь он думает, что мы больные. Он думает, что такие, как мы, не могут быть счастливыми.*

*Поскорее бы встретиться.*

Гарри не мог сдерживать свою радость. Ему хотелось немедленно встретиться с Иваном, найти его, где бы он ни был, в институте или дома, и сообщить ему радостные новости.

*Это не болезнь.*

Но затем Гарри вспомнил слова доктора Берга.

*Доктор Берг прав. Мы знакомы с Иваном всего пару недель. Я веду себя как маленькая влюбленная девчонка! Нужно просто подождать. Дождаться его звонка. А вообще, может быть, мне и вправду стоит начать встречаться с другими парнями здесь, в Москве... Может быть, все эти чувства у меня от неопытности. У меня никогда никого не было — ни парня, ни девушки...*

Гарри выпрыгнул с трамвая и уже чуть не вприпрыжку шел к зданию редакции.

*А теперь — чувства в сторону. За работу!*

Гарри уже несколько раз упрекал себя в том, что слишком много думает о личных делах, хотя пока, слава богу, это никак не отражалось на качестве его работы.

Но мысли об Иване не покидали его голову, как бы Гарри ни старался отогнать их. Даже Бородин заметил, что в поведении Гарри было что-то необычное. Всякий раз, когда Бородин обращался к Гарри с рабочим вопросом, он слышал от него односложные и механические ответы. У шотландца явно было что-то на уме. Он витал где-то в облаках. Но Бородин лишь пожимал плечами и, поскольку у него не было серьезных претензий к работе Гарри, не допытывался.

Наступил четверг, но от Ивана до сих пор не было звонка.

*Должно быть, он занят. Возможно, он репетирует или у него нет времени позвонить. А может быть, его сестра Маша рядом, и он не может позвонить. Или кто-то из его соседей разговаривает по общему телефону. Он позвонит завтра или в субботу, точно.*

Но наступило воскресенье, и звонка от Ивана так же не было.

Гарри не на шутку разволновался.

*Что за паранойя, Гарри? Что за отчаяние? А ну-ка прекрати это. Он взрослый парень и он может делать то, что ему заблагорассудится.*

*Может, у него появился другой?*

*Даже если и так, это не мое дело.*

*Он позвонит! Он обещал. Он просто занят. У него же нет дома своего телефона, как у меня. Для него телефонный звонок — это не так просто.*

*Может, мне самому позвонить ему?*

*Нет. Он сказал не звонить.*

Все воскресенье Гарри провел дома за работой, поглядывая в сторону молчащего телефона в прихожей. Он уже потерял всякую надежду на то, что Иван позвонит.

Вечером, однако, телефон все-таки зазвонил.

*Иван. Наконец-то!*

*Почему так долго?*

Гарри тут же вскочил из-за стола и помчался в коридор.

Он с нетерпением ждал того, чтобы услышать голос Ивана. Чтобы наконец узнать, что же такое произошло. Да, может, у них уже и не получится встретиться в это воскресенье. Но какая разница? Иван сейчас все объяснит, и они наверняка договорятся о новой встрече.

У Гарри даже закружилась голова от вихря эмоций, поэтому он, перед тем как снять трубку, сделал глубокий вдох, прочистил горло и успокоил дыхание. Нужно было сохранять спокойствие и ни в коем случае не показывать волнение и трепет.

«Алло?»

«Добрый вечер, Гарри!»

Радость Гарри тут же испарилась и разочарование электрическим током прошло через его тело.

Это был всего лишь Бородин.

«Завтра у меня важная встреча, поэтому меня не будет в редакции», — говорил Бородин. «Я оставил несколько статей для корректировки на столе; они должны быть готовы к среде», — продолжал он деловым тоном.

«Будет сделано, товарищ Бородин, — тихо сказал Гарри, изо всех сил пытаясь скрыть разочарование.

«С тобой все в порядке? Всю неделю ты ходил со странным лицом... Что-то случилось?»

«Нет, товарищ Бородин, я просто читаю произведения товарища Ленина, и они заставляют меня многое переосмыслить», — соврал Гарри.

*Если бы вы знали, товарищ Бородин, что на самом деле происходит в моей жизни.*

«Я рад, что ты занимаешься самообразованием. Именно поэтому я и пригласил тебя работать в нашей газете! Продолжай в том же духе! До свидания!» — сказал Бородин и повесил трубку.

Звонка от Ивана не последовало ни в понедельник, ни во вторник.

*Может быть, он звонит мне, когда меня нет дома?*

*Если я подожду еще немного, он точно позвонит.*

*А может, он просто больше не хочет меня видеть? Что, если он передумал?*

*Но почему он не может мне об этом сам сказать? Почему он мне сам это не объяснит?*

*А с чего ты взял, что он должен тебе что-то объяснять? Ты видел его в своей жизни всего два раза. Всего два раза и уже влюбился по уши. А он, очевидно, не разделяет твои чувства.*

*Хотя нет, я думаю, что я тоже нравлюсь ему. Может быть, не так сильно, но я ему нравлюсь точно. Он просто занят, и у него может быть масса причин мне не звонить. Его мир явно не вращается вокруг меня. Его мир — это театр.*

*Так звонить ему или нет?*

*Нет, нельзя.*

*Ты что, не помнишь, что он сказал?*

*Не звонить.*

*Остается только ждать. Ждать.*

*Гарри терпеливо ждал.*

*Прошла неделя.*

*Другая.*

*Иван так и не позвонил.*

*Что-то явно произошло.*

*Возможно, случилось что-то ужасное.*

*Да ничего не случилось, Гарри. Он просто забыл про тебя.*

*Нет. Должно быть, на самом деле, произошло что-то серьезное.*

*Звонить?*

*НЕТ.*

*Но ведь очевидно, что что-то стряслось. Надо звонить.*

*А что, если мой звонок лишь навредит ему, а? Что, если ему будет еще хуже?*

*Нет, в любом случае звонить не нужно.*

*Ну а что я могу еще сделать?*

*Училище. Я могу пойти туда и попытаться найти его.*

*А что, если он просто не хочет меня видеть?*

*Я просто поставлю в неловкое положение и себя, и его. Это будет просто идиотская ситуация.*

*Но тогда, по крайней мере, он скажет мне в лицо, что не хочет меня видеть. И, если он это сделает, я никогда больше его не побеспокою.*

После работы Гарри отправился в то самое здание, где проходили репетиции Ивана. Как и в прошлый раз, возле входа в здание школы толпились студенты. Они о чем-то увлеченно разговаривали, смеялись и галдели, выпуская белые облака пара в прохладный ночной воздух.

Стоя в нескольких метрах от студентов в тени другого здания, Гарри вдруг увидел среди них знакомое лицо. Это был тот самый друг Ивана, с которым они познакомились в студенческом театре.

*Как же его звали..?*

*...Антон!*

*Точно, Антон!*

Антон увлеченно беседовал с другим молодым человеком, держа на плече футляр с музыкальным инструментом. Гарри терпеливо ждал окончания их разговора.

Наконец Антон попрощался со своим другом и направился к трамвайной остановке. «Антон! — Гарри поднял руку, пытаясь привлечь его внимание. — Антон, подожди!»

«А, Гарри! Что ты здесь делаешь?» — сказал Антон, обернувшись.

«Я ищу Ивана... — в замешательстве сказал Гарри. — Репетиция уже закончилась?»

«Ваня? — нахмурился Антон. — Ивана сегодня не было на репетиции».

«Что значит "не было"?» — опешил Гарри.

«Не знаю, — пожал плечами Антон. — Его не было здесь ни сегодня, ни вчера, ни позавчера. На прошлой неделе он, кстати, тоже не появился».

Гарри сглотнул комок в горле.

«Наш мастер думает, что Иван, должно быть, заболел. Я надеюсь, что это действительно так, потому что если он прогуливает, то у него будут большие неприятности. Его просто отчислят».

«Значит, я был прав... что-то произошло», — пробормотал про себя Гарри.

«Тебе что-нибудь известно о нем?» — спросил Антон.

«Нет-нет, просто мы должны были встретиться и... Иван хотел показать мне старую часть Москвы, — неубедительно объяснял Гарри. — Меня всегда интересовала эта часть города, и мы договорились встретиться с ним сегодня в парке. Но он не пришел».

Антон пожал плечами.

«Наш мастер сказал, что позвонит завтра позвонит ему. Он уже пытался, но по какой-то причине не смог дозвониться. Завтра он попробует еще раз. Мне нужно бежать, у меня встреча. Приходи завтра, может, он наконец объявится?»

Похлопав Гарри по плечу, Антон растворился в темноте.

Постояв некоторое время в нерешительности, Гарри пошел домой.

*Итак, что-то произошло.*

*Я так и знал.*

*С Иваном случилось что-то ужасное. Он не стал бы пропускать репетиции. Они слишком важны для него. И если бы он заболел, он обязательно сообщил бы об этом своему мастеру. Он не стал бы рисковать стипендией или учебой.*

*Я должен позвонить ему. Он мой друг!*

*Но он сказал мне не делать этого. Его сестра Маша...*

*Мне плевать, что думает его сестра! Если он в опасности, мне нужно ему помочь.*

*Но что могло с ним случиться?*

*Мне нужно это выяснить, иначе я сойду с ума.*

Гарри тут же нашел номер Ивана в своем блокноте. Затем он подошел к висящему на стене телефону. Он взял трубку, но тут же на него обрушились сомнения. Он заколебался.

Гарри повесил трубку. Затем снова снял ее. Доводя себя до безумия своей нерешительностью, Гарри снова повесил трубку.

*Возможно, он позвонит мне.*

*Нет, он не позвонит.*

*Я должен узнать.*

*Я позвоню ему сам.*

*Возьми же этот чертов телефон.*

Гарри посмотрел на часы. Девять тридцать вечера. Идеальное время для звонка. Он должен был быть дома.

Гарри снял трубку и набрал номер Ивана.

«Да», — на другом конце провода послышался звонкий женский голос.

«Здравствуйте», — нерешительно сказал Гарри.

«Говорите громче, я не слышу!» — Женщина почти кричала в трубку.

«Мне нужно поговорить с Иваном», — сказал Гарри увереннее.

«С КЕМ?»

«Иван, Ваня!» — выпалил Гарри.

*Я даже не знаю его фамилии*, — вдруг его осенило.

«Сейчас позову Машу к телефону, подождите».

Гарри понял, что женский голос принадлежал не Маше, сестре Ивана, а одной из жительниц их коммунальной квартиры.

Ожидая, пока Маша подойдет к телефону, Гарри попытался выровнять дыхание и успокоиться. Он вдруг вспомнил слова Ивана о том, что Маша не одобряла его образ жизни. Его близкую дружбу с парнями. Гарри знал, что предстоящий разговор мог быть потенциально сложным. Пока он ждал, его ладонь вспотела. Те минуты ожидания казались Гарри вечностью.

«Кто это?» — раздался дрожащий хриплый женский голос.

«Здравствуйте, меня зовут Гарри, извините, что беспокою вас...

Гарри сглотнул, в его горле пересохло.

«КТО?» — с подозрением в голосе спросила Маша.

«Гарри Уайт. Я корреспондент газеты "Москоу Дейли Ньюс"».

Гарри на секунду подумал, что тот факт, что он являлся корреспондентом в советской газете, мог расположить Машу к разговору. Но он ошибался.

«Что вам нужно?» — резко спросила она.

По спине Гарри пробежал холодок.

«Я звоню вам, чтобы узнать, все ли в порядке с Иваном», — Гарри пытался звучать как можно увереннее.

Опять тишина.

«А вы ему кто?»

«Я...»

*Что мне сказать?*

*Действительно, кто я ему?*

*Скажи что-нибудь Гарри.*

«Он мой очень хороший друг... друг», — выдавил Гарри.

«Он никогда не рассказывал мне о вас», — с подозрением в голосе сказала Маша.

Гарри сглотнул очередной комок в горле. Резкие слова Маши постоянно заставляли его во врасплох. Он просто не знал, что ей сказать.

«Я просто хотел бы знать, в порядке ли он», — повторил Гарри, стараясь сохранять спокойствие и не казаться назойливым. Но голос все равно дрожал.

«Зачем вы сюда звоните?», — голос Маши практически перешел на крик. Крик отчаяния и злости.

Сердце Гарри бешено заколотилось.

*Я просто хочу знать, в порядке ли Иван. Я хочу знать, что с ним стряслось.*

«У Ивана большие проблемы. Он арестован», — вдруг сказала Маша, не дожидаясь ответа.

*Арестован!*

Внутри Гарри все перевернулось. Его горло словно сдавило жгутом.

«Как арестован, кто...» — пробормотал он в шоке.

«Его забрали люди из ОГПУ!» — голос Маши вдруг оборвался, и она расплакалась.

«Как же так... Мне жаль», — сказал Гарри, понимая нелепость его слов.

«Нет, вам не жаль!» — выкрикнула Маша, но затем, поняв, что ее могут услышать, проговорила еле слышно: «Это все из-за вас, из-за таких, как вы! Если бы не такие, как вы, Иван не попал бы в беду! Он мог был бы на свободе, и все у него было бы хорошо».

Теперь ее голос был полон ненависти.

Ноги Гарри предательски подкосились. Его сознание помутнело, и он оперся рукой о стену.

«Не звоните сюда больше! Или они придут за вами!» — пригрозила она.

Раздался щелчок и послышались короткие гудки.

Гарри так и простоял в коридоре с телефонной трубкой в дрожащей руке, пытаясь переварить все то, что он только что услышал.

*Арестован... За что? Когда?*

*Что происходит?*

Растерянность запутывала его разум и мешала ясно оценивать ситуацию. Он повесил трубку и сполз на пол. Слова Ивана мутным эхом отдавались в его голове:

*Я ненавижу большевиков. Я ненавижу их, презираю. Они раскулачили моего отца, забрали все его имущество. Бросили его в тюрьму!*

Затем в голове прозвенели слова Маши.

*«Такие, как вы!»*

*«Такие, как вы!»*

*Что она имела в виду?*

*Кто мы?*

*Иностранцы? Англичане?*

*И тут его осенило.*

*Нет, этого не может быть. Это не преступление. В советском Уголовном кодексе нет наказания за это. Я видел это своими глазами. Ведь я сам сюда приехал потому, что могу жить здесь без страха наказания.*

*Доктор Берг сказал мне, что мне нечего бояться.*

*Внезапно его посетила другая мысль.*

*А что, если за все это время в стране что-то изменилось? Что, если советское руководство приняло новый закон?*

*Но ведь если бы такой закон был принят, то наверняка советские газеты о нем написали бы. Ведь нельзя же принимать новые законы, не ставя в известность людей.*

*Я корреспондент, журналист... Я досконально изучаю все советские газеты и ни в одной из них я не видел никакого подобного объявления.*

*Да и зачем товарищу Сталину такой закон? Такие законы существуют только в капиталистическом обществе. Принятие такого закона бросило бы тень на СССР, так как это значило бы, что СССР идет по капиталистическому пути.*

*В ту ночь Гарри не мог уснуть. Он лежал в постели, глядя в потолок и перебирая все возможные сценарии того, что могло случиться с Иваном. Мысли его все время возвращались к словам Маши.*

*«Такие, как вы!»*

*«Такие, как вы!»*

Мне нужно кому-нибудь рассказать об этом или спросить...

Мне нужен совет. Но к кому мне обратиться?

Бородин?

*Нет, он не может мне помочь. Я даже не уверен, что Бородин сам не против таких, как я. Мое признание может привести только к большим проблемам. А если он меня уволит?*

*Мне нужен совет. Но кто может мне помочь?*

**ПАВЕЛ!**

*Друг Ивана, тот самый, с которыми они беседовали в том трактире на Тверской. Возможно, он что-то знает. Или хотя бы сможет пролить свет на ситуацию.*

*Я позвоню ему завтра утром, потому что сейчас уже поздно.*

Ворочаясь в постели, терзаемый страхом и сомнениями, Гарри в ту ночь так и не сомкнул глаз.

## Глава 8

Гарри удалось дозвониться до Павла только вечером следующего дня. Как и Иван, он жил в коммуналке, поэтому трубку взял кто-то из соседей. Гарри вежливо попросил позвать Павла к телефону и через несколько секунд на другом конце провода Гарри услышал знакомый мягкий голос:

«Да, я слушаю».

«Павел, здравствуй, это Гарри».

«О, Гарри, как дела?»

«Павел, Иван пропал, — Гарри решил перейти сразу к сути вопроса. — И я не... не знаю, что делать!»

«Что? Что значит пропал?»

«Я позвонил его сестре Маше, и она сказала, что за ним пришли люди из ОГПУ».

На другом конце провода повисла тишина. Упоминания этих четырех букв было достаточно, чтобы вселить страх в любого советского человека. После долгой паузы Павел прошептал:

«Приходи завтра в трактир на Тверской. В тот самый, где мы виделись в прошлый раз. Я буду там в семь часов. Там и поговорим».

Затем Павел повесил трубку.

На следующий день в назначенное время Павлом время Гарри был в трактире.

«Она так и сказала: за ним пришли люди из ОГПУ», — говорил Гарри дрожащим голосом.

В трактире стоял обычный гомон. Несмотря на то, что это был четверг, здесь было много народу, но музыкантов на сцене не было.

«Тише, говори тише», — прошипел Павел, внимательно оглядываясь по сторонам.

Все, что касалось ОГПУ, было потенциально опасной темой для разговора. И осторожность в таких разговорах не могла быть лишней. Даже если разговор растворялся в гомоне других посетителей.

«Две недели назад он звонил мне в последний раз, — продолжил свой рассказ Гарри. — Потом он сказал мне, что сам позвонит. С тех пор я ничего о нем не слышал. Подозревая, что с ним что-то случилось, я пошел к нему в училище, и там мне сказали, что он не появлялся на репетициях почти две недели. На днях я наконец решился позвонить ему, и трубку взяла Маша, его сестра. Она мне рассказала, что его арестовали, а потом добавила, что это все из-за таких, как я...»

«В смысле — "таких как ты"?» — нахмурился Павел.

«Я сам не понял... Она так и сказала — что это все из-за таких, как вы!»

«Так и сказала?»

Гарри кивнул.

«Она сказала что-нибудь еще?»

«Она предупредила меня, чтобы я ей больше не звонил, а то за мной тоже придут...»

Павел вздохнул. По выражению его лица Гарри вдруг понял, что Павел мог знать, что на самом деле произошло.

«Ты иностранец, Гарри. Вот и все. В наши дни знакомство с иностранцем может привести к неприятностям. Ты уж извини».

«Я тоже думал об этом, но мне кажется, что она имела в виду что-то другое...»

«Нет, Гарри. Тут все и так понятно. Она имела в виду, что ты иностранец», — настаивал Павел.

«Но ведь она меня даже лично не знает... Откуда ей знать, что я иностранец?»

«Гарри, хоть ты и блестяще говоришь по-русски, но у тебя все равно есть акцент. Ты говорил ей, как тебя зовут?»

*Он прав. Так что же все это значит?*

*Ивана обвинили в шпионаже или что-то в этом роде из-за того, что он дружил с гражданином Великобритании? С какой стати?*

*Здесь, в СССР, много иностранцев, и все они работают на советских предприятиях и дружат с советскими гражданами. Тем более, если ОГПУ арестовало его из-за меня, то они должны знать, что я тоже работаю на советское государство. На известную советскую газету, главный редактор которой встречается с самим товарищем Сталиным почти каждую неделю.*

*Конечно, я не шпион! И Иван тоже!*

«В это все равно очень сложно поверить...» — сказал Гарри.

«Неужели ты думаешь, что она имела в виду гомосексуалистов?» — усмехнулся Павел.

Хотя Иван был арестован, в голосе Павла чувствовалось какое-то холодное равнодушие. Как будто они совсем не были хорошими друзьями.

«Ты же сам мне говорил, здесь, в этом самом трактире, что в СССР нет таких законов! Помнишь?» — говорил Павел.

«Да, говорил... — признал Гарри. — Таких законов в СССР действительно нет».

*Или, может, они недавно появились.*

«Значит, его арестовали не из-за этого», — рассудительно заключил Павел.

«А что, если такой закон был принят недавно? — настаивал Гарри. — А что, если мы просто не знаем о его существовании?»

«Это невозможно, Гарри. Я знаю, что Иван хороший парень. Но я очень сомневаюсь, что его арестовали потому, что он балуется с мужиками. Если бы это было так, то и ты, и я уже давно бы сидели в тюрьме», — рассуждал Павел.

По спине Гарри пробежал холодок.

«Если честно, то я думаю, что его арестовали из-за антисоветских взглядов, — продолжил Павел. — Я помню, он сказал мне, что его отца арестовали».

«Он мне тоже об этом говорил...» — признался Гарри.

«Ну вот, в этом и кроется причина его ареста».

«И что нам теперь делать?»

«Ничего, — Павел пожал плечами. — Гарри, мы сейчас ничего не можем сделать. Я не думаю, что ты должен беспокоить Машу сейчас. Она и так считает тебя и, возможно, меня, виноватыми во всем этом. ОГПУ — это не шутки. Я бы просто продолжал жить своей жизнью. Ивана я знаю давно, но, если он совершил преступление, я не хочу в это вмешиваться. Я сам не хочу проблем, понимаешь?»

Гарри снова вспомнил обличительные речи Ивана. Возможно, он действительно имел неосторожность поделиться своими мыслями с кем-то, кто затем написал на него донос.

На этом их разговор закончился.

Но слова Маши так и не покидали головы Гарри.

В последующие дни Гарри пролистал все последние выпуски «Правды» и «Известий». Никаких упоминаний о новом законе против гомосексуалистов.

*Может быть, мне стоит рассказать обо всем Бородину?  
Возможно, он поможет мне понять, что происходит. Бородин знает  
самого Сталина и встречается с ним его каждую неделю. Он  
наверняка что-то знает.*

*Нет, я не могу беспокоить товарища Бородина личными делами.*

*С другой стороны, это не просто личное дело. Это серьезная  
ситуация. У Бородина есть связи. Он может мне помочь.*

*Нет, мне лучше самому разобраться во всем этом.*

В один из последующих дней, когда Гарри сидел один в офисе, его  
взгляд вдруг упал на книжный шкаф в углу комнаты. Тот самый,  
на который Бородин обратил его внимание в первый день.

*«А это Большая советская энциклопедия, и здесь ты можешь  
найти любую интересующую тебя информацию о жизни в СССР...», —  
в памяти Гарри всплыли слова Бородина.*

Гарри тут же подошел к книжному шкафу и взглянул на ряд книг  
в красно-коричневых обложках.

«БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» было написано  
на каждой из них.

На полке стояло более десяти томов, и каждый представлял собой  
букву русского алфавита. Взгляд Гарри тут же упал на том с буквой «Г».  
Он снял книгу с полки и вернулся к своему столу.

Вернувшись за стол, он начал судорожно листать книгу в поисках  
нужного раздела. Хоть вначале он и сомневался в том, что ему вообще  
удастся найти подобную информацию в этой энциклопедии, он был  
приятно удивлен, когда его глаза зацепились за нужную ему статью:

## **ГОМОСЕКСУАЛИЗМ**

*...противоестественное половое влечение к лицам собственного пола (в противоположность нормальному — гетеросексуальному) ... около 2% людей страдает гомосексуализмом... гомосексуализм встречается у всех рас, во всех классах, у разных профессий...*

Глаза Гарри скользили вниз по статье, пока не наткнулись на параграф, в котором объяснялось позиция советского законодательства по отношению к этому явлению:

*Направление полового интереса в сторону искания особей своего пола заставляет гомосексуалистов нарушать так называемые общепринятые нормы поведения. За границей, да и в дореволюционной России, эти нарушения общепринятых правил поведения преследовались специальными «законами о нравственности». Помимо того, что это законодательство, направленное против биологического отклонения, является абсурдом само по себе и не дает реальных плодов, оно действует крайне вредно на психику гомосексуалистов. До сих пор в передовых капиталистических странах далеко еще не закончена борьба в пользу отмены этих лицемерных установлений.*

Гарри перечитывал статью снова и снова.

Гарри снял очки и потер глаза. Он потер виски.

*Если Большая советская энциклопедия, самый авторитетный источник информации, заявляет, что нельзя преследовать гомосексуалистов, что их нужно принимать и помогать им... — рассуждал Гарри. — То с чего бы вдруг советское руководство решило*

*бы принять закон, который бы полностью противоречил этим заявлениям?*

*Возможно, я действительно немного переборщил. Переволновался. Впечатлился. Возможно, мысль о том, что влечение Ивана было причиной его ареста — лишь плод моего воображения. В последнее время я много нервничаю. Мне надо просто успокоиться.*

*А вдруг...*

*Гарри пролистал страницы и взглянул на первую страницу энциклопедии.*

*Год публикации — 1930... Статья написана три года назад. Многого могло измениться. Это правда.*

*Но позиция советского правительства не могла измениться так быстро. За три года. Кроме того, если бы подобный закон и был принят, то в обществе наверняка были бы какие-то видимые признаки этого... Доктор Берг наверняка уже знал бы об этом.*

*«Такие, как вы...»*

*«Такие, как вы...»*

*Слова Маши не выходили из его головы.*

*Бородин наверняка знает обо всем, что происходит в стране. У него есть связи. Он руководит одной из самых влиятельных газет. Он знает Сталина лично. Он, конечно, знает, как здесь все устроено. Я ему все расскажу.*

*Будь что будет.*

*Бородин объяснит, являются ли такие, как я, преступниками. Может быть, все это действительно плод моего воображения. Моя паранойя. Может быть, мне нечего бояться.*

*А если он меня уволит?*

*Если он меня уволит, то тогда я просто уеду отсюда. Какой смысл работать в стране, в которой такие, как я, преследуются по закону?*

*И куда ты поедешь? В Шотландию?*

*Успокойся, Гарри. Вполне возможно, что тебе не придется никуда уезжать.*

Гарри никогда не говорил с Бородиным о своей личной жизни, и Бородин его никогда о ней не спрашивал. Все их разговоры касались только рабочих вопросов.

*Догадывается ли Бородин обо мне? Конечно. Он же не дурак. Но ведь мы никогда не говорили о моей личной жизни. Бородин — вежливый, воспитанный человек, для которого работа превыше всего. Но я думаю, он выслушает меня. Я ему все расскажу. Слишком много непонятных вещей произошло со мной за последнее время. Я просто не могу больше держать это в себе.*

В тот день, когда Гарри решился на разговор со своим начальником, Бородин, как всегда, находился в своем кабинете. Гарри постучал.

«Войдите!» — послышался громкий голос за дверью.

Гарри сглотнул комок в горле, внезапно засомневавшись, правильно ли он поступает. Гарри осторожно открыл дверь и вошел внутрь. Бородин держал трубку телефона в руке — он только что закончил телефонный разговор.

«Ах, Гарри!» — На лице Бородина, как всегда, расцвела улыбка. Бородин всегда относился к Гарри как-то по-отцовски. Поэтому Гарри казалось, что Бородин сможет понять его переживания и дать ему дельный совет в этой непростой ситуации.

«Садись, садись», — Бородин указал на стул напротив своего стола, вдруг добавив: «Я очень доволен твоей работой, Гарри».

Гарри кивнул, лихорадочно пытаясь выстроить предложения в голове для начала разговора. Но Бородин продолжал говорить, поэтому Гарри просто слушал, надеясь, что подходящий момент наступит сам.

После короткого монолога о непростой ситуации в стране и неизбежном светлом будущем Бородин сказал:

«А еще у меня для тебя отличные новости. С сегодняшнего дня ты будешь моим заместителем».

Новости Бородина действительно застали Гарри врасплох. Он даже на секунду подумал, что серьезный разговор, с которым он пришел, придется отложить.

«Да, Гарри, — сказал Бородин, улыбаясь. — Товарищ Сталин очень доволен нашей работой и нашей газетой. Завтра я объясню тебе суть твоих новых обязанностей, хотя я уверен, что ты, скорее всего, и так отлично знаешь, что делать...»

«Спасибо, товарищ Бородин, за доверие», — сказал Гарри. И тут же добавил: «Но я пришел поговорить с вами по одному важному для меня вопросу».

«Что такое, Гарри?» — Бородин одобрительно кивнул, показывая готовность слушать.

*Будь что будет.*

«Вы знаете, что я искренне верю в социализм и всегда готов самоотверженно трудиться на благо советского государства... но есть один вопрос, который меня очень волнует. И мне бы очень хотелось знать, что вы лично думаете по поводу этого вопроса, товарищ Бородин».

«Да, Гарри, в чем вопрос?»

«Знаете ли вы, каково положение различных меньшинств в капиталистическом обществе?»

Бородин нахмурился. Этот вопрос казался неожиданным, ведь он совсем не имел ничего общего с тем, что они только что обсуждали.

«Насколько мне известно, очень печальное», — сказал Бородин.

«И, как вы знаете, товарищ Бородин, там таких меньшинств очень много — чернокожие, женщины, да и другие группы людей, которые подвергаются гнету...»

«Да, да, Гарри, мне все это известно», — в голосе Бородина слышалось легкое нетерпение.

*Конечно, ему все это известно. Ведь он жил за границей много времени.*

«Но почему тебя это волнует, Гарри?»

«Я гомосексуалист».

В воздухе повисла тишина. Бородин замер и продолжал сидеть неподвижно.

Гарри нервно закусил нижнюю губу, несколько секунд изучая лицо Бородина.

Бородин откашлялся.

«Вам, наверное, интересно, почему вдруг я делаю такое признание...» — виновато продолжил Гарри.

«Именно так, — сказал Бородин, слегка ерзая на стуле и испытывая видимый дискомфорт. — Частная жизнь моих сотрудников меня не интересует. Я не имею права вмешиваться в их личные дела».

*Это хороший знак. Значит, по крайней мере, он не против таких, как я.*

«Я понимаю. Пожалуйста, позвольте мне вам кое-что рассказать. Вы жили в Великобритании и знаете, что там есть законы, которые запрещают двум мужчинам иметь... отношения. Именно поэтому я решил покинуть Шотландию. Когда я случайно узнал, что в СССР таких законов нет, я обрадовался, и подумал, что я смогу, наконец, устроить свою личную жизнь в СССР».

«Да, Гарри, у нас нет таких законов», — сказал Бородин, оправляясь от легкого шока.

«Когда я приехал в Москву, то через некоторое время начал знакомиться с местными жителями... такими же, как я. Они показывали мне, как здесь живут товарищи с интересами, похожими на мои. Я встретил одного молодого человека по имени Иван. Он учится актерскому мастерству, в театральном училище... он очень интересный и приятный в общении человек».

«Да, Гарри, в театрах такие отношения довольно распространены», — холодно и с некоторой отстраненностью сказал Бородин.

«Но с ним произошло кое-что странное. Сначала он исчез. Потом, через несколько недель, я позвонил его сестре, и она в слезах сказала мне, что его арестовали. Я думаю, это произошло потому, что он гомосексуалист».

Глаза Бородина вылезли из орбит, брови поднялись. Заключение Гарри о том, что друга арестовали из-за его сексуальных предпочтений, было еще более шокирующим, чем его признание, которое он сделал минуту назад.

«Таак... И почему же ты пришел к такому выводу?»

«Сестра Ивана сказала, что это все из-за таких, как я...»

«Гарри, — перебил его Бородин. — Я думаю, что тот факт, что твой друг — гомосексуалист, не имеет ничего общего с его арестом. В нашей

стране нет законов, по которым таких людей можно было бы преследовать. Все эти законы существовали в царские времена, и новое советское правительство избавилось от них. Должно быть, его арестовали по какой-то другой причине. Твой... друг рассказывал тебе еще что-нибудь о себе?»

«Да, он мне рассказал, что его отца раскулачили и объявили врагом народа».

«Что ж, теперь все понятно... Твой друг, скорее всего, тоже недалеко ушел от своего отца, и поэтому его и арестовали», — без особого сочувствия сказал Бородин, добавив: «И в данном случае они поступили правильно».

Гарри не мог поверить, что всегда улыбчивый и дружелюбный Бородин мог быть таким равнодушным и резким.

«Партийное руководство делает все возможное, чтобы очистить свои ряды от идеологически нестабильных и политически враждебных элементов, и, скорее всего, твой друг был одним из них», — пояснил Бородин.

Увидев, как лицо Гарри поникло, Бородин понял, что нужно смягчить тон.

«Гарри, послушай, ты, наверное, видишь, что я против... что я не одобряю такие противоестественные отношения. Но ты также знаешь, что я считаю тебя хорошим коммунистом, и тот факт, что ты... гомосексуалист, никоим образом не умаляет твоей ценности как революционера. Ведь я только что назначил тебя своим заместителем. Я вижу, как хорошо ты работаешь и какой вклад вносишь в нашу газету».

Гарри опустил глаза.

«Я понимаю, что произошедшее — это довольно неприятная ситуация, но, к сожалению, в наши дни очень много врагов советского государства, которые на первый взгляд вовсе не кажутся врагами, но они

есть. Все они очень коварные. И очень хорошо, что наши правоохранительные органы работают и быстро с ними справляются. Твой друг, к сожалению, был одним из них».

Бородин наклонился вперед.

«Мне бы очень хотелось, чтобы ты чувствовал себя в СССР как дома, потому что я очень ценю тебя как работника, — говорил он как можно мягче. — А теперь, если ты не возражаешь, давай поговорим о твоём назначении».

Бородину явно не терпелось перейти к другой теме.

С одной стороны, Бородин, безусловно, был прав. Отец Ивана был объявлен врагом народа, а это могло означать, что Иван, который очень критично высказывался о советской власти, мог также попасть в поле зрения ОГПУ. Но если арест Ивана произошел исключительно из-за его отца и его собственных неосторожных высказываний, что имела в виду Маша, говоря «такие люди, как вы»?

*Но ведь Бородин четко сказал мне, что гомосексуализм в СССР не является преступлением. Значит, это так и есть. Бородин далеко не самый последний человек в стране и, конечно, знает очень многое... А может быть, просто не знает. Может быть, он не знает и не хочет знать. Эта тема явно доставляет ему дискомфорт.*

*Но кто еще может знать? Кого еще мне спросить?*

И тогда Гарри пришла в голову блестящая идея.

Идея, которая никогда бы не пришла в голову ни одному здравомыслящему советскому человеку.

*Я просто пойду в ОГПУ и все узнаю.*

*Я им все расскажу и буду требовать объяснений.*

*Это единственный способ узнать правду.*

Сама мысль о добровольном походе в ОГПУ привела бы в ужас любого советского гражданина. Но Гарри не был советским гражданином.

## Глава 9

Если бы Гарри рассказал кому-нибудь о своем решении пойти в ОГПУ, да еще и по такому деликатному вопросу, то его тут же попытались бы отговорить. Действительно, такая мысль могла прийти в голову только сумасшедшему или человеку, который не особо понимал, что происходило в стране и какую роль во всем этом играла сталинская тайная полиция — ОГПУ.

После Октябрьской революции 1917 года большевики создали карательный орган с длинным названием: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, сокращенно — ЧК. Большевики использовали ЧК для запугивания населения, а также для репрессий против тех, кто выступал против них. Агенты ЧК, или, как их еще называли, «чекисты», пытали и убивали граждан, подозреваемых в «измене» и нелояльности новому режиму. Террор, который развязали чекисты, не контролировался никаким законодательством, а потому любой советский гражданин мог стать их жертвой.

Вскоре чекистам стало ясно, что ЧК стала синонимом страха и ужаса в сознании советских людей, и, чтобы улучшить свою ужасную репутацию, они решили сменить название своей организации. ЧК, такая же кровавая, как и прежде, была переименована в ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление. Но очень быстро новая аббревиатура также стала синонимом страха и ужаса.

Следователи ОГПУ обычно приезжали к своим жертвам под покровом ночи, объявляли о задержании, давали пять минут на сборы и увозили в неизвестном направлении. Арестованных обычно отправляли в трудовые лагеря или просто расстреливали.

Гарри Уайт, слепо веривший в советскую власть и почти не имевший знакомых среди простых советских граждан, понятия

не имел, сколько крови было на руках чекистов, а следовательно, насколько опасно было идти в лапы ОГПУ, как это он собирался сделать.

*Я должен узнать, действительно ли Иван совершил какое-то ужасное преступление. Если да, то это будет совсем другое дело. Если это из-за отца, может быть, я смогу ему как-нибудь помочь... Но как? Нет, я не знаю как помочь ему. Сначала мне нужно узнать, что произошло.*

Гарри нашел номер ОГПУ в телефонной книге Москвы и набрал его на следующее утро из дома, перед выходом на работу.

«ОГПУ», — услышал он суровый мужской голос на другом конце провода.

«Меня зовут Гарри, и мне нужно поговорить с кем-нибудь из вашей организации...»

На другом конце провода повисло молчание.

«Что вы сказали?»

«Мне бы хотелось встретиться со следователем».

«Каким следователем?» — в голосе слышалось раздражение. Казалось, что человек на другом конце провода вот-вот повесит трубку.

«Мой друг... его арестовали...» — продолжал Гарри неуверенно.

«Тогда вам нужно в бюро пропусков, Кузнецкий Мост, 22», — резко сказал человек. Раздался щелчок и послышались короткие гудки.

Гарри записал адрес в блокноте и тут же направился туда. В тот день Бородин не был в редакции, и Гарри мог явиться на работу чуть позже. Да и вообще, теперь он был его заместителем и поэтому у него было немного больше свободы в действиях, чем раньше.

Бюро пропусков ОГПУ располагалось в высоком сером здании в центре Москвы, в небольшом помещении, которое было заполнено людьми. Тут было много женщин: жены, сестры и матери, которые

надеялись узнать хоть какую-то информацию о своих недавно арестованных родственниках. Здесь были и мужчины. Уставшие и изможденные бессонными ночами, все эти люди стояли в очередях к маленьким окошкам, за которыми сидели люди в форме.

Когда Гарри вошел в помещение, на его лбу тут же выступила испарина. Он расстегнул пальто и встал в одну из очередей. Мгновение спустя он услышал позади себя два женских голоса.

Одна женщина, едва сдерживая слезы, шептала:

«Они арестовали моего брата и его жену... обвинили их в антисоветской агитации... Но я знаю, что они не виноваты, они ни в чем не виноваты... должно быть, произошла ошибка! Я надеюсь, что следователи во всем разберутся, и их отпустят!»

Услышав это, Гарри сглотнул комок в горле. Ведь его ситуация была во многом похожа на эту.

«Успокойся, Нина, все будет в порядке, мы скоро все узнаем», — сказала другая женщина.

«У них есть дети, понимаешь? Мальчик и девочка. Им нет и трех лет. Детей отдадут в детский дом!» — она говорила сквозь слезы.

Гарри, который стоял спиной к женщинам, хотел обернуться, но он подавил в себе это желание. Ему самому было страшно от того, что вокруг него происходило.

*Надеюсь, следователи во всём разберутся...*

«Забудь о них! Зря сюда пришла! Тебя тоже арестуют», — послышался позади резкий мужской голос.

«А ты сам то зачем сюда пришел?» — рявкнула на него женщина, которая успокаивала другую.

«Я пытаюсь отправить посылку. А еще у меня есть знакомая — ее мужа объявили врагом народа. Его забрали ночью, когда все спали.

Говорят, его сразу же расстреляли. Об этом она узнала позже, но вскоре пришли и за ней. Больше ее никто не видел!»

Гарри замер.

«Что ты несешь? — женский голос упрекнул мужчину. — Держи это при себе, разве ты не видишь, что делаешь ей только хуже. Нина, не слушай его...»

Холодок пробежал по коже Гарри, а горло пересохло.

*Что здесь происходит?*

*Ивана тоже расстреляли?*

*Нет, это невозможно.*

*Они не могут просто так расстреливать людей...*

Прошел час. Очередь медленно продвигалась к окошку.

В помещении было очень душно, ему даже сделалось дурно. Гарри ослабил воротник рубашки. Затем он посмотрел в сторону.

В очереди к другому окну в нескольких сантиметрах от него стояла старушка с добрым лицом, с каким-то мешочком. Несмотря на преклонный возраст, она терпеливо ждала своей очереди.

Их взгляды пересеклись. Старушка улыбнулась, полезла в рюкзак, вытащила печенье и протянула его Гарри. Гарри посмотрел на женщину с неловкой благодарностью и пробормотал: «Спасибо».

«Ты так похож на моего сына... — рассеянно сказала она. — Они забрали его у меня. Надеюсь, мне позволят увидеться с ним».

Улыбка Гарри померкла. Ему стало страшно и невероятно неловко. Ему хотелось как-то утешить женщину, но что он мог сказать. Женщина задумчиво опустила глаза.

Очередь продолжала двигаться. Наконец, после долгого и мучительного ожидания, настала очередь Гарри. В окне сидел офицер ОГПУ с серьезным лицом.

«Что вам нужно?» — прорычал офицер.

«Мне нужно поговорить с кем-нибудь здесь».

«Вы вообще понимаете, где находитесь?» — угрожающе спросил офицер.

«Моего друга арестовали...»

«Имя!» — крикнул офицер.

«Я... я не знаю» — Гарри заколебался.

Он действительно не знал ни фамилии Ивана, ни его отчества.

«Тогда отойдите в сторону, следующий!» — крикнул офицер.

«Нет-нет, подождите, я...» — Гарри, засунул руку в карман пальто. Вытащив из кармана свое удостоверение, он протянул его офицеру.

«Вы корреспондент?» — офицер смягчил свой голос, внимательно изучая документ Гарри.

«Да».

«У вас есть какие-то конкретные вопросы к ОГПУ?»

«Да».

«Рабочие вопросы?»

«Нет, я по личному делу».

«Какому?»

«Я могу рассказать об этом только следователю».

Голос Гарри прозвучал неожиданно твердо.

«Ждите», — окошко захлопнулось.

Через пять минут оно открылось, и офицер протянул Гарри какой-то лист бумаги с печатью, его именем и фамилией.

«Второй этаж, комната 219. Мы предупредили следователя Колокольцева о вашем прибытии. Вас ожидают. Следующий!»

Статус иностранца, работающего заместителем главного редактора в советской газете, явно давал Гарри определенные преимущества, на которые обычные советские граждане рассчитывать не могли. Поэтому, хоть Гарри и не смог внятно объяснить офицеру, зачем ему была нужна встреча со следователем ОГПУ, ему все же удалось добиться своего. Он часто чувствовал себя неловко из-за своего привилегированного положения, но в данном случае он был рад, что все так вышло.

Само здание ОГПУ стояло недалеко от Кузнецкого моста, на Лубянской площади. Жители Москвы предпочитали держаться подальше. Ничего хорошего там никогда не происходило. Ходили слухи, что сотрудники ОГПУ расстреливали арестованных прямо после допросов, в подвалах. Гарри, конечно, об этом ничего этого не знал и даже догадываться не мог.

Обрывки разговоров, которые Гарри слышал в бюро пропусков, омрачили его настроение.

*«Ты так похож на моего сына...»*

*«Они забрали его у меня...»*

*«Надеюсь, мне позволят увидеться с ним...»*

На мгновение Гарри усомнился в правильности своего решения пойти в ОГПУ.

Ведь одно дело говорить о гомосексуализме с врачом, давно привыкшим иметь дело с такого рода людьми, или даже с Бородиным, который хорошо относился к Гарри. Но разговор со следователем ОГПУ по такому деликатному вопросу, особенно после того, что он услышал

в бюро пропусков, был совсем другим делом. Учитывая резкость и грубость сотрудника бюро пропусков, было бы наивно ожидать, что следователь, с которым сейчас предстояло встретиться Гарри, будет вежливо с ним общаться.

*Может быть, я сделаю только хуже.*

*Что, если его действительно арестовали по подозрению в каком-то ужасном преступлении?*

*А если меня тоже арестуют?*

*Нет... Меня не арестуют.*

*Почему нет?*

Руки Гарри тряслись нервной дрожью. Хотя он и не сомневался в правильности и разумности того, что делал, его решимость заметно ослабела после посещения бюро пропусков.

Подойдя к центральному входу здания ОГПУ, Гарри заколебался.

Вдруг в голове всплыли отрывки разговора с Робинсоном, у которого он несколько месяцев назад брал интервью.

*«...полицейские вежливо, вежливо попросили меня рассказать, что произошло на речке. Ну я и рассказал. Затем они заполнили какие-то бумаги, еще раз выслушали мою историю и отпустили. Без оскорблений. Без угроз...»*

*Вполне возможно, что следователь так же будет вежлив со мной. Почему нет?*

Эти воспоминания придали ему смелости, и Гарри вошел в здание. Там он предъявил пропуск двум солдатам, стоящим у входа с винтовками за плечами.

«От лифта направо и прямо», — сказал один из них с каменным выражением лица, указывая на лифт в дальней стороне тускло освещенного зала.

Лифт доставил Гарри на второй этаж. Там в мрачном коридоре почти на каждом шагу стояли молчаливые солдаты с винтовками, перепроверявшие пропуски.

Мимо иногда проходили люди с лицами. На их лицах было выражение тотального страха.

Идя по коридору, Гарри остановился напротив комнаты 219. Он постучал в дверь.

«Входите», — послышался властный голос.

Гарри потянул на себя ручку двери. В комнате в кресле за письменным столом, покрытым зеленой тканью, сидел худой блондин лет тридцати пяти в черной униформе. Следователь Колокольцев.

Как и все следователи ОГПУ, Колокольцев всегда был очень занят. Он постоянно проводил допросы, а его любимым методом извлечения показаний было избивание подозреваемых до полусмерти. Колокольцев также любил лично расстреливать арестованных в подвалах здания ОГПУ.

Часто ему приходилось работать до поздней ночи, и поэтому в его кабинете стоял диван, на котором он мог поспать в свободное время. Предсмертные крики жертв, которые он слышал каждый день, никак не влияли на его способность быстро уснуть. Наоборот, они действовали на него успокаивающе и приносили удовольствие.

«Садитесь», — сухо сказал Колокольцев, изучая Гарри с головы до ног.

Колокольцев никогда не церемонился с людьми, имевшими несчастье оказаться у него на допросе. Ему нравилось чувствовать свою власть над ними. С того момента как они оказывались в его кабинете, их жизнь была полностью в его руках. Он мог сделать с ними все, что угодно, — заставить сознаться в преступлениях, которых они не совершали, заставить их оговорить невиновных родственников

и друзей, а если они отказались это сделать, избить или застрелить их. Ему нравилось давать свободу своим садистским наклонностям. Некоторые его коллег даже боялись его.

Видя, что перед ним иностранец, Колокольцев понял, что его обычные способы общения будут в данном случае не совсем уместны.

На столе Колокольцева стояли лампа, графин с водой и телефонный коммутатор. Позади него были большие окна с темно-зелеными бархатными шторами. На спинке деревянного стула висело зеленое пальто. На стене висели портреты Сталина и Дзержинского, основателя советской тайной полиции.

Когда Гарри сел на стул перед Колокольцевым, на столе зазвонил телефон. Колокольцев поднял трубку и выслушав, рявкнул:

«Да, пусть им скажут, что они арестованы без права переписки».

Он тут же бросил трубку и повернулся к Гарри, расплывшись в фальшивой, кривоzubой улыбке, похожей на оскал.

«Вы Гарри Уайт, так? По-русски говорите?»

Гарри молча кивнул.

«Честно говоря, я удивлен, что вы пришли ко мне сюда вот так, сами, — сказал Колокольцев. — Если вас интересует какая-то информация для вашей газеты, то вы можете напрямую обратиться в специальный отдел, который занимается этими вопросами».

«У меня личный вопрос».

«Тогда я весь во внимании» — сказал Колокольцев спокойным, деловым тоном.

«Недавно ОГПУ арестовало моего хорошего друга», — сказал Гарри.

«Друг?» — глаза Колокольцева сузились.

«Да, его арестовали...»

«Тогда вы ошиблись адресом. Вам необходимо вернуться в то же здание, где вам выдали пропуск. Они проинформируют вас обо всем. Вообще, такая информация предоставляется только членам семьи... или у вашего друга нет родственников?»

Гарри сглотнул. Колокольцев потянулся к графину, налил воды в стакан и протянул Гарри.

«Воды?»

Гарри вежливо отказался.

«Тогда за ваше здоровье!» — с усмешкой сказал Колокольцев и сам осушил стакан.

«Мой друг... Как я могу сказать. Понимаете, ситуация очень непростая», — продолжал Гарри.

«Я в этом несколько не сомневаюсь», — ухмыльнулся Колокольцев.

Он наслаждался горем и болью людей, которых судьба привела в его кабинет.

«Понимаете, я с ним знаком совсем недавно. И об его аресте я узнал от его сестры».

«Она сказала вам, почему его арестовали?»

«Нет».

«Вам известна его фамилия?»

«Нет, но его зовут Иван».

Колокольцев снова ухмыльнулся, не переставая удивляться наивности иностранца.

«Тогда я ничем не смогу вам помочь. Нам нужно больше информации. Что это вообще за дружба такая?» — удивлялся Колокольцев.

«Я гомосексуалист... и думаю, что моего друга задержали по той же причине». Гарри выпалил это без колебаний. За последние несколько недель он признался в этом нескольким людям, и поэтому в этот раз эти слова он произнес без особого колебания.

Колокольцев заметно напрягся и воздух в кабинете сразу наэлектризовался. Губы следователя дернулись, словно от отвращения.

«Ну и что? — спросил следователь, пытаясь скрыть свое удивление и внезапное отвращение к Гарри. — Это ваша проблема, я не врач и не думаю, что смогу вам помочь».

Если бы Гарри не был иностранцем, следователь разговаривал бы с ним совсем по-другому. Для Колокольцева не существовало слова «гомосексуалист». Он предпочитал более грубое слово «педераст». По его мнению, все эти люди были выродками и не имели ничего общего с порядочными людьми. Более того, такие люди, как Гарри, совершенно не вписывались в эстетику и картину мировосприятия Колокольцева. Это были существа, которым место в тюрьмах или психиатрических больницах.

Удивительно, что этот приличного вида англичанин в хорошем костюме открыто заявлял, что он один из них. И вообще даже осмелился прийти сюда — сюда, в его кабинет, чтобы поговорить об этом.

«Вы не понимаете, я пришел сюда не за медицинской помощью... Иван — мой друг...» — попытался объяснить Гарри.

«Я все понимаю, — отрезал Колокольцев. — Что же вы думаете? Вы думаете, что его задержали из-за его отвратительной болезни?»

Гарри робко кивнул в ответ. Он чувствовал, что Колокольцев его призирал.

«Бред сивой кобылы! — разразился Колокольцев. — Такие люди, как вы, нас не интересуют, и ваш друг не мог быть арестован по этой причине. Не тратьте свое время, да и мое тоже!»

Гарри продолжал молчать. Его взгляд вдруг пал на лежащий на столе револьвер, который он до этого не замечал.

«Скорее всего, ваш друг — враг народа. Вокруг сейчас много предателей, поэтому у нас много работы».

«Могу ли я увидеть его?» — неожиданно сказал Гарри.

Колокольцев поднял брови. Люди, которых имели несчастье оказаться в его кабинете, никогда, никогда с ним так не говорили. А уж тем более его никто вот так вот ни о чем не просил. Может быть, только о пощаде, когда он забивал их до смерти.

«Нет. Это невозможно, — отрезал Колокольцев. — К тому же вы даже не знаете его фамилии или отчества... И вообще, учитывая то, что вы и он были...» — тут Колокольцев помолчал.

Он считал, что нездоровая связь между Гарри и его дружкой не давала иностранцу никакого права с ним видеться.

Гарри понял ход мыслей следователя.

*Он прав. Я для него никто. Я видел Ивана в своей жизни всего два раза. Этот разговор ни к чему не приведет.*

*Колокольцев же объяснил, что такие люди, как я, не преследуются по закону.*

*Этого достаточно. Ивана мне увидеть никто не даст.*

«Вы уверены, что Ивана не могли задержать из-за его влечения?»

Этот настойчивый иностранец начинал раздражать Колокольцева. Да и сама тема становилась ему все более неприятна. Колокольцев едва сдерживался, чтобы не оскорбить этого иностранца или ударить его.

«Еще раз повторяю: это невозможно! В советском законодательстве такой статьи нет, — сказал Колокольцев, стиснув зубы. — Мы ничего не имеем против таких людей... У вас есть ко мне еще вопросы?»

«Я просто не знаю, что теперь делать».

Колокольцев вскинул брови от удивления.

«Вы что, думаете, что вы единственный, у кого сейчас проблемы? Сейчас жизнь сложна для всех! В стране полно диверсантов, предателей и подонков. Мы ими всеми занимаемся. Как только их станет меньше, жить станет лучше... для всех. Так что забудьте о своем друге. Если мы его арестовали, значит, на то была хорошая причина... и я повторяю, вы можете делать со своей жизнью все, что пожелаете. Ваш образ жизни нас не интересует, если, конечно, вы живете, не нарушая советские законы. А про друга забудьте. Он — преступник».

## Глава 10

Гарри пришлось принять суровую правду.

*Иван — преступник.*

*Он совершил преступление.*

*Да, я не знаю, в чем его обвинили и за что его арестовали. Но это точно не было никак связано с тем, что он...*

*Забудь о нем, Гарри, ты ничего не можешь тут поделать.*

«Такие люди, как вы...» — слова Маши снова всплыли в его голове.

*Забудь о ее словах, Гарри. Они ничего не значат.*

После визита в ОГПУ Гарри еще долго не мог забыть о разговоре с Колокольцевым. Да, этот тип был неприятным и отвратительным, но, по крайней мере, он помог разъяснить ситуацию. Гарри с головой погрузился в работу, ему даже началось казаться, что он начал постепенно забывать об Иване.

Прошли недели, и Гарри постепенно приходил в себя. Он смирился с тем, что никогда больше не увидит своего нового друга и что не сможет ему помочь.

*Может быть, это и к лучшему? Иван хороший парень, но что я могу сделать? Ничего. Ты ничего не можешь сделать. Просто продолжай работать. Ты здесь не для того, чтобы тебя любили. Ты здесь для того, чтобы работать на благо советского общества. Сколько ты еще будешь мучать себя никому ненужными мыслями и переживаниями? Ради своего же собственного рассудка, забудь обо всем этом.*

*Легче сказать, чем сделать.*

*По крайней мере, теперь я знаю, что со мной и моим образом жизни все в порядке. Я не преступник. Этот неприятный тип Колокольцев, по крайней мере, дал это ясно понять — такие люди, как я, Иван, Антон и Павел, вольны жить так, как нам захочется. Доктор Берг тоже это подтверждает. Так что мне тоже просто нужно заняться своей жизнью и идти дальше.*

Чтобы изгнать из своей головы воспоминания об Иване, Гарри сознательно изнурял себя. Статьи, заметки, интервью, встречи с Бородиным. И опять все по кругу. К концу рабочего дня он без сил плюхался в свою кровать и засыпал. Без мыслей об Иване. Работа ему начала сниться — и это был хороший знак. Знак того, что жизнь продолжается.

Наступил Новый год. Новый 1934 год. Днем 31 декабря 1933 года Бородин организовал в редакции небольшое празднование с коллегами. А новогоднюю ночь Гарри провел дома. Настроения праздновать у него не было.

Зима прошла быстро — Гарри даже и не заметил, как наступила весна. Настолько он был занят работой. Как ни крути, он был не просто корреспондентом, а заместителем самого Бородина. Мысли об Иване практически не посещали его.

Иногда, конечно, он мысленно возвращался к событиям декабря прошлого года. Он быстро брал себя в руки и просто начинал работать над очередной статьей. И, как ни странно, жизнь продолжалась. Все шло хорошо, пока не наступил апрель.

Одним апрельским днем 1934 года Бородин, который почти никогда не выходил из своего кабинета, вдруг подошел к столу Гарри. Лицо его было задумчивым и серьезным. Перевязывая папки с бумагами, Гарри поднял свой взгляд на начальника.

«Гарри, у меня для тебя новости», — сказал Бородин со странной интонацией в голосе.

Гарри тут же выпустил папки из рук, которые чуть не упали на пол. Его сердце забилося.

«Иван? Вам удалось что-то узнать об Иване?» — вдруг выпалил Гарри практически вскочив со стула. Другие его коллеги, работающие рядом, оторвались от своих дел.

Видя, что проговорить с Гарри без привлечения внимания явно не удастся, Бородин кивнул в сторону своего кабинета. Гарри последовал за Бородиным и, закрыв за собой дверь, занял свое обычное место в кресле напротив его стола.

*Он что-то знает об Иване,* — пульсировала мысль в голове Гарри.

Гарри знал, что то, что ему сейчас скажет Бородин, не имело ничего общего с рабочими делами. Когда Бородин говорил о работе, он всегда садился. Теперь он стоял. А если не о работе, то о чем еще, как не об Иване? Единственной темой их разговоров была работа. До недавнего времени.

Стоя, Бородин потянулся к листу бумаги на своем столе. Это был какой-то официальный документ, на котором был напечатан текст. Бородин подтолкнул документ к Гарри.

«Вот, посмотри», — сказал Бородин еле слышно.

Затем, сцепив руки за спиной, Бородин начал расхаживать взад и вперед по кабинету. Он нервничал. Он нервничал, потому что ждал реакции Гарри.

Сначала Гарри не понял, что это был за документ.

*Проект Постановления Президиума ЦИК СССР*

*Президиум ЦИК СССР постановляет:*

*1. Распространить уголовную ответственность за мужеложство, то есть половое сношение мужчины с мужчиной, на случаи добровольного такого сношения, независимо от недостижения одного из участников половой зрелости.*

*2. Мужеложство, то есть половое сношение мужчины с мужчиной, влечет за собой лишение свободы на срок до пяти лет<sup>1</sup>.*

Сердце Гарри бешено колотилось.

Он внимательно прочитал содержание документа еще раз.

И еще.

Его как будто пробило током. Пол под ногами зашатался. Если бы он не сидел, то он точно упал бы.

Он посмотрел на Бородина глазами полными непонимания и ужаса. Бородин ожидал такой реакции. Он просто стоял у окна, зацепив за спиной руки, внимательно следя за изменениями на лице Гарри.

«Ч-что это?» — пробормотал Гарри, поднимая документ в руках.

«Там все четко написано», — хладнокровно сказал Бородин.

*Значит, причиной ареста было именно это.*

*Именно это.*

*«Такие люди, как вы».*

*Я знал. Я так и знал.*

---

<sup>1</sup> Гарри Уайт, «Может ли гомосексуалист состоять членом Коммунистической партии?», Источник 5 — 6 (1993): 164.

Пока хаотичные мысли пронеслись в голове Гарри, Бородин наконец сел за стол.

«Гарри, судя по всему, на момент нашего разговора этот закон только обсуждался, — начал Бородин. — Закон... копия которого у тебя в руках... был добавлен в Уголовный кодекс в марте, то есть в прошлом месяце...».

Было видно, что Бородину сложно говорить об этом. Он как будто оправдывался. Да он и сам был в шоке: несколько месяцев назад он уверял Гарри, что такие, как он, могли спокойно и свободно жить в СССР и что советское правительство никогда не стало бы преследовать таких, как он.

«Я не могу в это поверить. Я просто не могу в это поверить», — словно в бреду повторял Гарри, сжимая в руках документ.

Ему хотелось разорвать эту бумагу. Но этого ничего бы не изменило.

«Но ведь в статье ясно говорилось, что гомосексуализм в СССР не является преступлением. Что советское общество помогает таким, как я, что...»

«Какая статья?» — перебил Бородин нахмурившись.

«Секундочку...» — Гарри вдруг вскочил со своего места и быстро вышел из кабинета Бородина. Он шел к тому самому шкафу, с книгами и энциклопедиями. Гарри подошел к полкам, не привлекая внимания коллег, которые снова были погружены в работу. Том, который ему нужен, был в самой середине. Гарри помнил это, потому что на днях читал статью в нем. Взяв книгу с полки, он вернулся в кабинет Бородина.

«Вот, посмотрите...» — сказал Гарри, указывая начальнику на нужное место.

Бородин надел очки.

«Здесь, на этой странице, говорится, что советское общество не имеет ничего против таких, как я», — говорил Гарри, пытаясь контролировать свое сбившееся дыхание.

«Ну и что? — сказал равнодушно Бородин, просмотрев статью. — Я знаю автора статьи лично. Это товарищ Серейский. Замечательный психиатр и, насколько мне известно, гомосексуалист. Поэтому я бы не воспринимал его статью всерьез. И вообще, этот том был издан еще в 1930 году, четыре года назад... В то время советская наука еще не понимала ту опасность, которую гомосексуализм представляет для общества».

Глаза Гарри расширились от удивления.

*Опасность?! Какую еще опасность?*

«Я хотел сказать... — Бородин тут же замялся, понимая, что его неосмотрительный комментарий мог обидеть Гарри. — Я хотел сказать... что, конечно, я не считаю тебя опасным для общества, Гарри».

Звучал он неубедительно. Слова Бородина шокировали Гарри не меньше, чем закон, о котором он только что узнал.

«Гарри, подумай об этом, — продолжил Бородин, пытаясь подобрать подходящие слова. — Я назначил тебя своим заместителем. Ну неужели ты и правда думаешь, что я сделал бы это, если бы считал тебя преступником?»

«Зачем тогда было принимать этот закон!?»

«Гарри, — вздохнул Бородин. — Я не знаю. Не я принимал этот закон. Насколько я знаю, ввести этот закон предложили люди из ОГПУ.

*ОГПУ!*

Гарри сразу же вспомнил Колокольцева и его омерзительную улыбку. Улыбку человека, которому нравилось причинять боль другим. Улыбку садиста.

«Товарищ Бородин, когда пропал Иван, я ходил в ОГПУ, чтобы получить разъяснения по этому вопросу...» — признался Гарри.

Теперь шокирован был Бородин.

«Куда ты ходил?» — он не мог поверить своим ушам.

«В ОГПУ...»

«Ты совсем с ума сошел?! И что ты им сказал?»

«Я рассказал им все, что произошло, — спокойно сказал Гарри. — Я сказал им, что я — гомосексуалист, и...»

«Ты сумасшедший! Зачем ты им об этом рассказал? — зарычал Бородин. — Да ты хоть понимаешь, что за люди там работают? Ты что, и правда думал, что там кто-то стал бы внимательно тебя слушать? Ты думал, что эти люди будут жалеть тебя и сочувствовать? Да знаешь ли ты, что творится в стенах того учреждения, куда ты по своей глупости имел смелость пойти!..»

Бородин покраснел. Он с трудом дышал.

Гарри сглотнул комок в горле. Бородин никогда не повышал на него голос.

«У меня был разговор с одним из следователей, — твердо продолжал Гарри. — Он не сообщил мне никаких конкретных подробностей о деле Ивана, но заверил меня, что гомосексуализм не является преступлением».

Бородин неодобрительно покачал головой.

«Ты легко отделался, скажу я тебе, — Бородин начинал постепенно успокаиваться. — Тебе просто повезло, что ты выбрался оттуда живым. Тебе повезло, наверное, потому что ты иностранец. Если бы на твоём месте был другой советский гражданин, то он точно не вышел бы оттуда живым».

«Товарищ Бородин, я уверен, что это ошибка. Товарищ Сталин, возможно, подписал этот закон, потому что он не знает о настоящем положении дел. Возможно, его просто дезинформировали... мы должны сказать ему правду».

«Что ты такое несешь?» — прорычал Бородин, снова багровея.

Бородин был ошеломлен самонадеянностью Гарри. Да что этот иностранец вообще возомнил о себе. С чего он взял, что столь незначительный, даже постыдный вопрос может заслуживать внимание самого товарища Сталина.

Но Бородин также боялся за безопасность Гарри. Думал он и о своей собственной безопасности. Никто не смел подвергать сомнению решения товарища Сталина. Никто. Потому что те, кто это делал, обычно живыми долго не оставались.

Гарри никогда не видел Бородина таким разъяренным.

«Никто даже разбираться не будет... — говорил Бородин, пытаюсь не повышать голос. — Здесь все ясно, закон есть закон. Ты что думаешь, можно так взять и сказать товарищу Сталину, что его решение было неправильным?!»

«Товарищ Бородин, вы встречаетесь с ним каждую неделю, вы могли бы помочь прояснить все это...» — настаивал Гарри.

«Гарри, ты что, не понимаешь, где ты?» — Бородин вскочил со стула и ударил кулаком по столу.

Гарри вздрогнул и чуть отпрянул назад.

«Я не буду этого делать!! Ты, вообще, понимаешь, что в стране сейчас происходит? Забудь об этом и просто занимайся своими делами. Я назначил тебя своим заместителем не для того, чтобы ты приставал ко мне с ерундой, и не для того, чтобы ты подвергал все наше дело опасности. Возьми с собой копию и впредь живи согласно букве советского закона».

Гарри сглотнул комок в горле. Бородин опустил на свое кресло и ослабил воротник рубашки. Закашлялся. Прочистил горло. Их могли услышать другие. Они могли подумать что-то не то. Надо было говорить тише.

В кабинет повисла тишина. Гарри снова посмотрел на копию закона. Придя в себя и немного успокоившись, Бородин сказал как можно спокойнее:

«Иди, пожалуйста, к своему столу, Гарри, и приступай к работе».

Трясущимися руками он потянулся к графину на столе и налил воды в стакан. Затем он вытащил из кармана носовой платок и вытер пот со лба.

«Могу я взять с собой эту бумагу?»

«Я же сказал — бери. И помни про этот закон. Теперь все по-другому», — сказал Бородин, осушив стакан.

Гарри откланялся и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

Он совсем не собирался следовать совету своего начальника.

## Глава 11

*Значит, я был прав...*

*Я был прав...*

*Ивана арестовали из-за того, что он такой же, как и я...*

*Не из-за того, что его отец был кулаком. А просто из-за того, что он другой. Не такой, как все. Что ему нравятся другие парни.*

*А это значит, что я теперь тоже преступник.*

*Теперь меня тоже могут арестовать.*

*Моя жизнь снова в опасности. Может быть, даже в большей опасности.*

*Как же я ошибался.*

*Господи, какой же я был идиот. Идиот, потому что думал, что здесь все будет по-другому.*

*Но теперь мне все понятно. Я знал, что Маша имела в виду именно это.*

*Бородин говорит, что мне нужно забыть все это и жить дальше. Хороший совет. Бородин желает мне добра. Он не хочет, чтобы у меня были проблемы. Он также не хочет неприятностей для самого себя. И правда, я никогда не видел его таким.*

*Но я не могу последовать его совету. Просто не могу. Я бы послушал его, будь я никчемным, бесхребетным трусом. Но я не боюсь. Если бы я боялся, то революционер бы из меня был никакой.*

*Но почему они приняли этот закон? Чем мы насолили советским властям? Знает ли об этом товарищ Сталин? Конечно, он знает. Ведь он сам одобрил и подписал закон.*

*Вдруг в голову Гарри пришла другая мысль.*

*А может быть, товарищ Сталин и не знал, что подписывает. Бородин что-то говорил про ОГПУ. Да, верно, он сказал, что инициатива исходила от ОГПУ.*

Злая улыбка Колокольцева снова мелькнула в памяти Гарри. По его спине пробежала дрожь.

*Возможно, они просто заставили товарища Сталина подписать закон. Возможно, они дезинформировали его. Товарищ Сталин не может знать обо всем. Да, вполне возможно, что какой-нибудь омерзительный чиновник из ОГПУ, вроде Колокольцева, нашептал Сталину, заставил его поверить в то, что не является правдой.*

Да, Гарри было страшно. Но в нем также бурлило другое чувство, которое заглушало страх.

Ярость.

Когда Гарри думал о своей вере в СССР, социалистические идеи и, как ему казалось, прогрессивные взгляды советского руководства, то он негодовал от гнева.

*Наивный дурак.*

Несколько дня спустя после разговора Бородин предложил Гарри взять отпуск на пару дней. Он никогда не видел Гарри таким грустным и обеспокоенным.

«Я не думаю, что от тебя будет много пользы в офисе», — говорил Бородин.

Глубоко внутри Гарри чувствовал себя совершенно беспомощным. Он также чувствовал себя преданным; все его идеалы, вся его вера в коммунистическую свободу, равенство и защиту слабых рушились на его глазах. Горькое чувство разочарования наполнило его, сжимало грудь, мешая дышать. Но постепенно эмоциональное потрясение уступило место более рациональному мышлению.

*Это все ошибка, недоразумение. Товарищ Сталин не мог об этом знать. Новый закон состоит из двух частей: первая часть криминализует половые отношения между двумя взрослыми мужчинами, а вторая — половые отношения между взрослым мужчиной и несовершеннолетним.*

*Я уверен, что товарищ Сталин неправильно понял закон. Возможно, он неправильно прочитал. Возможно, у него просто не было достаточно терпения, чтобы внимательно прочитать проект закона... и он подписал его вот так, без должного ознакомления. Возможно, он просто предположил, что этот закон касается взрослых, которые хотят вступить в связь с детьми. Да, должно быть, именно так. В противном случае вся эта ситуация не имеет никакого смысла.*

Гарри пытался ухватиться за любые логические мысли, которые могли бы помочь ему понять, что происходит.

*Доктор Берг говорил, что это — не преступление. И даже этот неприятный Колокольцев из ОГПУ сказал мне, что он ничего не имеет против таких, как я. Он не мог не знать об этом новом указе.*

*Должно быть, это ошибка.*

*Что я могу сделать?*

*Должен же быть какой-то выход из этой ситуации.*

*Выход? Его нет. Кого я обманываю?*

*Единственный выход — уехать отсюда!*

*Но зачем, зачем советскому правительству нужен такой закон? Если двое мужчин вступают в интимные отношения на добровольной основе, никому не причиняя вреда, какую опасность они могут представлять для общества?*

*Доктор Берг.*

*Он должен знать что-то наверняка об этом законе. Он может объяснить, что происходит.*

Гарри немедленно позвонил в ту самую больницу. В этот раз ему удалось договориться о встрече уже на следующий день.

«Гарри, пожалуйста, присаживайтесь, — сказал доктор Берг, улыбаясь заведя знакомое лицо. — Я рад видеть вас снова и прекрасно помню предмет нашего прошлого разговора». Затем он добавил: «Вы чем-то взволнованы?»

«Спасибо, доктор Берг, я действительно немного взволнован», — сказал Гарри, сжимая в руках портфель и садясь напротив.

«Да, я вижу, чем могу быть полезен в этот раз?»

«Я пришел обсудить с вами тот самый вопрос».

«Да-да, я понимаю. Вы все еще не можете отказаться от идеи начать лечение своих совершенно нормальных наклонностей?»

Доктор Берг улыбнулся.

«Нет, доктор Берг. Я не хочу никакого лечения. Я не думаю, что это можно вылечить».

«Очень хорошо. Это действительно не болезнь. И даже если это и было бы болезнью, то в нашем обществе никто бы вас за это не стал стыдить, а уж тем более арестовывать», — уверенно заявил доктор Берг, держа свои очки в руках.

«Боюсь, доктор Берг, что времена меняются. И совсем не к лучшему. Пару дней назад мне стало известно, что гомосексуализм теперь в СССР считается преступлением».

Берг нахмурился, а затем недоверчиво улыбнулся. Протерев очки платком, он водрузил их на нос.

«Помилуйте, Гарри, с чего вы это взяли? Уверяю вас, что вы, скорее всего, что-то неправильно поняли».

«Позвольте мне вам кое-что показать» — перебил его Гарри. Он открыл портфель, вытащил копию закона и протянул его доктору.

Берг, нахмурившись, наклонился вперед, и взял документ в руки. Около минуты он внимательно изучал его, а затем с выражением недоумения поднял свои глаза к Гарри.

«Что это вы мне такое показываете, молодой человек?»

«Вы сами все видите, доктор. Это новый советский закон, который запрещает мужчинам вступать в однополые отношения... Доктор, вы меня заверили, что таких, как я, здесь не преследуют и что мы можем жить без страха. Мой начальник товарищ Бородин, который показал мне этот документ, совсем недавно заверял меня в том же. Но теперь все по-другому, вы же сами видите?»

«Но я не помню, чтобы в газетах говорилось об этом новом законе. Здесь, в нашем учреждении, нас тоже не о чем подобном не уведомляли. Имейте в виду, если бы такой закон действительно был принят, врачи нашего института были бы немедленно проинформированы».

«Я тоже думал об этом, доктор. Судя по всему, закон был принят без каких-либо публичных заявлений. Без каких-либо публичных объяснений. Его просто приняли, и всё».

После небольшой паузы доктор Берг еще раз пробежался по тексту документа, а затем, оттолкнув его, сказал:

«Честно говоря, молодой человек, в это очень трудно поверить. Очень сложно».

«Вы, наверное, удивитесь, но я ходил в ОГПУ, еще до принятия закона, чтобы узнать их позицию по данному вопросу», — признался Гарри.

Глаза Берга расширились от ужаса, он заморгал и заметно занервничал. Его реакция была очень похожа на реакцию Бородина.

Только сумасшедший мог добровольно пойти в ОГПУ, тем более с таким делом.

«ОГПУ? Гарри, вы хоть понимаете, что сделали?»

Ожидая такой реакции, Гарри продолжил:

«Я пошёл туда узнать, на каком основании арестовали Ивана — моего друга, о котором я вам рассказывал. Я подозревал, что его могли задержать из-за его влечений... Но я хотел знать наверняка. Я пошел к следователям. Но следователь сказал мне, что арест на основании половых влечений невозможен».

Тревога и страх на лице Берга немного рассеялись.

«Я считаю точно так же, — сказал Берг. — Я, конечно, не работаю в правоохранительных органах, но мне, как врачу, уголовное преследование гомосексуалистов кажется бессмысленной затеей. Видите ли, Гарри, гомосексуалисты существуют примерно в равной пропорции во всех странах — около двух процентов населения. Это означает, что в одном только СССР таких, как вы, около двух миллионов! Неужели все они преступники, заслуживающие наказания?»

Гарри кивнул головой в знак согласия. Он думал точно так же.

«Мне кажется, что существование такого меньшинства в обществе, будь то капиталистическое или даже социалистическое общество, следует признать неизбежным, — продолжал доктор Берг. — В таком случае никаких оснований для привлечения этих людей к уголовной ответственности за особенность, за которую они никоим образом не несут ответственности и которую они не в состоянии изменить, даже если бы захотели, просто нет».

«Так что же это тогда такое?» — Гарри указал на документ на столе.

Доктор Берг пожал плечами.

«Я не имею ни малейшего представления, Гарри. Чтобы внести ясность, мы можем сделать следующее. Мой друг, психиатр доктор Разумов, который, кстати, тоже работает здесь со мной, мог бы помочь внести во все это ясность. Он знаком с людьми из Наркомата юстиции. Возможно, они смогут прояснить этот вопрос. Вы знаете, честно говоря, этот документ поверг меня в шок. Я не знал и даже предположить не мог, что такой закон существует. И, честно говоря, я до сих пор не могу в это поверить. Сегодня я поговорю с доктором Разумовым. Приходите ко мне послезавтра. У меня будет больше информации, которой я поделюсь с вами. Я верну вам этот документ в четверг».

Берг потянул документ к себе и положил в верхний ящик стола.

Через пару дней Гарри вернулся.

«Садитесь, Гарри. Как я вам уже говорил, нет абсолютно никаких причин для беспокойства», — объявил доктор Берг, зайдя Гарри на порог кабинета.

Это звучало обнадеживающе, но в это трудно полностью поверить.

«Доктор Разумов сейчас сам придет и все вам расскажет. Он будет здесь с минуты на минуту. Я уверен, что то, что он вам скажет, вас приятно удивит и развеет все ваши сомнения по поводу этого документа, который вы мне на днях принесли».

Слова доктора Берга вселили в Гарри некоторую надежду.

Через несколько минут в кабинет вошел высокий лысеющий мужчина с усами в белом халате.

«Меня зовут доктор Разумов, — сказал он. — Я знаю, что вы сейчас пребываете в некотором замешательстве из-за этого самого документа, который мне показал доктор Берг».

Разумов притворил за собой дверь.

«Честно говоря, я сам немного удивился, и мне самому хотелось выяснить истину. Я связался со своим хорошим другом из Наркомата юстиции товарищем Дёгтем. Уверяю вас, ни один новый закон не обошел бы внимание товарища Дёгтя. Однако товарищ Дёготь ничего не знает об этом законе, копию которого вы на днях принесли доктору Бергу.

«Значит, этот документ — фикция?» — нахмурился Гарри.

«У меня нет ответа на этот вопрос, но я несколько раз читал ему содержание документа во время нашего разговора по телефону. Он сказал, что ничего не слышал об таком законе. Как он мне объяснил, должно быть, произошла какая-то ошибка».

*Ошибка.*

*Это ошибка.*

*Я знал это.*

*Но ведь Иван арестован. Это факт.*

*Бородин также мне сказал, что закон был принят.*

«Товарищ Дёготь также добавил, что, хоть он сам считает гомосексуализм признаком буржуазного вырождения, принимать специальный закон, криминализирующий такое поведение, не имеет никакого смысла», — продолжил доктор Разумов.

«Я ничего не понимаю», — прошептал про себя Гарри.

У него кружилась голова от всей противоречивой информации.

Увидев растерянность и испуг Гарри, Разумов продолжил:

«Скажу вам, что я полностью согласен с моим коллегой доктором Бергом в том, что гомосексуалисты не являются преступниками и совершенно не должны нести никакой ответственности за свою особенность».

Разумов кивнул доктору Бергу, который кивнул в знак согласия.

«Как психиатры с многолетним стажем и большим опытом работы с пациентами, в том числе гомосексуалистами, хочу вас заверить, что принятие такого закона абсолютно бессмысленно, и я очень сомневаюсь, что наше государство пойдет на такой шаг».

«Да, Гарри, — сказал доктор Берг, — я уже говорил вам, что гомосексуализм неизлечим. На каком основании мы можем считать таких людей преступниками? Абсурд!»

«Тогда мы должны объяснить товарищу Сталину, что этот новый закон бесполезен и вреден для СССР. Нужно написать ему», — заключил Гарри.

Берг и Разумов тут переглянулись, выпучив от страха глаза. Спокойное и рассудительное выражение на их лицах тут же исчезло.

«Гарри, зачем вам это? Не нужно никому писать, тем более товарищу Сталину, который, я считаю, лучше всех знает, что происходит в нашей стране. Может быть, его еще не проинформировали», — дрожащим голосом произнес Берг. Лицо его побледнело.

«Я тоже так думаю, Гарри», — вторил Разумов, который тоже не мог скрыть шока от хода мыслей Гарри.

«Вы не понимаете! — Гарри покачал головой. — Если этот закон действительно будет принят, то он нанесет ущерб многим и без того несчастным, страдающим людям. Это будет означать, что СССР вступает на тот же путь, что и капиталистический мир...»

Разумов и Берг снова переглянулись.

Этот иностранец сошел с ума.

«Мы прекрасно понимаем и сочувствуем вам, Гарри, но я бы настоятельно рекомендовал не следовать этой безрассудной идее и тем более не беспокоить товарища Сталина. Я думаю, вы должны понимать, что сейчас дела в стране обстоят не самым лучшим образом», — говорил Берг.

«Я все прекрасно понимаю. Но вам легко говорить, доктор. Вы не живете всю свою жизнь в постоянном страхе. Вы не боитесь, что вас отвергнут близкие или что вас бросят в тюрьму. Если этот закон был принят, то он радикально изменит мою жизнь, и не только мою...»

«Гарри... — взмолился доктор Разумов. — Мы с коллегой полностью разделяем ваше беспокойство, но мы абсолютно убеждены, что письмо товарищу Сталину может принести вам больше неприятностей...»

«Я тоже понимаю и разделяю ваши опасения, — сказал Гарри. — Я вижу ваш страх, страх поднять эту неудобную тему... Но я не могу допустить, чтобы СССР пошел по тому же пути, что и капиталистическое общество!»

«Гарри, если ты все же решишься на этот шаг, пожалуйста, не упоминай наши имена в письме. Мы очень надеемся на твое понимание», — взмолился доктор Разумов.

«Я не буду этого делать, обещаю вам, — сказал Гарри, вставая со стула и беря портфель. — Доктор Берг, могу ли я получить документ, который я вам дал?»

Доктор Берг без промедления вытащил документ из ящика стола и протянул его Гарри. Засунув бумагу в портфель и сказав «до свидания», Гарри вышел за дверь.

## Глава 12

В последующие дни Гарри обдумывал дальнейший план действий.

*Бородин сказал, что инициатива принять закон могла принадлежать ОГПУ. Если это так, то они точно смогут мне все объяснить.*

Мысль о том, что Гарри придется снова увидеть Колокольцева и его дьявольский оскал, заставила его содрогнуться. К тому же, во время своего первого визита в ОГПУ Гарри не сильно слишком беспокоился о своей безопасности. Да, он тогда не знал, существовал ли закон о мужеложстве в СССР и являлись ли люди, как он, преступниками. Но тогда он все равно допускал, что вероятность этого была мала. Но на этот раз, зная, что закон о мужеложстве точно существует, Гарри осознавал, что поход в ОГПУ был делом опасным.

После признания, которое он сделал Колокольцеву, тот мог тут же арестовать его. А потом...

*Будь что будет, мне все равно.*

Через несколько дней Гарри снова стоял в очереди в бюро пропусков ОГПУ. На этот раз он знал, что делать, что просить и к кому идти.

*Колокольцев уверял меня, что гомосексуализм в СССР не является преступлением. Посмотрим, что он скажет в этот раз.*

Стоя в очереди к окнам, Гарри показалось, что голоса офицеров ОГПУ в окнах были резче, громче и злее. Он также видел, что на этот раз здесь было больше людей. Гарри сам не знал, было ли это субъективное ощущение или это действительно означало, что количество арестов по всей стране резко возросло.

Заикаясь, рыдая, измученные и изможденные, женщины и мужчины представляли перед безжалостными людьми в форме в окнах, которые кричали, затем захлопывали окно, затем снова открывали, кричали и опять захлопывали его.

«Полное имя!»

«Арестован!»

«Расследование еще продолжается!»

«Ждите ответа!»

«Приходите завтра!»

«Расстрелян!»

Каждый из этих выкриков заставлял Гарри содрогнуться. На этот раз очередь к окнам двигались гораздо медленнее и среди посетителей было больше разговоров, плача, рыданий, стонов, скорби об аресте своих родственников и друзей.

«Мне сказали, что мой муж — враг народа...»

«Наверное, его застрелили...»

«О Боже, помоги нам. Что мы такого сделали?»

«Заткнись, хватит сеять здесь панику!»

«Бедные дети! Кто о них позаботится? У них же никого нет».

Кровь в висках Гарри пульсировала. У него начала болеть голова. Ему не хватало воздуха.

*Я схожу с ума. Я просто не могу больше этого терпеть. Я просто не могу.*

Все вокруг закружилось, лица люди вокруг Гарри превратились в одно размытое пятно. Его правая рука начала судорожно искать опору, но не было ничего, на что он мог бы опереться.

«Следующий!» — крикнул один из офицеров в окошках.

Гарри почувствовал толчок сзади.

Его очередь. Перед Гарри сидел все тот же офицер, что и в прошлый раз.

Никакого сочувствия.

Никакой пощады.

Ничего человеческого.

«Что вам нужно?» — оскалился офицер.

«Увидеть Колокольцева».

«Документы!»

Гарри опять предъявил свой пропуск. Он попытался опереться о стену. Было невероятно жарко. Воздуха в помещении совсем не было.

«ЖДИТЕ!» — окно захлопнулось.

Пропуск в главное здание ОГПУ оказался в руках Гарри через несколько минут. Он протолкнулся сквозь толпу и выскочил наружу. Свежий весенний воздух наполнил его легкие. Он сделал несколько глубоких вдохов.

*Я думал, что я там просто упаду в обморок.*

Почувствовав облегчение, Гарри направился к главному зданию ОГПУ на Лубянской площади. Он прошел через знакомый пост охраны у входа, затем по мрачным коридорам мимо молчаливых солдат с висящими на плечах винтовками.

Комната 219.

Следователь Колокольцев встретил его презрительной ухмылкой. В этот раз он выглядел еще более зловещим. Он чувствовал большую власть над этим жалким иностранцем. И в этот раз, если бы он сильно захотел, то вполне смог бы обращаться с ним, как и со своими обычными жертвами.

Гарри чувствовал отвращение, которое он вызывал у Колокольцева, но его это не волновало.

«Я хочу сразу предупредить вас, что у меня мало времени, поэтому ближе к делу», — Колокольцев обнажил кривые зубы в дьявольской улыбке.

Он прекрасно знал, зачем иностранец пришел сюда. Он знал, что он придет сюда задавать свои вопросы. Сам придет добровольно в его лапы.

«Товарищ Колокольцев, вы были не правы, закон против гомосексуалистов в СССР все-таки существует».

Гарри вытащил копию сталинского указа из портфеля и подтолкнул его к Колокольцеву, который демонстративно потянулся за лежавшей на столе пачкой сигарет и закурил. Он даже не пытался пододвинуть документ поближе чтобы рассмотреть его. Его мало заботили бумажки этого жалкого иностранца.

Видя, что Колокольцева мало интересует лежащий перед ним документ, Гарри подтолкнул его ближе к следователю.

«Вот документ, вот закон».

«Ну и что с того?» — Колокольцев закурил всем своим видом показывая, что ему плевать.

Он явно наслаждался этим моментом.

«Как что, товарищ Колокольцев? Вы мне сами сказали, что советское государство не преследует людей за их половые влечения».

«Я?» — Колокольцев изобразил фальшивое удивление. Он выпустил облако дыма. Затем затянулся снова. И еще одно облако дыма.

Потом он наклонился вперед и зловеще добавил: «Я тебе ничего не говорил, понял? Забудь все, что я тебе говорил. В противном случае у тебя могут быть большие проблемы».

Гарри не ожидал перехода на «ты».

«Это угроза?»

«Нет, я просто предупреждаю тебя, — говорил Колокольцев, властно и деловито выпуская очередное облако дыма. — Пока. Я тебе официально заявляю, что если ОГПУ получит информацию о каком-то подобном поведении с твоей стороны, то мы немедленноотреагируем и арестуем тебя! Тебе это понятно?»

В комнате повисла тишина. Лишь слышалось тиканье часов на столе у следователя.

«Еще вопросы? — сказал наконец следователь, погасив вонючую сигарету в огромной стеклянной пепельнице.

«Значит, я теперь преступник?»

«Пока нет. Но, повторяюсь, если мы получим сигнал, что ты занимаешься этими мерзкими, преступными вещами, мы тебя арестуем», — сквозь зубы сказал Колокольцев.

Если бы он мог, он бы с удовольствием избил этого иностранца до полусмерти прямо сейчас, в этой комнате. Его кулаки зудели от разочарования.

«И Ивана задержали потому, что он был гомосексуалистом?» — Гарри знал, что терпение Колокольцева было на исходе, но все равно продолжал задавать вопросы.

«Повторяю — с такими запросами нужно обращаться в справочную, а не ко мне, — злобно процедил Колокольцев. — В СССР есть закон о мужеложстве. Половые отношения между мужчинами незаконны».

«Это противоречит тому, что говорит товарищ Сталин».

*Каков же идиот*, — подумал про себе Колокольцев.

«Интересно, почему это», — ехидная ухмылка не сходила с лица следователя.

«Я читаю, что говорит товарищ Сталин. Я даже выписал некоторые его высказывания из его недавних докладов. Вот».

Гарри порылся в портфеле и вытащил еще один документ, который тут же зачитал следователю: «Вот цитата товарища Сталина из его доклада XVII съезду партии ЦК ВКП(б): "Всякому ленинцу известно, если он настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического государства, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем быту жили по одному образцу..."»

И тут терпение Колокольцева лопнуло.

«Заткнись уже наконец!» — рявкнул он, побагровев. Он еле сдержался, чтобы не вытащить револьвер в свой кобуре и не застрелить этого наглого иностранца. Как же ему хотелось застрелить его. Один резкий хлопок, а затем благословенная тишина.

«Нет, позвольте мне закончить. Это речь товарища Сталина!»

«Я сказал, заткнись!» — Колокольцев вскочил с места, чуть не опрокинув стул.

Гарри тоже стоял, окаменев.

Колокольцев уже пожалел, что позволил этому иностранцу прийти сюда еще раз и отнимать время. Если бы он не был иностранцем, то давно бы лежал на полу, захлебываясь кровью.

«Я сказал, хватит. Я знаком с докладом товарища Сталина. Не забывай, где ты находишься. Если это все, что у тебя есть, то больше я ничем не могу тебе помочь. И предупреждаю, если нам поступит сигнал, то мы тебя арестуем, и наш следующий разговор уже будет идти по-другому».

«А Иван?»

«Я сказал, что мне плевать! — Колокольцев ударил кулаком по столу. — Вас, педерастов, надо всех сгноить в тюрьме, и я рад, что мы наконец со всеми вами разберемся!»

Гарри наконец замолчал.

Колокольцев сел на стул.

«Знаешь ли ты вообще, что все эти ублюдки, ублюдки вроде тебя, развращают молодежь и молодых краснофлотцев? Тебе известно, что среди этих ублюдков много шпионов из Германии?» — горько кричал Колокольцев.

Его вообще не волновало, что о нем думает Гарри, он просто хотел, чтобы тот по скорее убрался, пока у него окончательно не закончилось терпение.

Гарри стоял неподвижно.

«Эти ублюдки вербуют нашу молодежь, распространяют контрреволюционную пропаганду! Этот закон правильный, и ошибки здесь быть не может. А теперь пошел вон отсюда, мне не о чем с тобой больше разговаривать, да и времени у меня больше обсуждать эту ерунду с тобой нет».

## Глава 13

*«Арестован!»*

*«Идет расследование!»*

*«Ждите ответа!»*

Все эти слова, которые Гарри слышал в бюро пропусков, вихрем крутились в его голове. Лица мужчин и женщин, которых он там видел, надолго засели в его памяти. Рыдающие, плачущие женщины, стоящие у окон, пытающиеся доставить посылки арестованным родственникам и надеющиеся их увидеть. Лающие офицеры, нечеловечески холодные и жестокие, ощущающие свою власть над этими толпами несчастных людей.

*«Вас, педерастов надо всех сгноить в тюрьме, и я рад, что мы наконец со всеми вами разберемся...»*

Эти слова Колокольцева также звенели в голове Гарри, занимая его мысли, оглушая его.

*«Я сказал, заткнись!»*

Гарри попытался собраться с мыслями, но это показалось ему непростой задачей. В течение следующих нескольких дней он казался неспособным думать ни о чем другом.

Мир вокруг него изменился.

Изменился навсегда.

Он жил в новой реальности.

Он больше не испытывал той триумфальной радости, которая у него была раньше. Чувство безопасности, которое когда-то наполняло его душу и разум, тоже исчезло.

Гарри был в смятении. Он отчаянно пытался сосредоточить свое внимание на работе и хоть немного отвлечься от тревожных мыслей. Но все его мысли все равно возвращались к одному и тому же.

*Теперь я в опасности.*

Иногда на него находила паника. Затем паника отпускала его, и он внезапно чувствовал импульс предпринять какое-то действие. Нужно было что-то сделать. Но он не знал, что именно. Отчаяние сжимало его грудь, временами мешая дышать. Его снова охватывала паника.

*Я в опасности, и это точно никакая не ошибка. То, от чего я пытался убежать, настигло меня здесь.*

*Каким наивным идиотом я был. О чем я только думал?*

*Но откуда мне было знать? Теперь все это не имеет значения...*

*Моя жизнь в опасности.*

*Нужно уезжать. Но куда? В Шотландию?*

Затем паника снова отступала. В эти моменты Гарри пытался прислушиваться к своему разуму.

*Нет, здесь должна быть какая-то ошибка.*

*Думай, Гарри! Возможно, еще что-то можно сделать.*

*Возможно, товарищ Сталин действительно ничего знает.*

*Я уверен, что за созданием этого закона стоят такие люди, как Колокольцев! Сталин не мог иметь к этому никакого отношения. Это невозможно.*

И тогда Гарри пришла в голову еще одна мысль. Он напишет товарищу Сталину и объяснит ему ситуацию. Это единственное, что он мог сделать.

Он, конечно, понимал, что писать товарищу Сталину по личному делу было бы нескромно и даже неприлично. Поэтому вместо того,

чтобы посвятить письмо ситуации с Иваном, Гарри решил просто поделиться с советским лидером своими мыслями о том, как принятие такого закона окажет отрицательное влияние на жизнь в СССР.

В том, что Гарри пришла в голову мысль написать Сталину, было мало чего удивительного. Многие советские люди писали Сталину, и писали так много, что в его секретариате был создан целый отдел, отвечающий за прием, обработку писем и ответ на них.

Обычно сотрудники этого отдела разделяли письма на четыре группы. В первой группе были письма, которые, по мнению сотрудников отдела, не представляли интереса для Сталина и поэтому должны были быть отправлены в архив. Во второй группе были письма, которые перенаправлялись в государственные учреждения. В третьей — письма, которые перенаправлялись должностным лицам в другие ведомства. И в четвертой — письма, которые оказывались на столе у самого Сталина.

Сотрудники отдела писем знали, какие темы обычно интересовали Сталина. Например, они знали, что Сталину нравилось получать письма от своих товарищей по революции, а также письма, в которых адресаты предлагали ему свое видение существующих законов и различных явлений жизни в Советском Союзе.

Гарри понимал, что вероятность того, что его письмо окажется в конце концов на столе у Сталина, была велика. В конце концов, Гарри был заместителем главного редактора газеты «Москоу Дэйли Ньюс», которую курировал Сталин и назначения в которой наверняка обсуждал с Бородиным.

На составление письма ушло несколько недель. Вычеркивая и добавляя новые абзацы, Гарри тщательно подбирал выражения и обороты, чтобы письмо звучало вежливо и уважительно, но и чтобы выражало точку зрения Гарри. Гарри писал с одержимостью. С одержимостью защитить себя, доказать свою правоту и...

восстановить справедливость. Он верил, что это еще можно было сделать.

Временами его посещали мысли о возможных негативных последствиях своего предприятия.

*Что, если меня арестуют? Зачем тебе все это?*

*Почему бы тебе просто не уехать?*

*И куда мне ехать? Так думают только трусы.*

*Сталин не идиот, он умный руководитель, поэтому поймет, что этот закон не имеет смысла. Он поймет, что этот закон на самом деле вреден, вреден для советского общества. Он поймет, что Советскому Союзу будет лучше без таких законов.*

*Но, даже если он прочитает письмо, неужели ты думаешь, что он сразу же все поменяет? Возьмет и изменит законодательство? И вообще, почему ты думаешь, Гарри, что он будет слушать тебя, какого-то шотландца?*

*Да, но я теперь не просто шотландец, не так ли? Я заместитель Бородина. Я работаю в газете, главный редактор которой лично знаком со Сталиным. Если товарищ Сталин поймет обоснованность моих доводов, возможно, он согласится встретиться со мной для обсуждения этого лично.*

*А может быть, и нет. Но, он наверняка захочет еще раз взглянуть на закон о мужеложстве. Возможно, прочитав закон внимательнее, он поймет, что нет необходимости преследовать взрослых мужчин просто за их желание любить друг друга.*

*Да, товарищ Сталин не обязательно должен симпатизировать таким, как я. Это его личные взгляды. Но нельзя просто взять и решить, что все такие мужчины преступники!*

*В письме я изложу свою точку зрения четко и ясно. Я напишу умное, хорошо аргументированное письмо, которое он не сможет оставить без внимания.*

*А что тогда Иван?*

*Не знаю, смогу ли я ему помочь, но, может быть, мне удастся хотя бы увидеться с ним.*

*Может быть, товарищ Сталин позволит мне с ним увидеться.*

*Если бы я только мог увидеть его.*

К июню 1934 года Гарри закончил черновик письма. Хотя Гарри очень хорошо говорил на русском, он понимал, что его письмо Сталину должно быть идеальным с точки зрения языка и грамматики. Нужно было, чтобы кто-нибудь прочитал его письмо и при необходимости исправил ошибки.

*Павел.*

«Мне нужна твоя помощь», — сказал Гарри ему по телефону.

«Помогу чем смогу, в чем дело?»

«Можем ли мы еще раз встретиться в "Веселом сверчке"? Сегодня вечером?»

«Это касается Ивана?»

«Не совсем. Объясню все при встрече».

В тот же вечер, сидя в трактире, Гарри рассказал Павлу о событиях последних недель — о его визитах в ОГПУ, разговоре с Бородиным и доктором Бергом. Он также рассказал ему о том, что теперь в СССР существует закон о мужеложстве.

«Ты что, и правда ходил в ОГПУ? — Павел в шоке выпучил глаза. — Я говорил тебе, Гарри, говорил, что я не верю, что в СССР не существует уголовного преследования гомосексуалистов».

Павел нервно огляделся вокруг. Был вечер среды, и в трактире было мало посетителей. За стойкой бара в глубине зала стояли официанты в фартуках, протирая стаканы и о чем-то громко говоря.

«Я до сих пор не могу в это поверить, — сказал Гарри. — Но я позвонил тебе не для этого. Мне нужна твоя помощь».

Гарри протянул Павлу конверт, в котором лежало несколько сложенных листов бумаги с машинописным текстом на русском языке.

«Что это?»

«Это письмо... — сказал Гарри, наблюдая, как Павел вытаскивает один из листов из конверта и пробегает глазами по первому абзацу. — В этом письме я говорю, что закон против гомосексуалистов бесполезен и вреден для советского общества».

«Кому это письмо?»

«Товарищу Сталину».

Павел в ужасе посмотрел на Гарри.

Гарри уже привык к такой реакции. Каждый раз, когда он упоминал имя Сталина или объявлял о намерении обратиться в ОГПУ, он видел животный страх в глазах своих собеседников.

Но сам Гарри знал, что Сталина нельзя было бояться. Не Сталин арестовывал людей, а его тайная полиция, такие люди, как Колокольцев. Товарищ Сталин, занятый важными государственными делами, вероятно, не знал, что происходит. Но скоро он узнает.

«Гарри, ты понимаешь, что делаешь? Ведь, если этот закон действительно приняли, то ты признаешь, что ты преступник или, по крайней мере, защитник преступников. Да и вообще — ты хочешь писать товарищу Сталину о таком интимном и даже неприличном деле, — продолжал Павел. — Что ты творишь? Что ты с собой делаешь? Посмотри на себя! У тебя изнеможенный вид! Тебе нужно прийти

в себя. Отдохнуть немного. Как только ты отдохнешь, все твои безумные идеи покажутся тебе смешными».

У Гарри действительно были проблемы со сном с тех пор, как он узнал о существовании закона о мужеложстве.

«Пожалуйста, Павел. Это не сумасшедшая идея. Я делаю это, потому что хочу знать правду. Я просто хочу знать, что здесь на самом деле происходит. Я тщательно изучил вопрос за последние месяцы, и я полностью убежден, что товарищ Сталин захочет меня выслушать».

«Ты сумасшедший, Гарри... Но хорошо, так и быть. Я помогу тебе».

Павел снова посмотрел на листы бумаги, сложил их и сунул в карманы брюк. «Письмо довольно длинное, но я думаю, что смогу закончить его к следующей неделе».

Через неделю отредактированное письмо было тщательно напечатано и готово к отправке. Но, в отличие от обычных советских граждан, которые отправляли письма Сталину обычной почтой, у Гарри был гораздо более быстрый способ сделать.

Через Бородина.

После их последнего разговора отношения между ними похолодели. Те отеческая улыбка и доброжелательность, которые Гарри всегда чувствовал в Бородине по отношению к себе, исчезли. Теперь при разговорах с Гарри у Бородина было всегда холодное выражение лица. Несмотря на это, Гарри был уверен, что правда была на его стороне. А если правда была за Гарри, то Бородин, конечно же, мог бы помочь ему.

Гарри был полон надежды и решимости.

«Товарищ Бородин», — сказал Гарри, войдя в кабинет Бородина после стука в дверь.

Бородин поднял брови. Он выглядел нервным.

Кто знает, что было на уме у иностранца в этот раз? Возможно, Бородину вообще не стоило приглашать Гарри работать в СССР. Но откуда он мог знать, кем был Гарри? Но это не было проблемой. Откуда он мог знать, что законы в СССР изменятся таким образом? Всю эту ситуацию невозможно было предугадать. Винить было некого.

Но Гарри становился непредсказуемым. Вся ситуация теперь была непредсказуемой. И Бородину это не понравилось. Он чувствовал нарастающий страх за будущее Гарри — и за свое собственное будущее.

«Товарищ Бородин, не могли бы вы передать это письмо товарищу Сталину, когда увидите его в следующий раз?»

Гарри протянул Бородину конверт, на котором было написано: «ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ».

«Гарри, я подозревал, что ты просто так это не оставишь», — сказал Бородин, тяжело вздыхая.

Бородину все это уже немного начинало надоедать. Да и вся эта ситуация становилась все опаснее и опаснее.

«Товарищ Бородин, пожалуйста, выслушайте меня, — взмолился Гарри. — Это очень важно».

«Я тебя понимаю, Гарри. Я тебя прекрасно понимаю. Но пойми и меня. Я не хочу никаких неприятностей ни себе, ни газете. Если закон принят, значит, он принят. Значит, товарищ Сталин его рассмотрел. Обдумал. Подписал. Посчитал необходимым ввести такой закон в наш Уголовный кодекс».

«Но я убежден, что просто произошла ошибка».

«Гарри, я не хочу это больше обсуждать. Давай, наконец, оставим этот вопрос в покое. Я не хочу больше об этом слышать. И не хочу видеть здесь никаких писем на данную тему».

Бородин движением руки попросил Гарри убрать письмо с глаз долой.

«Убери это письмо и порви его, — продолжал Бородин. — Спрячь, делай что хочешь, но не смей посылать это товарищу Сталину. Нам не нужны проблемы, я рассчитываю на твой здравый рассудок. Пообещай мне, Гарри, что никогда больше не поднимешь эту тему? Забудь обо всем этом, просто живи, не нарушая советский закон...»

Но Гарри не мог просто так забыть обо всем это. Он, несмотря на свои колебания, был не из тех, кто следовал советам, которые, как он знал, были ошибочными.

В тот же день он направился на почту.

*Если Бородин не хочет, не может или боится мне помочь, я помогу себе сам.*

Тщательно распечатав имя и адрес получателя, Гарри взглянул на портрет Сталина, висевший на стене почтового отделения. Мудрое, спокойное лицо разумного лидера, действительно заботившегося о будущем своей страны, своего народа.

*Конечно, Сталин прочтет письмо и все поймет, — думал Гарри. — Товарищу Бородину об этом знать ничего не надо. Я вижу, что он меня уже терпеть не может.*

*Товарищ Сталин мудрее. Не зря он находится во главе такой большой и великой страны. Он поймет, что гомосексуалисты могут быть полезны обществу. Возможно, он даже позовет меня к себе и побеседует, захочет узнать больше. Он же не может знать всего. Я объясню ему. Возможно, он даже позвонит в ОГПУ и прикажет освободить Ивана. Все будет хорошо. Конечно.*

С этими мыслями Гарри бросил письмо в деревянный почтовый ящик на улице. Когда он вышел из почтового отделения, небо затянуло тучами и накрапывал дождь.

## Глава 14

*Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?*

*Г. Уайт — И. В. Сталину*

*Май 1934*

*Товарищу Сталину*

*Дорогой товарищ Сталин!*

*Хотя я иностранный коммунист, еще не получивший перевод в ВКП(б), все же я думаю Вам, вождю мирового пролетариата, не покажется неестественным, что я обращаюсь к Вам с просьбой осветить вопрос, который, как мне представляется, имеет большое значение для целого ряда коммунистов как в СССР, так и других странах мира.*

*Вопрос заключается в следующем: может ли гомосексуалист считаться человеком, достойным состоять членом коммунистической партии?*

*Недавно изданный закон, об уголовной ответственности за мужеложство, утвержденный ЦИК СССР 7 марта сего года, по-видимому означает, что гомосексуалист не может быть признан достойным носить звание советского гражданина; тем менее, следовательно, следует считать их достойными быть членами ВКП(б).*

*Будучи лично заинтересован в этом вопросе, — поскольку я сам гомосексуалист, — я обращался с этим вопросом к целому ряду товарищей из ОГПУ и Наркомюста, к психиатрам и к товарищу Бородину, ответственному редактору газеты, в которой я работаю.*

*Все, чего я добился, это ряд противоречащих мнений, которые показывают, что среди этих товарищей нет ясного теоретического понимания того, что могло послужить основой для принятия указанного закона.*

*Первый психиатр, к которому я обратился по этому вопросу, дважды уверял меня, после того, как он согласовал это с Наркомюстом, что его пациенты, если они являются честными гражданами или хорошими коммунистами, могут устраивать свою личную жизнь как им заблагорассудится. Товарищ Бородин, сказавший, что он лично относится к гомосексуализму отрицательно, вместе с тем заявил, что он считает меня достаточно хорошим коммунистом, что мне можно доверять и что я могу вести такую личную жизнь, какая мне нравится.*

*Несколько ранее этого, когда аресты гомосексуалистов лишь только начинались, товарищ Бородин был очень далек от того, чтобы рассматривать меня как уголовно наказуемое лицо, не считал меня плохим коммунистом, что нашло выражение в том, что он повысил меня на работе, назначив заведующим редакцией, что является самой ответственной должностью, за исключением членов редакционной коллегии. Немного позже, когда уже существовал вариант закона от 17 декабря, но еще до опубликования его 7 марта, в связи с арестом одного лица, с которым я состоял в гомосексуальных сношениях, я обратился в ОГПУ, и мне было заявлено, что не имеется ничего инкриминируемого мне.*

*Все эти заявления создавали впечатление, что советские органы юстиции преследовали не гомосексуализм вообще, но определенных социально опасных гомосексуалистов. Если это действительно так, то тогда есть ли необходимость в общем законе?*

*Однако, с другой стороны, уже после опубликования закона 7 марта я имел разговор в ОГПУ, и мне было заявлено, что закон будет жестко применяться в каждом обнаруженном случае гомосексуализма.*

*В связи с той неясностью, которая существует в этом вопросе, я и обращаюсь к Вам, в надежде, что Вы сумеете найти время, чтобы дать ответ.*

*Разрешите мне в связи с этим изложить Вам этот вопрос так, как я его понимаю.*

*Прежде всего мне хотелось бы указать на то, что я рассматриваю положение гомосексуалистов, являющихся по своей классовой принадлежности рабочими или трудящимися вообще, как аналогичное положение женщины при капиталистическом строе и аналогичное положение угнетаемых империализмом цветных рас; оно также во многом подобно положению евреев при гитлеровской диктатуре, да и вообще не трудно увидеть в нем аналогию с положением любой социальной прослойки, подверженной эксплуатации и преследованию в условиях капиталистического господства.*

*Анализируя характер преследований гомосексуалистов, надо иметь в виду, что гомосексуалисты бывают двух родов: во-первых, такие, которые являются таковыми с самого рождения; во-вторых, есть гомосексуалисты, которые знали нормальную половую жизнь, но впоследствии стали гомосексуалистами, толкаемые иногда порочностью, а иногда и экономическими соображениями.*

*В отношении второй группы вопрос разрешается сравнительно быстро. Люди, становящиеся гомосексуалистами в силу своей развращенности, обычно принадлежат к буржуазии, отдельные представители которой становятся на этот путь после того, как они пресытились всеми видами наслаждений и извращений, доступных в пределах половых сношений с женщинами.*

*Среди тех, кто становится на этот путь по экономическим соображениям, мы находим представителей мелкой буржуазии, люмпен-пролетариата и — пусть это не покажется странным — пролетариата. В результате материальной нужды, особенно усиливающейся в периоды кризисов, эти люди вынуждены временно обратиться к такому способу удовлетворения своих половых потребностей, поскольку отсутствие средств лишает их возможности жениться или даже хотя бы обращаться к проституткам. Есть и такие, которые становятся гомосексуалистами не для того, чтобы удовлетворить свои потребности, но чтобы зарабатывать себе на хлеб проституцией (это явление получило особое распространение в современной Германии).*

*Но наукой установлено, что существуют конституциональные гомосексуалисты. Исследования показали, что гомосексуалисты этого типа существуют примерно в равной пропорции среди всех классов общества. Можно считать также установленным, что, с небольшими отклонениями, гомосексуалисты в общем составляют около двух процентов населения.*

*Если принять эту пропорцию, то выйдет, что в СССР около двух миллионов гомосексуалистов. Не говоря уже о том, что среди них имеются наверняка и такие, которые оказывают помощь социалистическому строительству, но неужели возможно, как того требует закон 7 марта, подвергнуть заключение такое большое количество людей!*

*Подобно тому, как женщины буржуазного класса страдают в значительно меньшей мере от несправедливости капиталистического строя (вы, конечно, помните это высказывание Ленина), так и прирожденные гомосексуалисты, являющиеся членами господствующего класса, страдают гораздо меньше от*

*преследований, чем гомосексуалисты из среды трудящихся. Надо сказать, что даже в СССР существуют условия, усложняющие быт гомосексуалистов и часто ставящие их в тяжелое положение (я подразумеваю трудность нахождения партнера для полового акта, поскольку гомосексуалисты составляют меньшинство населения, которое вынуждено в той или иной мере скрывать свои истинные наклонности).*

*Я всегда считал неправильным выдвигание отдельного лозунга об освобождении гомосексуалистов из среды трудящихся от условий капиталистической эксплуатации. Я полагаю, что это освобождение является неотделимым от общей борьбы за освобождение всего человечества от гнета частнособственнической эксплуатации.*

*У меня не было намерений делать из этого проблему, ставить этот вопрос теоретически и добиваться определенного партийного мнения по этому вопросу. Однако, в настоящее время, сама действительность выдвигает этот вопрос, и я считаю существенно важным добиться принципиальной ясности в этом вопросе.*

*Товарищ Бородин указал мне, что тот факт, что я гомосексуалист ни в какой степени не уменьшает мою ценность как революционера. Он оказал мне высокое доверие, назначив меня заведующим редакцией. Он тогда не относился ко мне как к человеку, который может стать или является уголовно наказуемым. Он указал также, что моя личная жизнь не является чем-то, что могло бы хоть в малейшей степени повредить моему положению как члена партии и работника редакции.*

*Когда я поставил перед ним вопрос об арестах, он снова — а через него ОГПУ — уверили меня, что в данном случае причины были политического характера, а отнюдь не общественно-морального характера... После того как я сделал соответствующее заявление в ОГПУ, мне было сказано: «Против Вас, ничего инкриминирующего*

*нет. Специалист-психиатр, с которым я говорил по данному вопросу, отказался поверить в существование подобного закона, пока я не показал ему экземпляр его.*

*Товарищ Бородин указал мне, что я не должен придавать большого значения статье о гомосексуализме в Большой Советской Энциклопедии, потому что — как он сказал — автор ее сам гомосексуалист, и статья была напечатана в тот период, когда целый ряд уклонов еще не был вскрыт<sup>2</sup>. Я не думаю, что следует относиться с недоверием к истории Коммунистической партии, если она написана коммунистом; если эта статья и была написана гомосексуалистом, то все, что от него требовалось, заключалось в объективном и научном подходе к гомосексуализму. Во-вторых, мне достаточно хорошо известна действительность советского политического контроля над печатью, чтобы допустить возможность опубликования статьи с серьезными уклонами в издании такого характера как Большая Советская Энциклопедия. Если это возможно в отношении отдельных статей в каком-нибудь незначительном журнале или газете, то не в БСЭ. Я во всяком случае считал возможным отнестись с полным доверием к изданию, редакторами которого состоят такие лица, как Молотов, Куйбышев, Покровский...*

*Я посетил двух психиатров, добиваясь ответа на вопрос о возможности «излечения» от гомосексуализма, — Вы, может быть, удивитесь этому. Я признаю, что с моей стороны это был оппортунизм (на сей раз, пожалуй, это можно простить), но меня толкало на это стремление найти хоть какое-нибудь решение этой проклятой дилеммы. Меньше всего мне хотелось бы стать в противоречие с решением советского правительства. Я готов был пойти на все, лишь бы избежать необходимости оказаться*

---

<sup>2</sup> Имеется в виду, что половые извращения были плохо изучены.

*в противоречии с советским законом. Я пошел на это, несмотря на то, что мне не было известно, удалось ли или нет новейшим исследователям установить истинную природу гомосексуализма и возможность обращения гомосексуалистов в гетеросексуалистов, то есть в людей, вступающих в половой акт лишь с представителями другого пола. Если бы такая возможность была действительно установлена, тогда все было бы, конечно, проще.*

*Но, говоря откровенно, если бы возможность этого и была установлена, я бы все же колебался в том, насколько действительно желательно обращение гомосексуалистов в гетеросексуалистов. Конечно, могут существовать определенные политические мотивы, чтобы это стало желательным. Но мне представляется, что необходимость такого уравнительного мероприятия должны быть подкреплена необычайно сильными мотивами.*

*Несомненно желательно, чтобы большинство людей были нормальными в половом отношении. Я боюсь, однако, что этого никогда не будет. И я думаю, что мое опасение находит свое подтверждение в фактах истории. Я думаю, что можно с уверенностью сказать, что большинство людей желают и будут желать нормальной половой жизни. Однако я сильно сомневаюсь в возможности того, что все люди будут совершенно одинаковыми в отношении своих половых наклонностей.*

*Напоминаю вам, что гомосексуалисты составляют всего два процента населения; вспомните также, что среди этих двух процентов были такие исключительно одаренные люди, как Сократ, Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Шекспир и Чайковский. Это те, о которых известно, что они были гомосексуалистами. А сколько еще талантливых людей было среди гомосексуалистов, которые скрывали свои истинные наклонности?*

*Я ни в коем случае не намерен защищать абсурдную теорию о том, что гомосексуалисты принадлежат к породе каких-то сверхчеловеков, что гомосексуализм и гениальность синонимы, что гомосексуалисты, будто бы, когда нибудь отомстят обществу за свои страдания, соединившись для того, чтобы поставить под свою власть гетеросексуалистов.*

*Я полагаю, что некоторые виды таланта, в частности таланты в области искусства, поразительно часто сочетаются с гомосексуализмом; это следует иметь в виду, и мне представляется, что следует тщательно взвесить опасности половой «уравниловки» именно для этой отрасли советской культуры, ибо пока мы не обладаем еще достаточно научным объяснением гомосексуализма.*

*Я позволю себе процитировать одно место из доклада товарища Сталина на 17 съезде партии:*

*«... всякому ленинцу известно, если он настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического государства, организованного по-марксистки, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем быту жили по одному образцу...*

*...Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивая нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве — значит говорить пошлости и клеветать на марксизм».*  
*(Сталин. Отчетный доклад 17 съезду партии о работе ЦК ВКП (б). Ленпартиздат, 1934 г, стр. 54 — 55).*

*Мне представляется, что этот отрывок из доклада товарища Сталина имеет непосредственное отношение к разбираемому мной вопросу.*

*Главное, однако, в том, что в настоящее время даже если и добиваться такой уравниловки, то достигнуть ее невозможно ни методами медицинскими, ни законодательными.*

*Когда оба психиатра, которых я посетил, вынуждены были под давлением моих вопросов признать, что существуют случаи неизлечимого гомосексуализма, я установил свое отношение по этому вопросу окончательно.*

*Надо признать, что существует такая вещь, как неискоренимый гомосексуализм, — я еще не встретил фактов, которые опровергали бы это, — и отсюда, мне кажется, как вывод следует признать неизбежным существование подобного меньшинства в обществе, будь то капиталистическое или даже социалистическое общество.*

*В таком случае нельзя найти никакого оправдания для того, чтобы объявить этих людей уголовно ответственными за их отличительные черты, в создании которых они ни в какой степени не повинны, которые они не в состоянии изменить, даже если бы они этого хотели.*

*Таким образом, пытаясь рассуждать в соответствии с принципами марксизма-ленинизма, так как я их понимаю, я и пришел к заключению к противоречию между законом и теми выводами, которые вытекали из моей линии рассуждения. И именно это противоречие заставляет меня желать авторитетного высказывания по этому вопросу.*

*С коммунистическим приветом ГАРРИ УАЙТ*

*Мой адрес: Б. Афанасьевский, № 5, кв. 11. Тел. 3-43-33*

*Служебный: Петровский переулок номер 8. Москоу Дейли Ньюс.*

*Тел: 2-58-71*

*3-33-26<sup>3</sup>*

---

<sup>3</sup> Гарри Уайт, «Может ли гомосексуалист состоять членом Коммунистической партии?»,  
Источник 5 — 6 (1993): 185 — 191.

## Глава 15

Несколько дней спустя Бородин вызвал Гарри в свой кабинет.

*Неужели это из-за письма? Но оно ведь не могло прийти так быстро.*

«Гарри, ты, наверное, помнишь товарища Робинсона? — Бородин как будто боялся смотреть на Гарри. Чувствовалось, что их последний разговор все же оставил на него не самое благоприятное впечатление. — Тебе придется снова с ним увидеться для еще одного интервью. Поговори с ним, узнай у него, как он живет после того случая, узнай, что хорошего происходит у него сейчас в жизни... спроси у него в особенности — как советское правосудие помогло ему... и как улучшилась его жизнь сейчас, как советское руководство защищает справедливость и в особенности меньшинства...»

Бородин вдруг замолчал, поняв, что во всей этой ситуации была какая-то злая ирония. С одной стороны, он, как главный редактор, хотел, чтобы иностранцы, находящиеся на территории СССР, думали, что советское правосудие всегда встанет на их защиту. А с другой стороны — Гарри, его заместитель, не мог рассчитывать на помощь правосудия, поскольку внезапно такие люди, как Гарри, снова оказались преступниками.

Гарри тоже понимал эту иронию, но глубоко внутри надеялся, что всё изменится.

*Все будет хорошо. Все изменится. Товарищ Сталин выслушает меня. Нужно только дождаться, когда он прочтет письмо, —* надеялся Гарри.

«Я немедленно отправлюсь в Сталинград», — сказал Гарри, стараясь сделать их разговор как можно кратким. Он тоже испытывал какое-то странное неудобство при разговоре с Бородиным.

К концу недели Гарри уже был в Сталинграде, где снова отправился в общежитие Робинсона. Увидев Гарри, Робинсон широко улыбнулся и обнял его по-дружески.

«Гарри, как я рад тебя видеть!»

«Я приехал, чтобы взять у тебя еще одно интервью», — объяснил Гарри.

«Да-да, руководство завода мне уже сообщило. Пойдем в мою квартиру — мы поговорим там».

Оказавшись в квартире, Робинсон закрыл за собой входную дверь, и его веселое выражение лица сразу изменилось. Теперь он выглядел обеспокоенным. Он начал говорить тише.

«Гарри, хорошо, что ты здесь, правда. Мне нужно многое тебе рассказать. Садись. Я понимаю, что ты, конечно, не будешь писать об этом в своей газете, но ты должен знать, что здесь происходит. Мне даже не с кем это обсудить. На заводе одни американцы, и они все белые. Хотя после того случая никто открыто не издевается надо мной, друзей среди них мне так и не удалось завести. В любом случае, Гарри, на заводе пропадают люди. Каждый день по крайней мере один из сотрудников не куда-то пропадает...»

Сердце Гарри бешено забилося.

«Я не знаю, что происходит, но один из моих русских друзей предположил, что всех их арестовали. Все русские, видимо, боятся даже говорить эту тему, и держатся от меня подальше. Они боятся, что их объявят американскими шпионами».

«Ты думаешь, что ты тоже в опасности?» — вдруг спросил Гарри.

«Я не знаю, Гарри, но думаю, что нет... по крайней мере, я надеюсь, что нет. Ведь все пропавшие были советскими гражданами. Я американец, выгляжу как американец, у меня американский паспорт, поэтому я не думаю, что мне что-то угрожает. Но кто знает?»

Гарри сглотнул, вспомнив Ивана.

«На днях пропал один из моих очень хороших русских товарищей, — продолжил Робинсон. — Он был секретарем парторганизации завода и жил здесь, в одном доме со мной. Он работал с раннего утра до позднего вечера — его жена Маруся всегда жаловалась, что почти не видит его дома. А потом за ним пришли! Маруся рассказала, что ночью к нему пришли сотрудники ОГПУ, дали пять минут на сборы и забрали его. Никаких известий от него она не получила, но ей сообщили, что ее муж — иностранный шпион и враг народа. Сейчас ее выселяют из квартиры».

Гарри тут же взмок.

«Когда я попытался узнать у начальников завода, что происходит, они от меня просто отмахнулись. Но я видел, видел страх в их глазах. Через несколько дней, на территории завода, в одной из стен газет, я прочитал фразу, что-то вроде "мы очистим ряды рабочих от предателей Родины"...»

Гарри сглотнул комок, застрявший в горле.

«Гарри, будь осторожен. К нам, иностранцам, теперь относятся с большим подозрением. Будь осторожен. Мне самому уже немного не по себе от того, что происходит. Мне часто становится страшно».

*Будь осторожен.*

Гарри и так знал, что ему нужно быть осторожным. Он и сам видел, что в СССР творятся странные, страшные вещи. Он знал, что теперь он преступник. В ОГПУ это также знали, ведь он сам по наивности рассказал об этом Колокольцеву. Так что теперь его могли арестовать в любую минуту. А еще о его преступном влечении знал не только Колокольцев, но и, скорее всего, сам товарищ Сталин.

*Но, кроме моего собственного признания, у них нет никаких доказательств... Хотя кому теперь нужны доказательства. Они*

*и так обо мне все знают. Если они захотят, они меня арестуют. И не будет иметь значения, иностранец я или нет. Они могут делать со мной все, что захотят. Ты же помнишь взгляд Колокольцева, Гарри? Если бы была его воля, он бы давно тебя арестовал и с радостью бы бросил в тюрьму.*

*Успокойся, Гарри. Успокойся, — сказал он себе.*

*А товарищ Сталин? Как отреагирует он? Неужели ты действительно думаешь, Гарри, что эти аресты случайность? Люди пропадают повсюду. Помнишь эти лица в пропускном пункте ОГПУ? И теперь Робинсон говорит то же самое. Даже Бородин, Бородин, который всегда был счастлив и спокоен, нервничает и боится. Неужели ты думаешь, Гарри, что все это происходит без ведома Сталина?*

Вернувшись из Сталинграда, Гарри написал очередную хвалебную статью о советском правосудии и справедливости. Делал это он без энтузиазма. Уже понимая, что все это было ложью.

Когда статья была готова, Гарри без особых разговоров передал ее Бородину. Бородин, конечно, заметил обеспокоенное, мрачное выражение лица Гарри, но предпочел ничего у него не спрашивать, опасаясь, что тот снова начнет упрашивать его поговорить со Сталиным. Бородин совсем не хотел ни о чем подобном разговаривать со Сталиным. Что-то внутри Бородина изменилось в его восприятии Гарри.

Каждый день Гарри проверял почтовый ящик в подъезде в надежде увидеть там ответное письмо. Но ящик всегда был пуст. Мысли о письме Сталину на время вытеснили воспоминания об Иване. Гарри уже был не так уверен, что реакция Сталина на письмо будет положительной. Да и вообще он начал сомневаться в том, что писать Сталину было правильным решением.

*Возможно, мне стоит уехать, пока еще не поздно. Чего я жду?  
Ведь я вижу, что происходит.*

*Но я не могу взять и уехать.*

*Мне нужно подождать.*

*Мне нужно знать, что скажет товарищ Сталин.*

Однажды поздно вечером в квартире Гарри раздался звонок. Гарри уже лежал в постели. Был двенадцатый час ночи. В полудреме он подумал, что кто-то звонит в дверь, пока не понял, что это был всего лишь телефон. Подойдя к аппарату в коридоре, он снял трубку.

«Гарри, что ты сделал?» — на другом конце провода он услышал отчаянный голос Павла. Он шептал, но в его шепоте слышалась жуткая пронзительность.

«Павел? Это ты?»

«Гарри, что ты наделал?»

«О чем ты?»

«Алексей! Они только что забрали Алексея!»

Друг Павла. Тот, кто жил с ним в одной комнате. Его «муж», как Иван тогда в шутку комментировал в трактире.

«Как? Кто?» — Сердце Гарри колотилось в груди.

«Люди из ОГПУ! Они только что арестовали его!»

«Я...»

«Это все из-за тебя! Иностранец! Они видели нас с тобой! Они следили за нами! И они решили отомстить именно мне! Теперь я тоже в опасности из-за тебя... они могут в любой момент вернуться за мной! Уезжай отсюда, пока не поздно! Пока ты сам цел!»

Павел повесил трубку.

Гарри продолжал стоять в темноте, сжимая трубку. Сначала он хотел перезвонить, но потом понял, что делать это было незачем. Он мог сделать только хуже.

*Что, черт возьми, происходит в этой стране? Что происходит?*

Гарри еле дошел до кровати. Его сердце билось так сильно от страха и шока, что он думал, что потеряет сознание. Глубокое разочарование, смешанное со страхом и отчаянием. Место, которое он идеализировал, страна, в которой стремился обрести дом, превратилась в место страха. Его мечта о новой свободной жизни в СССР превратилась в ничто.

Той ночью Гарри ворочался, мучительно прокручивая в уме события последних месяцев. Он думал об Иване, Павле, Робинсоне, своем письме Сталину и своих растущих опасениях по поводу того, что его ждет впереди.

На следующий день Гарри снова подумал позвонить Павлу, но решил, что это была плохая идея. Жуткий пронзительный шепот Павла, его ощутимый гнев и очевидный страх дали понять, что он не хочет ни разговаривать с Гарри, ни иметь с ним ничего общего. Власти могут даже прийти и за Павлом.

*«Это всё из-за тебя, иностранец!»*

Теперь Гарри не мог думать ни о чем, кроме собственной безопасности. Он плохо спал; почти не ел.

Бородин заметил все эти изменения в Гарри, но продолжал воздерживаться от вопросов. Он боялся услышать от молодого человека еще какие-нибудь безумные и опасные идеи.

Однажды, прогуливаясь по улице недалеко от своего дома, Гарри внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд. Он небрежно обернулся и почувствовал внезапный страх.

Да, ему не показалось!

Высокий мужчина в черном пальто стоял в нескольких шагах позади него, у витрины магазина. Мужчина смотрел прямо на него!

Гарри вздрогнул. Он развернулся и прибавил скорость, быстро оглядываясь через плечо.

Мужчина исчез.

*Как ему удалось так быстро исчезнуть?*

*Подожди, может быть, это просто моя паранойя?*

На следующий день, когда Гарри возвращался с работы, было около девяти вечера, и уже темно.

Гарри вошел в подъезд, кивнул консьержу Антонову и поднялся на лифте на третий этаж. Когда он подошел к двери своей квартиры, то внезапно услышал какой-то странный шорох.

Наверху. На лестничной площадке, между лестницами.

Там кто-то стоял.

Гарри замер.

*За мной следят?*

*Брось, кто будет за тобой следить?*

Шум наверху прекратился. Возможно, там никого и не было.

*Возможно, это все только в моей голове.*

Доставая ключи у двери в свою квартиру, Гарри вдруг заметил два окурка на полу.

Сердце Гарри начало болезненно колотиться.

Я никогда раньше такого здесь видел. Кто-то меня здесь караулил?

*Это вздор. Если ты действительно думаешь, что кто-то тебя здесь поджидал, то ты можешь просто спросить Антонова. Никто не смог бы пройти сюда незамеченным. Поэтому тебе просто*

*показалось. А с другой стороны... А если он заодно с этими людьми? Ведь если это люди из ОГПУ, они наверняка сказали ему держать язык за зубами. Поэтому, даже если я начну задавать ему вопросы, — он все равно не признается ни в чем. Сделает вид, что здесь никого не было.*

*Подожди. Это могли быть просто мои соседи. Или их друзья.*

Гарри только что понял, что на самом деле понятия не имеет, кто его соседи. Настолько занятой была его жизнь. Он просто никогда их в своей жизни не видел.

*Да, это могли быть соседи.*

Немного поколебавшись и подождав, возобновится ли шум наверху, Гарри принял мысль о том, что у его соседей могли быть посетители, которые курили и случайно оставили окурки на полу.

Гарри открыл дверь и вошел в темную квартиру. Затем он закрыл за собой дверь, осторожно повернул замок и включил свет в коридоре. Он быстро огляделся.

*Никаких сотрудников ОГПУ, и все вроде стоит на своих местах.*

Гарри вздохнул немного ровнее и повернулся, чтобы посмотреть на себя в зеркало.

На него смотрел бледный, заметно исхудавший человек с фиолетовыми мешками под усталыми глазами. Его обычное веселое, улыбающееся выражение лица исчезло.

*Во что я превратился?*

*Мне нужно уезжать.*

*Я больше не могу так жить. В постоянном страхе.*

*Меня могут арестовать в любой день...*

*А что, если товарищ Сталин...*

*Нет! Мне нужно забыть об этом. Он не прочтет мое дурацкое письмо и не поможет мне освободить Ивана.*

*Но есть ли смысл возвращаться в Шотландию? Ведь таких, как я, там тоже презирают и преследуют...*

*По крайней мере, — успокаивал себя Гарри, — я жил там раньше и знаю, как с этим справиться. Доусон будет рад принять меня обратно. Да, вначале он прочитает мне лекцию о том, как он был прав... Но какая разница.*

Нервы Гарри были натянуты, и по ночам он не мог заснуть, прислушиваясь к шагам и звукам в коридоре.

Иногда ему казалось, что прямо возле его квартиры стоят сотрудники ОГПУ. Ждут. Ему даже казалось, что он мог учуять сигаретный дым.

Но если они там, то чего ждут?

Подходящий момент, чтобы ворваться в квартиру и схватить меня...

Лежа в кровати, Гарри напряг уши. Но ничего не происходило.

В те ночи, когда ему удавалось заснуть, сны его были короткими и отрывочными. В голове возникали образы и лица солдат в форме ОГПУ. Затем их лица трансформировались в пугающие силуэты. Гарри казалось, что он что-то слышит, а затем он вскакивал в мокром поту. Такой сон совсем не помогал ему отдохнуть.

В трамвае и на улицах Гарри старался ловить взгляды окружающих. Он чувствовал, что за ним следят, что за ним пристально следят, что за ним охотятся, что за ним скоро придут.

Бородин теперь тоже подозрительно смотрел на Гарри, и они почти не разговаривали. Бородин также заметил изменения во внешности

Гарри, а Гарри увидел изменения в отношении своего босса. Все это становилось невыносимым.

И вот однажды ночью произошло нечто ужасное. Произошло то, чего Гарри ожидал.

Поздно ночью, в легком лихорадочном сне, Гарри услышал стук в дверь. Сначала казалось, что он исходил из глубины его сознания и был лишь частью сна. Гарри даже подумал, что это мог быть стук его сердца, пульсация которого отдавалась в ушах.

Но звук становился все громче и громче. И вдруг глаза Гарри распахнулись, и он осознал, что находится в своей постели и что настойчивый стук исходит не из головы. Стук доносился из коридора. Кто-то стучал в дверь.

Гарри замер от ужаса.

*Наконец они пришли за мной,* — пронеслась мысль в его голове.

Несколько минут ему казалось, что, если он просто так будет лежать, стук прекратится, и люди за дверью, кто бы они ни были, просто уйдут. Затаив дыхание, Гарри ждал.

Но стук не прекращался. Казалось, что люди, стучавшие в дверь, потеряли терпение — они теперь не стучали, а долбили в дверь.

«Открывай!» — раздался резкий голос из-за двери.

Холодный пот хлынул по телу Гарри. Дрожащими руками Гарри накинул на себя свой халат.

«ОТКРЫВАЙ ДВЕРЬ!!»

Где-то внизу залаяла собака.

Гарри вздрогнул.

«Тише! Ты разбудишь весь подъезд», — Гарри услышал другой голос.

Гарри медленно подошел к входной двери. Его ноги подкашивались. Он снова заколебался.

*Возможно, они уйдут.*

«Мы знаем, что ты там! Открывай дверь, или мы ее сейчас выломаем!!»

Гарри был слишком напуган, чтобы даже посмотреть в глазок. В любом случае, он знал, кто это.

Гарри повернул замок и даже не успел открыть дверь, как из темноты появились трое мужчин в темных кожаных пальто. Они втолкнули его обратно в квартиру. Гарри чуть не упал, но сумел удержаться на ногах. Один из мужчин зажег свет в коридоре.

«Я, я ничего не делал...» — сказал Гарри на дрожащем русском языке, вскидывая руки, как бы защищаясь.

Один из людей в форме нахмурился, услышав его иностранный акцент.

«Как ваша фамилия?» — прорычал из них.

«Уайт... Гарри Уайт».

«Это не та дверь; вы ошиблись дверью, товарищи», — вдруг послышался слабый голос из темноты подъезда. Люди в форме оглянулись.

Антонов. Консьерж.

«Пожалуйста, товарищи, тот, кого вы ищете, ж-ж-живет в другой части здания, — сказал Антонов. — Это всего лишь... иностранный корреспондент... оставьте его в покое».

Люди в темной форме переглянулись. На минуту в квартире воцарилась полная тишина.

«Извините, ошиблись! Показывайте нам, где он живет!» — резко сказал один из людей в форме, и все трое тут же вышли из квартиры и растворились в темноте подъезда. Антонов последовал за ними.

Гарри долго стоял в коридоре с открытой дверью, дрожа всем телом от шока и облегчения. Он знал, что только что избежал чего-то невыносимо ужасного.

После этого ночного вторжения к нему пришло четкое понимание, что ему нужно срочно выбираться из СССР. Ему хотелось уехать отсюда навсегда и стереть из памяти все плохое, что случилось с ним и его друзьями в этой стране. Все его убеждения и надежды теперь ничего не значили. Он был невыносимо напуган. Пришло время бежать, пока он еще мог.

«Товарищ Бородин, я хотел сообщить вам, что не собираюсь продлевать контракт», — сказал он Бородину на следующий день.

Бородин посмотрел на Гарри холодно и безразлично. Он явно чувствовал облегчение от того, что Гарри, этот надоедливый сотрудник, наконец-то не сможет докучать ему и подставлять его своими бредовыми идеями.

«Я понимаю тебя, Гарри. Это твое дело. Мы все устроим», — равнодушно сказал Бородин.

Гарри молча вышел из кабинета Бородина и вернулся за свой стол. В офисе никого не было. Все остальные корреспонденты были на заданиях.

Сев за стол, Гарри закрыл лицо руками и зарыдал, от отчаяния, страха, от непонимания.

*Товарищ Сталин... Если бы он прочитал мое письмо. Он поймет. Но откуда мне знать, дошло ли до него мое письмо... В СССР происходит что-то ужасное и непонятное. Я больше не могу здесь оставаться. Я в опасности...*

Неделю спустя Гарри купил билет на поезд до Ленинграда, а оттуда отправился в Лондон.

Разочарованный и испуганный, Гарри Уайт покинул СССР и больше туда не возвращался.

\*\*\*

Письмо Гарри все-таки дошло до Сталина. И он даже полностью прочитал его.

Затем, посмеявшись над наивностью иностранца, Сталин оставил на письме заметку: «Идиот и дегенерат. В архив».